МИСТИЦИЗМЪ КОНЦА XIX ВѢКА

ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІИ

КЪ ХРИСТІАНСКОЙ РЕЛИГІИ И ФИЛОСОФІИ.

Профессора, священ. П. Свѣтлова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 14.
1895.

Извлечено изъ журнала „Странникъ“.

Типографія С. Добродѣева Ковенскій пер., соб. д. № 14

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
463
37

МИСТИЦИЗМЪ КОНЦА XIX ВѢКА

ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІИ КЪ ХРИСТІАНСКОЙ РЕЛИГІИ И ФИЛОСОФІИ.

Πάντα δοκιμάζετε τὸ καλὸν κατέχετε.
Все испытывайте, хорошаго держитесь. I Сол. V. 21.

КАКОЕ дѣйствіе или явленіе имѣетъ свою причину—вотъ законъ, хорошо всѣмъ извѣстный. Однако существуютъ способы обходить или грубо нарушать его, когда въ объясненіи явленій природы ссылаются на случай, а при объясненіи явленій общественной жизни — на моду или неподдающіеся опредѣленію вкусы и капризы минуты: въ томъ и другомъ случаѣ, не желая или не умѣя отыскать причину явленія, думаютъ замѣнить ее ничего незначущими словами. Предлагаемый очеркъ посвящается явленію послѣдней категоріи, къ которой примѣняется въ видѣ объяснительнаго принципа понятіе о модѣ.

Мода, какъ и все, даже „парижскія моды“ (мода въ одеждѣ), слѣдуетъ, говорятъ, извѣстнымъ законамъ, хотя крайне измѣнчивымъ и трудно уловимымъ, ибо и здѣсь многое объясняется условіями мѣста и времени; тѣмъ болѣе явленія въ области духовной жизни народовъ не могутъ имѣть исчерпывающее и даже какое-либо объясненіе въ капризахъ моды.

Они вызываются всякій разъ дѣйствительными и живыми потребностями времени, болѣе или менѣе ясно сознаваемыми, и служатъ яркимъ выраженіемъ господствующаго душевнаго его настроенія, — зеркаломъ, отражающимъ его завѣтныя чаянія, думы и стремленія. Поэтому ничто такъ не вводитъ насъ въ пониманіе духа времени, его, такъ сказать, психологіи, духовнаго облика, какъ эти господствующія или „модныя“ вѣянія и теченія: какъ личность лучше всего сказывается въ ея господствующихъ влеченіяхъ и страстяхъ, такъ и общество или народъ всего легче узнаются въ этихъ массовыхъ увлеченіяхъ, носящихъ какой-то эпидемическій характеръ.

Подлежащее разсмотрѣнію здѣсь явленіе (мистицизмъ) дастъ ключъ къ современной образованной душѣ: оно носитъ всѣ черты современной духовной эпидеміи.

Въ этомъ именно заключается высокій интересъ обсужденія и изученія разсматриваемаго явленія.

Но о немъ должно сказать еще больше.

Всякая живая и плодотворная дѣятельность опирается на пониманіе времени, его задачъ и потребностей. Отсюда, знакомство съ разсматриваемымъ явленіемъ пріобрѣтаетъ не только теоретическій, но и практическій интересъ; оно представляетъ интересъ не только для науки, но и для школы, общества, государства и церкви.

Христіанская Церковь призвана къ живому воздѣйствію на современное общество живымъ словомъ богословія и проповѣди. Но какимъ образомъ слово, незнающее и нежелающее знать дѣйствительной жизни, можетъ быть *жизненнымъ*, т. е. согласнымъ съ дѣйствительными нуждами времени, — словомъ благовременнымъ, нужнымъ, мѣткимъ и интереснымъ? Не въ келліи и кабинетѣ намѣчаются и создаются пути живому авторитетному христіанскому слову, а за ихъ стѣнами, въ той мірской мятущейся средѣ, гдѣ оно должно властно покорять Христу блуждающія во тьмѣ души: здѣсь, въ дѣйствительныхъ потребностяхъ ея, указываются задачи, методъ и направленіе слова живого и дѣйственнаго, утоляющаго голодъ духовный потребною пищею,—хлѣбомъ и рыбою, а не камнемъ и змѣею (Мѳ. VII, 10; Лк. XI, 11).

Очевидно, жизненное слово должно быть своевременнымъ: оно не должно быть преждевременнымъ, съ нимъ нельзя и запаздывать.

Духовная печать въ одномъ случаѣ весьма убѣдительно и наглядно констатировала особенность нашего богословскаго апологетическаго слова,—постоянное его запаздываніе [1]. Оно громитъ вольтерьянство въ то время, какъ общество увлекается Гегелемъ и Шеллингомъ; поражаетъ гегельянство, когда на смѣну ему выступилъ матеріализмъ и т. п. Оно бьетъ лежачихъ и тревожитъ тѣни умершихъ, если можно такъ выразиться. Оно дѣлаетъ насъ похожими на плохихъ врачей, которые продолжаютъ лѣчить болѣзнь одними и тѣми-же средствами, не смотря на явныя ея превращенія, или на тѣхъ ратниковъ-ополченцевъ изъ далекой Сибири, которые, по разсказамъ, явились на оборону Севастополя тогда, когда крѣпость была взята, война окончена и миръ заключенъ. И теперь мы еще продолжаемъ аттаковать грубый метафизическій матеріализмъ энциклопедистовъ и Молешотта съ Бюхнеромъ, хотя даже заступившій его мѣсто Контовскій позитивизмъ и неокантизмъ претерпѣли многочисленныя превращенія включительно до мистицизма, который, выражаясь современнымъ научнымъ языкомъ, можно назвать заключительнымъ результатомъ въ сложной эволюціи метафизическаго матеріализма.

Раздѣлитъ-ли у насъ мистицизмъ судьбу другихъ преходящихъ теченій европейской мысли — неизвѣстно, но посильное слово о немъ теперь въ высшей степени своевременно, и оно предлагается здѣсь.

I.

Конецъ XIX в. ознаменованъ явленіемъ, напоминающимъ послѣдніе дни древняго, отживавшаго свой вѣкъ, античнаго міра,—оккультизмомъ или тяготѣніемъ ума къ таинственному,

---

[1] См. въ „Православномъ Обозрѣніи“ за 1886 г кн. II—III, ст. А Ѳ. Гусева: *Левъ Николаевичъ Толстой, его исповѣдь и мнимо-новая вѣра.*

непостижимому, при его общемъ положительномъ скептическомъ настроеніи отрицанія и невѣрія. Мистицизмъ грекоримскій, выражавшійся въ увлеченіи мистеріями, восточными религіями Египта, Вавилона и Индіи, особенно въ неоплатонизмѣ, былъ реакціею матеріалистическо-одностороннему направленію жизни со стороны человѣческаго духа, утомленнаго его пустотою. Начало интереса къ таинственному въ настоящее время совпадаетъ съ явными симптомами крайняго пресыщенія или утомленія ума пустотою матеріализма въ жизни и знаніи; онъ есть послѣдствіе скуднаго питанія души „рожками“ въ „дальней сторонѣ“ (Ев. Л. XV) и смутное безотчетное стремленіе духа на родину, въ область родной ему стихіи религіи и метафизики съ ихъ міромъ невидимаго, высшаго бытія. Теперь, какъ и тогда, опустѣлая душа европейца спѣшитъ заполнить пустоту свою на первыхъ порахъ тумановъ призрачной мудрости таинственной колыбели человѣчества, сѣдой Азіи, и черпаетъ себѣ живую воду въ нѣдрахъ буддизма, который, кстати, прекрасно отвѣчаетъ глубоко - пессимистическому настроенію европейца. Такова психологическая подкладка современнаго европейскаго увлеченія доктринами буддизма, разныхъ попытокъ построенія на его началахъ религіи и философіи, таковъ источникъ и знаменитаго „Теософическаго Общества“. Та же самая подкладка лежитъ и въ основаніи особенно-напряженнаго и повсемѣстнаго интереса къ загадочному въ области психическихъ явленій и сказывается въ усердномъ научномъ изученіи явленій телепатіи, ясновидѣнія, чтенія мыслей, предчувствій, видѣній, необыкновенныхъ сновидѣній и проч., особенно же гипнотизма съ его внушеніемъ и другими феноменами. Не говоря уже о салонномъ и ярмарочномъ гипнотизмѣ, который служитъ предметомъ празднаго любопытства и пустой забавы для толпы, и въ области научной гипнотизмъ занялъ особенное привиллегированное положеніе, сдѣлавшись предметомъ усердной научной разработки. Ему посвящаются международные конгрессы, ученыя общества, спеціальные журналы, какъ въ особенности французскій, издаваемый Берилльономъ (Berillon) съ 1887 г. въ Парижѣ, Revue de l'Hypnotisme, или

же Annales des sciences psychiques, изд. M. Darieux также въ Парижѣ, и нѣмецкій Sphinx, основанный А. Н. Аксаковымъ въ 1886 году и издаваемый теперь въ Лейпцигѣ подъ ред. доктора правъ Hubbe-Scheiden'a, равно какъ другіе журналы разныхъ ученыхъ психологическихъ обществъ. Необозримая литература гипнотизма, одинъ перечень которой, напримѣръ, въ книгѣ Макса Дессуара, можетъ всякаго повергнуть въ изумленіе, есть живое и наглядное свидѣтельство необыкновеннаго увлеченія гипнотизмомъ [1]. Что всего удивительнѣе, этому общему увлеченію какъ гипнотизмомъ, такъ и другими загадочными психическими явленіями поддалась и точная экспериментальная психологія, повидимому поставленная на твердый путь такими ея представителями какъ Фехнеръ, Веберъ, Гельмгольцъ и Вундтъ: и она видитъ въ изслѣдованіи этихъ явленій полезное и даже необходимое себѣ дополненіе; гораздо болѣе, „оккультическій" оттѣнокъ весьма ясно замѣтенъ и въ экспериментальной психологіи. Это обстоятельство съ великимъ сокрушеніемъ констатируетъ *Вундтъ* въ своей брошюрѣ о гипнотизмѣ. Онъ жалуется, что теперь психологи удѣляютъ слишкомъ много вниманія таинственному въ психической области и что существующія въ Европѣ разныя психологическія общества экспериментальной психологіи измѣнили своему знамени, т. е. прежнему научному направленію, каковы: основанное въ Парижѣ докторомъ Шарко Societé de Psychologie physiologique (съ 1885 г.), основанное въ 1890 году Мюнхенско-

---

[1] Max Dessoir. Bibliographie des modernen Hypnotismus, Berlin 1888, съ дополн. 1890. Да и этотъ перечень, говорятъ, неполонъ: см. проф. А. Н. Гилярова *Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы.* Кіевъ 1894, стр. 14.—Самое увлеченіе это объясняется, можетъ быть, обиліемъ таинственныхъ феноменовъ въ гипнотизмѣ, обнимающихъ здѣсь почти всю область психопатологической магіи, возможностью экспериментальнаго изученія и искусственнаго ихъ воспроизведенія по произволу; наконецъ, особенно, какъ кажется, притягательную сторону гипнотизма составляетъ необыкновенно-поразительный и эффектный его феноменъ,—внушеніе (suggestion), выдѣлившій изъ себя отдѣльную группу явленій въ этой области и особую отрасль изслѣдованій подъ названіемъ *суггестіонизма* (der Suggestionismus).

Берлинское „Общество психологическаго изслѣдованія“ (Gesellschaft für psychologische Forschung), таковое же общество въ Мюнхенѣ, посвященное сомнамбулизму, въ его различныхъ видахъ, и спиритизму (Gesellschaft für wissenschaftliche Psychologie). По заявленію Вундта такъ называемая *физіологическая психологія* въ Германіи „влачитъ только очень скромное и подчиненное существованіе“. Но и общая психологическая и философская литература, по наблюденію его же, не уклоняются отъ этого теченія времени. „Самый большой изъ философскихъ журналовъ Франціи, прекрасно редактируемый, Revue Philosophique, съ одинаковою охотою помѣщаетъ сообщенія какъ объ опытахъ съ гипнотизмомъ, такъ и о телепатіи, животномъ магнетизмѣ и т. п. Также и нѣмецкіе философскіе журналы, повидимому, не хотятъ уже болѣе уклоняться отъ примѣра, даннаго имъ такими образцовыми заграничными органами“... [1]. Но еще лучше иллюстрируетъ это положеніе вещей размноженіе въ послѣднее время психологическихъ обществъ, спеціально посвященныхъ „оккультизму“, въ Англіи, Франціи, Америкѣ, Германіи и другихъ странахъ. Первымъ въ ряду ихъ по времени и по своему значенію стоитъ несомнѣнно „Лондонское Общество Психическихъ Изслѣдованій“, основанное въ 1882 г. (Society for Psychical Research) съ его трудами (Journal of the Society for Ps. Res., ежем., и Proceedings S. P. R.). Въ программу его занятій прямо входитъ изученіе гипнотизма, месмеризма, ясновидѣнія, одизма, спиритизма и др. сродныхъ явленій, особенно телепатіи, въ качествѣ главнаго и спеціальнаго предмета. Въ слѣдъ за этимъ обществомъ и по его образцу явилось много и другихъ подобныхъ обществъ, напримѣръ въ Америкѣ, основанное проф. Minot въ 1885 г., „Американское Общество Психическихъ изслѣдованій“ (American Society for Psychical Research), въ Швеціи Sven-

---

[1] В. Вундтъ. *Гипнотизмъ и внушеніе.* Пер. съ нѣм. Н. Колубовской. М. 1893 г. См. стр. 4—7. «Такова ужъ естественная особенность философіи», замѣчаетъ Вундтъ, «что она носитъ на себѣ слѣды не только научныхъ успѣховъ своего вѣка, но и его ошибокъ и заблужденій». Стр. 81.

ska Samfundet for Psykisk Forskning, существующее съ 1890, „Изида“ (Isis) въ Килѣ и др. Весьма явные отголоски этого интереса къ таинственному можно замѣтить и у насъ,—не столько въ существованіи журнала подъ именемъ „Ребусъ“, изд. въ С.-Петербургѣ, сколько въ поспѣшномъ переводѣ на русскій языкъ иностранной литературы, особенно по гипнотизму, въ обсужденіи иногда вопросовъ этого рода на страницахъ журналовъ или, лучше, Московскаго журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“, отчасти въ самомъ „Московскомъ Психологическомъ Обществѣ“, издающемъ этотъ журналъ, а болѣе всего въ безконечныхъ разговорахъ и разсужденіяхъ о предметахъ таинственныхъ вкривь и вкось...

Все, выше сказанное, позволяетъ отмѣтить одну существенную черту въ современномъ мистицизмѣ: онъ пріурочивается исключительно къ области необыкновенныхъ психическихъ явленій и можетъ быть названъ *психологическимъ* въ отличіе отъ древне-языческаго, который слѣдуетъ назвать *метафизическимъ* и *религіознымъ*, а также и средневѣковаго, который не иначе можно опредѣлить, какъ назвавши его *физическимъ*, поскольку онъ главнымъ образомъ направлялся на предметы и явленія физической природы и имѣлъ цѣлію познаніе ея сокровенныхъ тайнъ.

Но не только этотъ психологическій характеръ отличаетъ новый мистицизмъ отъ древне-языческаго и средневѣковаго, но и другія важныя черты рѣзко его отличаютъ отъ нихъ. Съ древне-классическимъ современный *психологическій мистицизмъ* имѣетъ общее лишь въ исходномъ своемъ началѣ, и расходится существенно во многомъ.

Древне-классическій мистицизмъ былъ лишь временнымъ или переходнымъ и неустойчивымъ состояніемъ души, утомленной крайностью матеріализма и нашедшей въ мистицизмѣ временное успокоеніе и отдыхъ, чтобы снова вернуться къ нему, когда мистицизмъ утратитъ обаяніе новизны. Онъ былъ моментомъ безплодной и безполезной для души праздности, временною остановкою въ ея дѣятельности, простымъ развлеченіемъ и отдыхомъ. Таинственное тогда служило лишь средствомъ, а не цѣлью мистицизма, и интересъ къ нему не былъ

серьезнымъ исканіемъ свѣта, выхода изъ темноты: необузданная фантазія, заступившая мѣсто разума, погружала душу въ еще большій мракъ... Совсѣмъ иной характеръ получилъ мистицизмъ европейскій. Европейскій умъ, обратившись отъ міра матеріальнаго къ области таинственнаго, внесъ немедленно въ нее свои привычки, вкусы, свою атмосферу свойственнаго ему, временемъ выработаннаго, точнаго мышленія съ его плодотворною для знанія дисциплиною,—съ его методами точнаго опыта и наблюденія. Другими словами, европейскій мистицизмъ получилъ научный характеръ въ отличіе отъ древняго: онъ не простое отдохновеніе ума на новыхъ предметахъ и впечатлѣніяхъ, не развлеченіе и временный капризъ ума, а серьезное, много обѣщающее для науки о человѣкѣ, дѣло. Таинственное для него не есть предметъ праздная любопытства и пища фантазіи, а новая область фактовъ, которые онъ вводитъ въ кругъ научнаго изслѣдованія на однихъ правахъ съ другими фактами. Такимъ образомъ, мистицизмъ обрѣлъ здѣсь себѣ не отдыхъ, а новое дѣло, новую работу съ новыми задачами въ той области, которая ему прежде такъ была чужда; въ этой области таинственныхъ явленій духовной жизни европейскій умъ обрѣлъ, благодаря своей серьезной дисциплинѣ, подходящую для него почву или мостикъ для перехода изъ затхлой атмосферы *матеріализма* въ новый широкій міръ чудесъ человѣческой души съ ея неизсякаемымъ богатствомъ, въ область *спиритуализма*. Мистическое—это та почва, на которой спиритуализмъ открываетъ смертельную войну матеріализму и по собственному сознанію послѣдняго, и современный мистицизмъ поэтому получаетъ въ глазахъ всякаго понимающаго дѣло и дорожащаго истиною великое значеніе могущественнаго орудія для борьбы истины съ ложью, спиритуализма съ матеріализмомъ. „Убѣждаться въ истинности чего-либо“, справедливо разсуждаетъ г. *Вл. Соловьевъ*, „можно тремя путями: религіознымъ, черезъ откровеніе свыше и свидѣтельство священныхъ авторитетовъ; чисто-раціональнымъ, посредствомъ философскаго размышленія, и эмпирическимъ—въ силу фактовъ опыта. Религіозныя основанія истины пріемлются только вѣрующими, чисто-ра-

ціональныя или философскія убѣдительны только для меньшинства, способнаго къ умозрительному мышленію; эмпирическія доступны всѣмъ и каждому".

„Отсюда понятенъ общій интересъ къ (таинственнымъ психическимъ) явленіямъ... При изученіи этихъ явленій самые великіе и важные для человѣка вопросы изъ святилища вѣры и съ недосягаемыхъ вершинъ умозрѣнія переносятся на открытую и общедоступную площадь матеріальныхъ фактовъ; здѣсь спиритуалисты стараются побѣдить матеріализмъ въ его собственной области" [1].

Въ виду этихъ особенностей мистицизма, его научнаго и жизненно-практическаго характера, т. е. соотвѣтствія просыпающимся высшимъ запросамъ въ современной душѣ, для которой рамки матеріалистической науки стали тѣсны, не трудно предвидѣть, какія великія услуги онъ долженъ будетъ, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ оказать современному образованному уму, сбившемуся съ прямого пути къ истинѣ. Выше всякаго сомнѣнія, что онъ не пойдетъ къ ней прямымъ кратчайшимъ путемъ, который открывается ему въ Христіанской Церкви. Привыкнувъ блуждать въ потемкахъ, онъ на первыхъ порахъ будетъ довольствоваться полумракомъ таинственнаго, чтобы, мало по малу пріучивши свое зрѣніе къ свѣту, потомъ безъ вреда для зрѣнія открыть глаза свои яркому свѣту Христовой истины. О мистицизмѣ слѣдуетъ сказать то же, что сказано св. *Василіемъ Великимъ* о древнеклассической мудрости въ ея отношеніи къ Христіанству, служившей для язычества естественною переходною къ нему ступенью. Въ христіанскую жизнь, говоритъ онъ, „вводятъ насъ, конечно, священныя писанія...; но пока, по возрасту, не можемъ изучить глубину смысла ихъ, мы и въ другихъ писаніяхъ, не вовсе отъ нихъ далекихъ, упражняемъ на время духовное

---

[1] Э. Герней, Ф. Майерсъ, Ф. Подморъ, *Прижизненные призраки и другія телепатическія явленія*. Съ англ. «Phantasms of the Living» сокращ. пер. подъ ред. и съ предисловіемъ Вл. Соловьева. Спб. 1893, предисловія стр. Ш. (Рѣчь идетъ здѣсь о явленіяхъ телепатіи, но сказанное имѣетъ полное примѣненіе и къ другимъ таинственнымъ психическимъ явленіямъ).

око, какъ въ нѣкоторыхъ тѣняхъ и зерцалахъ, подражая упражняющихся въ дѣлѣ ратномъ, которые, пріобрѣтя опытность въ ловкомъ движеніи рукъ и ногъ, выгодами этой игры пользуются въ самыхъ битвахъ... Подобнымъ образомъ и мы..., посвятивъ себя предварительному изученію сихъ внѣшнихъ писателей, потомъ уже начнемъ слушать священные и таинственные уроки, и какъ бы привыкнувъ смотрѣть на солнце въ водѣ, обратимъ, наконецъ, взоры къ самому свѣту". [1] Эти великія слова продиктованы глубокою мудростью или знаніемъ человѣческой души и истинною христіанскою любовью святого отца къ немощнымъ въ вѣрѣ, дѣлающимъ первые невѣрные шаги къ истинѣ. Слова эти содержатъ въ себѣ благодѣтельное напоминаніе всякому богослову-апологету о безусловной необходимости въ его трудахъ на пользу истины Христовой милосерднаго снисхожденія къ немощамъ ближняго, особенно въ вѣрѣ, и любви къ нему,—той любви, которая какъ во всякомъ истинно христіанскомъ дѣлѣ, такъ и въ апологетической богословской дѣятельности стоитъ выше и прежде знанія, въ которомъ полагаютъ ея силу, ибо и здѣсь, въ области апологетическаго слова, мы воочію можемъ видѣть доказательство той истины, что всякое человѣческое слово, даже если бы оно было совершеннѣе человѣческаго, безъ любви—„мѣдь звенящая, или кимвалъ звучащій" (1 Кор. XIII, 1 и д.). Безъ сомнѣнія, для настроенной такимъ образомъ богословской апологетической мысли современный мистицизмъ является истинно-драгоцѣнною находкою, какъ самое подходящее для ея цѣлей средство. Она никакъ не можетъ стать въ сторонѣ отъ разсматриваемаго движенія въ современномъ образованномъ человѣчествѣ, движенія къ свѣту, какъ бы ни была странна повидимому форма, которую оно теперь имѣетъ; она постарается извлечь все нужное для своихъ цѣлей и изъ „жалкихъ гипнотическихъ кудесничаній", какъ названы въ одномъ духовномъ журналѣ научныя занятія гипнотизмомъ, она и

---

[1] Св. *Василій Великій* Бес. 22 «Къ юношамъ о томъ, какъ получать пользу изъ языческихъ сочиненій» (Твореній ч. IV. по изд. 3-му М. Д. А. 1892, стр. 320—321).

здѣсь должна будетъ стоять на высотѣ апостольской заповѣди быти всѣмъ вся при свободѣ отъ всѣхъ (1 Кор. IX, 19—22). Современныя „гипнотическія кудесничанья“ принадлежатъ именно къ категоріи продуктовъ образованности „не вовсе далекихъ“ отъ Христіанской истины, по выраженію св. *Василія Великаго*. Во всякомъ случаѣ они не могутъ идти въ какое-либо сравненіе съ бреднями, напр., астрологіи и алхиміи, такъ какъ въ основаніи ихъ лежатъ факты, хотя и не вполнѣ изученные. Однако, если-бы и астрологія могла быть полезна для обращенія заблудшаго ума къ истинѣ, то любовь христіанская снизошла бы и къ этой немощи человѣческаго ума, чтобы поднять его до себя. Дѣйствуя такъ, богословъ-апологетъ подражалъ бы самому Богу; а какъ—объ этомъ поучаетъ св. *Іоаннъ Златоустъ*, когда разсуждаетъ о поклоненіи Господу волхвовъ. „Посмотри“, говоритъ онъ, „на премудрость Божію, какъ Онъ призвалъ ихъ (волхвовъ). Онъ не послалъ къ нимъ ни пророка: ибо его они не приняли бы;—ни апостола: ибо его они не послушали бы;—ни писаній: ибо ихъ они не знали;—но собственными и сродными имъ предметами извлекъ ихъ изъ заблужденія. Такъ какъ они были волхвы и занимались звѣздами, то является звѣзда, которая влечетъ ихъ за предѣлы ихъ отечества, звѣзда не изъ видимыхъ нами, но нѣкоторая божественная и невидимая сила, принявшая видъ звѣзды; звѣзда влечетъ ихъ, чтобы освободить ихъ отъ занятія звѣздами и разрушить владычество звѣздочетства. Такъ поступилъ и Павелъ, подражая своему Владыкѣ: *подражатели мнѣ бывайте*, говорилъ онъ, *якоже и азъ Христу* (1 Кор. 4, 6). Какъ Владыка его, призывая волхвовъ, послалъ видъ звѣзды, чтобы они, узнавъ знакомый предметъ, удобнѣе послушались, и пришедши, увидѣли самого Владыку звѣздъ, и чтобы, освободившись отъ того рабства, покорились этому владычеству; такъ точно и Апостолъ, желая отмѣнить обрѣзаніе, послалъ къ Іудеямъ Тимоѳея, совершивъ надъ нимъ обрѣзаніе..., поступивъ подобно рыболовамъ, которые опускаютъ уду въ море не обнаженною, но покрывъ ее мясомъ. Итакъ можно сравнить синагогу съ моремъ, Іудеевъ съ рыбами, Тимоѳея съ удою, обрѣзаніе съ мясомъ, а Павла

съ рыболовомъ. Онъ бросаетъ уду въ море не обнаженную, т. е. посылаетъ Тимоѳея обрѣзаннымъ, а не необрѣзаннымъ; ибо, если-бы онъ послалъ его необрѣзаннымъ, то рыбы ушли бы, увидѣвъ уду обнаженную; потому онъ и покрываетъ ее обрѣзаніемъ, чтобы они, замѣтивъ обычное, бросились на приманку, чтобы не отогнать добычи, бросающейся на приманку, чтобы привлечь ихъ обрѣзаніемъ, а удержать словомъ ученія, какъ и случилось. Ибо, пришедши къ нимъ, Тимоѳей обрѣзанный уничтожилъ обрѣзаніе. Таковы дѣла домостроительства Божія; сначала Онъ снисходитъ къ людямъ, а потомъ возстановляетъ ихъ“ [1].

Чѣмъ была астрологія для языческихъ волхвовъ или „мудрецовъ“ восточныхъ, тѣмъ, можетъ быть, современный оккультизмъ станетъ для нынѣшнихъ мудрецовъ европейскаго матеріалистическаго просвѣщенія. Въ немъ дается ему точка соприкосновенія съ чуждымъ ему міромъ христіанскихъ идей; въ немъ наука выступаетъ изъ тѣсныхъ предѣловъ чувственно-матеріальнаго міра и поднимается на одну плоскость съ христіанскимъ міросозерцаніемъ въ нѣкоторыхъ основныхъ его моментахъ. Къ этой мысли прямо ведутъ заявленія самихъ ученыхъ адептовъ научнаго оккультизма о его значеніи для нихъ. Вотъ какое признаніе читаемъ мы въ книгѣ одного нѣмецкаго психолога-медика о внушеніи, получившей большую извѣстность въ литературѣ: „авторъ самъ можетъ признаться, что уже давно ничто въ такой степени не сближало его съ христіанскою (католическою) религіей, какъ его занятія суггестіонизмомъ и соприкосновенными съ нимъ предметами. Суггестіонизмъ—вотъ, наконецъ, тотъ путь, который выведетъ насъ снова къ болѣе широкому пониманію міра изъ узкой земной клѣтки матеріализма, заключившей наше время! Благо намъ, что такой путь можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ научнымъ путемъ! Ужъ, конечно, лучше пріобрѣсти вмѣсто „слѣпой вѣры угольщика въ сверхъестественное“ познаніе сверхъестествен-

[1] *Св. І. Златоустъ* «Бес. въ присутствіи готѳовъ» *(Слова и бес. на разн. случаи. Спб. 1865, т. 2, стр. 364—366).* Мысль святого отца отчасти выражена въ тропарѣ праздн., — въ словахъ: «звѣздамъ служащіи звѣздою учахуся Тебѣ кланятися, Солнцу правды» и дал.

наго хотя бы и не полное, основанное лишь на аналогіяхъ. Сверхъестественное не перестанетъ такъ же много, или такъ же мало, какъ и прежде, быть божественнымъ, а можетъ быть и въ такой же степени таинственнымъ; но понятіе о сверхъестественномъ, которому, во всякомъ случаѣ, не наносится вреда, должно будетъ измѣниться“ [1].

Подобно астрологамъ и алхимикамъ ученые адепты современнаго „оккультизма“ думаютъ найти въ немъ ключъ къ „высшимъ тайнамъ природы“, къ рѣшенію всѣхъ и всякихъ загадокъ бытія, оставляемыхъ безъ разрѣшенія наукою. Но слабаго мерцанія истины въ области изучаемыхъ ими явленій недостаточно для этого: довольно, если оно послужитъ путеводною звѣздою къ полному свѣту истины, заключенному въ Божественномъ Христіанскомъ Откровеніи.

При полномъ яркомъ свѣтѣ Христіанства вѣрующему, конечно, не нуженъ тусклый свѣтъ оккультизма; но богословъ-апологетъ найдетъ въ оккультической литературѣ богатые матеріалы, дающіе научно-психологическое освѣщеніе и подтвержденіе многихъ пунктовъ Христіанскаго религіознаго міросозерцанія и основныхъ положеній спиритуалистической философіи, каковы: понятіе о душѣ, какъ самостоятельной духовной и безсмертной сущности, ученіе о религіи, какъ взаимодѣйствіи и взаимообщеніи Духа Божественнаго и духа человѣческаго, догматъ о единствѣ Церкви небесной и земной или ученіе о взаимномъ общеніи живыхъ и умершихъ, въ частности догматъ о призываніи святыхъ, о вліяніи злыхъ духовъ на человѣка и др. Такимъ образомъ, изученіе такъ наз. оккультической литературы получаетъ *чисто-положительное* значеніе въ богословіи, проливая свѣтъ на нѣкоторыя темныя стороны или тайны Христіанскаго догматическаго ученія особенно касательно загробнаго человѣческаго существованія (доказательства высокаго апологетическаго интереса изученія этой литературы представляются ниже на примѣрахъ).

Положительное значеніе въ богословіи оккультической ли-

---

[1] D-r phil. Hans Schmidkunz Psychologie der Suggestion. Mit ärtzlich—psychologischen Ergänzungen von Dr. phil. et med. F. C. Gerster. Stuttgart 1892, p. 336.

тературы не можетъ быть значительно по своимъ результатамъ. Въ виду этого обстоятельства, а также въ виду скептическаго или отрицательнаго направленія въ оккультической литературѣ, ставящихъ противоположныя первому задачи, богословъ - апологетъ въ изученіи ея долженъ обратить вниманіе на *полемическое* значеніе его по преимуществу. Изученію таинственныхъ или необычныхъ явленій съ жаромъ отдаются и вѣрные поклонники точной матеріалистической и полуматеріалистической науки, но не для того, чтобы выдти изъ узкой ея сферы на вольный Божій просторъ съ его безчисленными чудесами, а для того, чтобы окончательно замкнуться въ своемъ тѣсномъ міркѣ, сведя къ нему, къ его законамъ и основнымъ элементамъ, все, выходящее за его предѣлы,—и прежде всего обширную область таинственнаго въ сферѣ психической жизни. Они готовы во имя догматовъ своего жалкаго катихизиса зачеркнуть все, весь безграничный необъятный міръ, только потому, что онъ не умѣщается въ узкой схемѣ ихъ міросозерцанія. На этомъ основаніи міръ превышающихъ ихъ рамки таинственныхъ психическихъ явленій просто напросто отрицается, какъ „чепуха“, потому что этотъ новый міръ не есть „міръ *Коперника*, *Галилея* и *Ньютона*, *Лейбница* и *Канта*, міръ вѣчно неизмѣнныхъ законовъ“, а какой-то другой, ставящій „вверхъ дномъ“ и „въ колебаніе“ этотъ великій міръ съ его законами. Такъ именно выражаетъ основной характеръ и сущность разсматриваемаго позитивно-научнаго направленія въ оккультической литературѣ современное „свѣтило“ науки („оффиціальной науки“) *Вундтъ*, являя собою, къ сожалѣнію, замѣчательный примѣръ научной рутины и самодовольства, совсѣмъ несвойственныхъ истинной наукѣ съ ея неустаннымъ стремленіемъ къ новому и неизвѣданному [1]. Какъ въ своихъ утвержденіяхъ, такъ и въ отрицаніяхъ наука

[1] Вундтъ, Гипнотизмъ и внушеніе стр. 9. Мѣткую оцѣнку нашло себѣ осмѣяніе «свѣтиломъ» оккультизма въ прекрасной книгѣ Проф. А. Н. Гилярова. Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы (1881—1893) стр. 394 и д.: Non ridere, sed intelligere напоминаетъ онъ о глубокомъ изреченіи Спинозы и о мудромъ совѣтѣ Лапласа не спѣшить отрицаніемъ новыхъ явленій, несогласныхъ съ нашимъ знаніемъ, въ виду ограниченности и скудости послѣдняго.

всегда основывается на одномъ лишь изслѣдованіи: она ничего не утверждаетъ и ничего не отрицаетъ безъ предварительнаго изслѣдованія. Духу истинной науки одинаково чужды какъ легковѣріе или наивная довѣрчивость, такъ и узкая фанатическая нетерпимость.

Понятно, что вѣрная своему узкому девизу точная „оффиціальная“ наука должна отрицательно и враждебно отнестись къ оккультизму, въ изслѣдованіи области таинственныхъ психическихъ явленій усмотрѣть для себя одинъ только вредъ, а не полезное подспорье (такъ Вундтъ, напр., а вслѣдъ за нимъ и другіе всѣми средствами стараются подорвать психологическое значеніе гипнотизма); въ самомъ же оккультическомъ теченіи эта наука должна видѣть въ общемъ вредное для нея патологическое направленіе мысли. „Позитивная наука“, разсуждаетъ одинъ изъ выдающихъ себя за ея строгаго послѣдователя, „имѣетъ дѣло лишь съ явленіями, доступными точному изслѣдованію; въ области психологіи они заключаются въ проявленіяхъ духовной жизни, и они-то и составляютъ объектъ научной психологіи. Что такое человѣческая душа, есть-ли она отдѣльное существо, существуетъ-ли она вообще и проч.—эти любопытные вопросы съ этой точки зрѣнія праздны. Вѣковой опытъ показалъ, что самыя субтильныя размышленія о нихъ ни къ чему положительному не приводятъ. Поэтому современная научная психологія совершенно основательно устранила ихъ отъ себя и занялась изученіемъ конкретныхъ психическихъ явленій, пользуясь для этого весьма разнообразными методами, какъ субъективными, такъ и объективными и экспериментальными. Мистическія же изслѣдованія, клонящіяся къ раскрытію сущности души, хотя бы даже они имѣли экспериментальный характеръ, на самомъ дѣлѣ суть не что иное, какъ маскированное возстановленіе отжившихъ метафизическихъ стремленій“ [1]. Свой взглядъ на современный мистицизмъ „строго-научная“ фракція можетъ найти въ слѣдующихъ *изреченіяхъ* „свѣтила“: „Конечно, оккультизмъ, если смотрѣть на него какъ на культурно-историческое явленіе,

[1] Д-ра П. Я. Розенбаха, *Современный мистицизмъ. Критическій очеркъ.* Спб. 1891, стр. 52.

представляетъ не малый интересъ, и при томъ слѣдить за его различными видоизмѣненіями и фазами развитія, думается мнѣ, составляетъ привлекательную задачу психологіи народовъ. Но это отнюдь не даетъ достаточнаго повода желать дальнѣйшихъ успѣховъ этому сплошь патологическому направленію современной науки, какъ нельзя ожидать отъ врача, изучающаго съ научнымъ интересомъ симптомы болѣзни паціента, чтобы онъ желалъ ухудшенія симптомовъ“ [1].

Въ этомъ приговорѣ есть доля правды. Никто, конечно, не будетъ считать оккультизмъ нормальнымъ явленіемъ; это— болѣзнь, но болѣзнь, за которою, можетъ быть, слѣдуетъ выздоровленіе, точнѣе—это кризисъ въ острой духовной болѣзни времени, страдающаго матеріализмомъ, которымъ она должна разрѣшиться такъ или иначе, вѣрнѣе всего—въ хорошую сторону. Оккультизмъ, говоря сравненіемъ, здѣсь играетъ роль нарыва на отвердѣвшей опухоли: это болѣзненный нарывъ на окаменѣвшемъ въ невѣріи и чувственности сердцѣ современнаго образованнаго человѣка, но нарывъ этотъ даетъ выходъ наружу накопившемуся гною и всякой нечистотѣ въ этомъ сердцѣ и тѣмъ возвращаетъ ему здоровье. Ошибка Вундта состоитъ въ томъ, что онъ не подозрѣваетъ патологическихъ симптомовъ въ самомъ „нормальномъ“ состояніи точной положительной науки; для здравой философіи и христіанства въ этой-то именно „точной“ наукѣ, съ ея боязнью сверхъестественнаго, сверхчувственнаго, — *чудобоязнью*, съ отрицаніемъ неба, души, всего святого и самаго дорогого человѣку, съ ея замкнутостью въ тѣсномъ кругѣ явленій чувственно-матеріальныхъ и т. п., въ ней-то именно и коренится основная и самая опасная болѣзнь времени. Въ противномъ случаѣ, Вундтъ порадовался-бы оккультизму, какъ желанному кризису въ этой болѣзни.

Впрочемъ, есть и другая, не столь строгая, фракція въ положительной оффиціальной наукѣ, не чуждающаяся „оккультизма“. И оффиціальная наука, какъ видѣли уже и выше, изучаетъ таинственныя психическія явленія.

---

[1] *Вундтъ*, стр. 82.

БИБЛИ

Въ изученіи таинственныхъ явленій оффиціальная то ли наука цѣлью себѣ ставитъ точное научное ихъ объясненіе, т. е. сведеніе ихъ къ простымъ или обычнымъ явленіямъ, легко объяснимымъ ея средствами. Она воображаетъ, что это удалось ей, не взирая на то, что наиболѣе интересующее ее явленіе гипнотизма не объясняется ни одною изъ множества существующихъ теорій [1]. Болѣе того, ей кажется, что въ этой области, особенно въ гипнотизмѣ, она обрѣла себѣ могущественную опору въ борьбѣ со спиритуалистическимъ и религіозно-христіанскимъ міросозерцаніемъ, а разумъ въ борьбѣ съ вѣрою. Особенно широкое и „плодотворное“ примѣненіе въ этомъ направленіи получаетъ гипнотизмъ: въ немъ указываютъ фактическія данныя для отрицанія, напримѣръ, личности и свободной воли, приписываемыхъ душѣ спиритуалистическою психологіею, и другихъ ея положеній. Но свой полный тріумфъ гипнотизмъ, по мнѣнію его приверженцевъ этого рода, празднуетъ въ своемъ примѣненіи къ религіи,—въ объясненіи *всего* чудеснаго, въ томъ числѣ и библейскихъ чудесъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Онъ заявляетъ хвастливую претензію на объясненіе всей области чудеснаго и полное устраненіе того, что „прежде“ называлось чудомъ, и о подобныхъ претензіяхъ его говорятъ уже одни заглавія сочиненій разсматриваемаго направленія, какъ: „Гипнотизмъ и религіи или конецъ чудеснаго“, „Гипнотизмъ и старыя вѣрованія“ [2]. Ключъ къ объясненію всего великаго и чудеснаго

---

[1] См. проф. *А. Гилярова* op. cit. стр. 393 и д., ср. D-r Ioh. Sallis *Гипнотическія внушенія, ихъ сущность, клиническое и судебно-медицинское значеніе.* Пер. съ нѣм. д-ра *М. Шмигельскаго.* Ѳеодосія, 1888, стр. 27—30.

[2] Разум. Regnier L'Hypnotisme et les croyances anciennes. Paris 1892 и Skepto (псевд.) Hypnotisme et les réligions ou la fin du Merveilleux. Paris 1888, 2-me édition. (Это послѣднее сочиненіе принадлежитъ перу одного изъ сотрудниковъ Revue de l'Hypnotisme). «Всѣ чудеса и загадочные факты, которыми изобилуютъ не только христіанскія легенды, но и исторія всѣхъ религій, и которые относятъ то къ Богу или святымъ, то къ діаволу и колдунамъ,—всѣ они могутъ объясняться естественно нервно-мозговыми процессами, въ которыхъ могли не отдавать себѣ отчета даже тѣ, которые совершали чудеса»,—«(Skepto L'Hypnotisme et les religions, p. 13 f.)... «Съ того времени, какъ открытіями Шарко и его учениковъ гипнотизмъ введенъ въ область положительной науки, можно ска-

въ исторіи и религіи отданъ теперь медикамъ-психіатрамъ: весь секретъ этого объясненія заключается въ сведеніи всего чудеснаго, необычайнаго и незауряднаго въ исторіи и жизни на область психопатологическаго, ненормально-психическихъ явленій или „психозовъ". *Область чудеснаго есть область психозовъ*—вотъ тезисъ, съ которымъ богослову-апологету необходимо считаться въ виду того, что онъ въ своихъ разнообразныхъ примѣненіяхъ сдѣлался уже достояніемъ не только науки, но и такъ называемой образованной массы или толпы.

Такимъ образомъ, въ мистицизмѣ Христіанство (и здравая философія) имѣетъ теперь въ одно и то же время и союзника, и врага своего. Въ интересахъ правильной оцѣнки особенностей послѣдняго, важной для богослова-апологета, необходимо сдѣлать маленькую историческую справку. Она поможетъ уяснить намъ, съ кѣмъ мы теперь имѣемъ дѣло въ лицѣ этого нарождающагося врага Христіанства, новой разрушительной „силы".

И прежде всего мы открываемъ, что этотъ врагъ—не совсѣмъ новый, и является онъ не въ первый разъ. Онъ уже выступалъ противъ христіанства въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ, особенно въ началѣ XIX в. подъ особою формою и кличкою такъ назыв. *месмеризма* и *брэдизма* или животнаго магнетизма, а теперь является подъ названіемъ *гипнотизма* (которое, впрочемъ, изобрѣтено было еще Брэдомъ). Гипнотизмъ и животный магнетизмъ это названія одной и той же группы фактовъ особеннаго, необычнаго сна съ его загадочными и необъяснимыми феноменами; все различіе лишь томъ, что прежде эти факты были обставлены фантастическо таинственностью и эксплуатировались даже фокусниками шарлатанами на зрѣлище толпы, а теперь они сдѣлались д стояніемъ серьезнаго научнаго изслѣдованія, которое не медлило снять съ нихъ таинственное покрывало, наброшенн

зать, что чудесное, вновь ожившее, изъ прежняго царства сатаны пе шло въ царство цивилизованнаго человѣчества. Ничто не можетъ быть д въ настоящее время объясненія научнымъ и естественнымъ путемъ агадочныхъ фактовъ исторіи, извѣстныхъ подъ именемъ чудесъ, дѣній, экстазовъ, бѣсноватости и колдовства". (Ibid. p. 127).

суевѣріемъ и обманомъ. На почвѣ этихъ-то именно фактовъ животнаго магнетизма, представленныхъ въ вѣдѣніе и на произволъ фантазіи, въ тѣсной связи съ господствовавшею въ началѣ XIX стол. мистическою натурфилософіею Шеллинга, выросли теоріи, со своимъ объясненіемъ чудесныхъ фактовъ магнетизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякихъ чудесъ вообще, ставшія во враждебное отношеніе къ христіанству. Область таинственныхъ явленій, обнимаемыхъ животнымъ магнетизмомъ, не замедлила найти себѣ убѣжище и покровительство подъ сѣнію господствовавшей въ одно время съ нимъ Шеллинговой мистической метафизики, давшей фактамъ магнетизма естественное и правдоподобное съ своей точки зрѣнія объясненіе, равно какъ представители философской школы Шеллинга, богословы, психологи, философы не замедлили слиться въ общемъ единодушіи съ врагами—магнетизерами. Магнетизмъ давалъ факты, а метафизика—ихъ объясненіе. Эта метафизика разсматривала міръ какъ проявленіе скрытой въ немъ абсолютной таинственной Силы, міровой Души или всемірнаго Духа (Universalgeist), а потому и индивидуальную человѣческую душу должна была объявить проявленіемъ одной и той же міровой души, какъ ея часть, и на этомъ основаніи допускать какъ въ природѣ, такъ особенно въ человѣческой душѣ большой запасъ высшихъ свойствъ или силъ, напр. ясновидѣніе, предвѣдѣніе будущаго и т. п. *Перти*, одинъ изъ послѣдователей Шеллинга, подводя итоги своему большому труду, посвященному мистическимъ явленіямъ, точно выражаетъ основной принципъ школы въ изъясненіи всей области чудеснаго въ слѣдующихъ словахъ: „Три главныхъ мысли положены въ основу этого сочиненія. 1) Есть силы и производимыя ими, отчасти чувственно воспринимаемыя, явленія, которыя можно объяснять только законами высшаго порядка, а не извѣстными доселѣ законами физическими и психологическими. Эти силы и явленія за ихъ преимущественно психическій характеръ называются *магическими*. 2) Тѣ многочисленныя явленія, которыя прежде приписывали высшимъ существамъ—богамъ, ангеламъ, демонамъ и т. д., неоспоримо могутъ имѣть свой источникъ въ самихъ людяхъ, надѣленныхъ магическими силами, которыя однако дѣйствуютъ

только у нѣкоторыхъ лицъ и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ или условіяхъ [1]. 3) Если подъ магическимъ разумѣть все, свободное отъ пространства и времени, что люди называютъ божественнымъ, то и человѣкъ имѣетъ въ душѣ своей нѣчто родственное Божественному Духу" [2]. Эти-то высшія силы человѣческой души и служатъ факторомъ всего чудеснаго въ исторіи, въ томъ числѣ и библейскихъ чудесъ; а попытки богословія провести границы между библейскими чудесами и всякими другими Перти считаетъ неудачными и подвергаетъ ихъ критикѣ [3]. Такимъ образомъ, въ объясненіи школы Шеллинга чудесное есть арена не психозовъ и вырожденія, но высшихъ силъ и способностей идеально нормальнаго состоянія человѣческаго существованія [4].

---

[1] Эти лица называются чудотворцами, каковы die Stifter der Weltreligionen, Moses, Christus, Buddha, Mahomet (Extatiker)... Школа Шеллинга, вслѣдъ за древними стоиками, видѣла особенно благопріятныя условія къ проявленію магическихъ силъ въ состояніяхъ ненормальныхъ въ родѣ сна, экстаза, сомнамбулизма, болѣзни, близости смерти, когда душа болѣе или менѣе отдѣляется отъ тѣла и, по выраженію Шуберта, «приближается къ тѣмъ сферамъ, откуда она получила свое начало», т. е. погружается или возвращается въ лоно Мірового Духа, своего цѣлаго.

[2] M. Perty Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur. Aufl. 2-te Leipzig und Heidelberg 1872, B. II. S. 487.

[3] Ibid. B. I, SS. V—VII (предисловіе къ 1-му изд.), ср. II, 487.

[4] Эта, отжившая свое время, школа имѣла множество представителей, державшихся такого взгляда и проводившихъ его въ спеціальныхъ сочиненіяхъ какъ Герресъ, Баадеръ, Шубертъ, Фишеръ, Генрихъ Вернеръ, Эрдманъ, Шиндлеръ, Эннемозеръ, Крейгеръ, Павлюсъ, Эшенмайеръ, Вейссе и др. Изъ сочиненій можно указать: M. Perty Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur. Aufl. 2-te 1872 Bde 2; его-же: Der jetzige Spiritualismus etc. 1875; Die sichtbare und unsichtbare Welt, Diesseits und Jenseits. Leipzig. 1881.—I. Kreyher Die mystischen Erscheinungen des Seelenlebens 2 Bde Stuttgart 1880.—D-r Schubert Die Geschichte der Seele 2 Bde Stuttgart und Tübingen 1850.—Dr. Justin Kerner Geschichte zweier Somnambülen. Nebst einigen andern Denkwurdigkeiten aus dem Gebiete der magischen Heilkunde und der Psychologie, Karlsruhe 1824; его-же: Die Seherin von Prevorst. Eroffnungen uber das innere Leben des Menschen und über das Hereinragen einer Geistwelt in die unsere. Dritte Aufl. Stuttg. und Tübingen 1838.—H. Werner Die Schutzgeister oder merkwürdige Blicke zweier Seherinnen in die Geisterwelt nebst der wunderbaren Heilung eine zehn Jahre stumm Gewesenen durch den Lebensmagnetismus, und einer vergleichenden Uebersicht

Въ настоящее время метафизика утратила свое прежнее обаяніе надъ умами, и мистицизмъ начала столѣтія въ концѣ его сбрасываетъ съ себя свою метафизическую оболочку, чтобы выступить передъ обществомъ подъ новою научною оболочкою. Въ этомъ его отличіе отъ стараго мистицизма; въ этомъ также и его сила. Съ 1880 года прежній животный магнетизмъ или гипнотизмъ Брэда вступилъ въ новую научную фазу своей исторіи. Хотя гипнотизмъ научно разрабатывался еще Брэдомъ, но въ обществѣ и наукѣ упорно держалось предубѣжденіе противъ него, вселенное Месмеромъ и особенно его послѣдователями съ ихъ шарлатанскимъ отношеніемъ къ дѣлу и преслѣдованіемъ личныхъ матеріальныхъ выгодъ. Опыты Ганзена въ Бреславлѣ и изслѣдованія Гейденгайма, опубликованныя въ 1880 г. въ Германіи, обратили вниманіе ученыхъ на гипнотизмъ, и наука, въ лицѣ Шарко и Либо, который написалъ книгу о томъ же еще въ 1866 г., оставшуюся незамѣченною [1], взяла гипнотизмъ подъ свое покровительство. Гипнотизмъ вошелъ въ область признанныхъ наукою фактовъ, а невѣріе, ищущее опоры себѣ въ наукѣ, ухватилось за него какъ за новое орудіе въ борьбѣ съ христіанскою вѣрою (comme un nouvel engin de guerre contre la foi, по выраженію епископа Лангрскаго Альфонса-Мартина).

II.

Гипнотизмъ, какъ вообще мистицизмъ современный, представляется новою анти-христіанскою силою въ образованномъ мірѣ не для одного невѣрія: таковою выдаетъ его римско-ка-

---

aller bis jetzt beobachteten Erscheinungen desselben. Stuttgart und Tubingen 1839.—I. Görres Die christliche Mystik 4 Bde.—Gorres Mystique divine, naturelle et diabolique Paris 1862, 2-te édit.—Dr. Ios. Ennemoser Der Magnetismus im Verkättniss zur Natur und zur Religion. Aufl. 2-te Stuttgart und Tübingen 1853.

[1] A. Liébeault Du sommeil et des états analogues considérés surtout au point de vue de l'action du moral sur le physique. Paris 1866. Эта книга положила начало новой эпохѣ въ медицинской наукѣ, но—habent sua fata libelli!.. О ней вспомнили черезъ четверть вѣка—и это еще недурно...

толическая церковь, раньше всѣхъ почуявшая въ немъ опаснѣйшаго врага Христіанству. Въ то время, какъ протестантское, а равно православное богословіе оставались все время и остаются почти совсѣмъ безучастными къ новому теченію мысли въ видѣ мистицизма (исключеніе было сдѣлано только для спиритизма), католическая церковь и богословы зорко слѣдили за нимъ съ самаго его начала до настоящихъ дней. Особенную ревность въ этомъ отношеніи обнаружило строго-католическое, вѣрное папству, ультрамонтантское, или іезуитское богословіе. Первые забили тревогу іезуиты, эти неутомимые стражи и слуги папства: они обратили вниманіе самой Римской Куріи на опасности, грозившія Христіанству (а точнѣе—Римской церкви) въ лицѣ широкораспространившагося въ Западной Европѣ увлеченія сначала месмеризмомъ и брэдизмомъ, а затѣмъ спиритизмомъ и гипнотизмомъ. Благодаря ихъ энергическому вмѣшательству, римско-католическая церковь приняла для своей безопасности рядъ мѣръ и обнародовала нѣсколько весьма важныхъ оффиціальныхъ документовъ, рисующихъ наглядно ея отношенія къ мистицизму и особенно гипнотизму, равно какъ вообще дающихъ вѣрное представленіе о ея поведеніи и способѣ дѣйствія въ борьбѣ съ чуждыми и опасными ей ученіями [1].

Первый документъ по времени своего появленія относится къ 23 іюня 1840 года, когда животный магнетизмъ сдѣлался предметомъ особенно оживленныхъ дебатовъ во Франціи. Въ это именно время сама Французская Академія Наукъ въ особой коммиссіи подвергнула научному обсужденію животный магнетизмъ и рѣшительно высказалась противъ него, какъ шарлатанства. „Святая Инквизиція“ (Saint-Office) отъ имени Римскаго престола (Saint-Siège) на запросъ, обращенный къ ней по этому предмету, отвѣтила въ томъ смыслѣ, что занятія магнетизмомъ предосудительны, если они имѣютъ цѣлію извлечь изъ явленій магнетизма данныя для естественнаго объясненія вещей или дѣйствій сверхъестественныхъ; магнетизмъ, беру-

[1] Свѣдѣнія заимств. изъ сочин. катол. богослововъ, а главн. док. им. подъ руками.

щій на себя такія задачи, объявляется безусловно „непозволительнымъ и нечистымъ обманомъ“ [1]. Этотъ декретъ при тѣхъ же обстоятельствахъ снова подтвержденъ былъ въ Свящ. Конгрегаціи 21 апрѣля 1841 г. и одобренъ непосредственно папою Григоріемъ XVI.

Не довольствуясь этимъ краткимъ разъясненіемъ вопроса епископъ Лозанскій обратился къ подлежащей церковной власти (Sacrée Pénitencerie) за болѣе обстоятельными разъясненіями на предложенные имъ письменно пункты. Изложивъ сначала сущность магнетическаго состоянія, прелатъ останавливается далѣе на перечисленіи особенно поразительныхъ его феноменовъ, какъ совершенно точный діагнозъ болѣзней у чужихъ, совсѣмъ незнакомыхъ сомнамбулѣ, лицъ, ясновидѣніе далекаго по пространству, чтеніе закрытыхъ книгъ. Сомнѣваясь въ возможности естественнаго объясненія послѣднихъ феноменовъ, епископъ проситъ отвѣта, важнаго въ интересахъ Церкви и спасенія вѣрующихъ душъ, на вопросы: 1) можетъ-ли епископъ своимъ пасомымъ позволить прибѣгать къ магнетизированію въ болѣзни; 2) вообще магнетизироваться; 3) эксплуатировать для себя или же для другихъ способность ясновидѣнія въ магнетизмѣ; 4) наконецъ, если бы даже магнетизмъ въ своихъ поразительныхъ явленіяхъ былъ дѣломъ нечистой силы, не представляется-ли, однако, возможнымъ безъ вреда для души прибѣгать въ вышеуказанныхъ случаяхъ къ нему подъ условіемъ нѣкоторыхъ предварительныхъ мѣръ предосторожности, напр.: въ душѣ своей отказавшись отъ всякаго явнаго и неявнаго соучастія съ дьявольскою силою. Sacrée Pénitencerie въ своемъ отвѣтѣ отъ 1 іюля 1841 года не входитъ въ обсужденіе магнетизма по существу и достовѣрности сообщенныхъ епископомъ загадочныхъ фактовъ; она даетъ отвѣтъ отрицательный, т. е. запрещаетъ магнетическую практику для вышеуказанныхъ цѣлей. Когда съ подобнымъ же запросомъ обратился къ ней арх. Рейнскій Гуссе, интересовав-

---

[1] Applicatio principiorum et mediorum pure physicorum ad res et effectus vere supernaturales, ut physice explicentur, nihil est nisi deceptio omnino illicita et haereticalis (Feria IV, die 23 Iun. 1840).

шійся особенно врачебною стороною гипнотизма, совсѣмъ не было дано отвѣта; только спустя 18 мѣсяцевъ по неотступной просьбѣ Рейнскаго арх., кардиналъ Кастраканъ, главный духовникъ, отвѣтилъ 2 сентября 1843 года уклончиво, что Инквизиція (Sainte Inquisition) не можетъ опредѣленно и рѣшительно высказаться по такому вопросу, какъ этотъ, который нельзя разрѣшить немедленно,—не рискуя компрометировать папскаго престола (Saint-Siège). Тѣмъ не менѣе 28 іюля 1847 г. свящ. конгрегація еще разъ подтвердила свой первый декретъ отъ 23 іюня 1840 г.

Къ этому времени животный магнетизмъ вступилъ въ новую фазу, благодаря ученому манчестерскому врачу Брэду, который внесъ въ изученіе магнетизма чисто-научный интересъ и далъ ему новое лучшее объясненіе съ устраненіемъ гипотезы мистической магнетической силы (теоріи *магнетическихъ токовъ*, fluides). Тѣмъ не менѣе, отношеніе католической церкви къ этимъ явленіямъ осталось прежнее. 1853 года 27-го ноября архіепископъ парижскій Гибертъ разослалъ въ подвѣдомственномъ ему округѣ пастырское посланіе съ предостереженіемъ противъ опасностей занятій гипнотизмомъ. Въ немъ, между прочимъ, говорится: „пока занятія гипнотизмомъ носили характеръ пустой забавы или простого любопытства, искавшаго въ явленіяхъ животнаго магнетизма дѣйствіе какой-то загадочной жидкости, разлитой въ природѣ, мы были спокойны... Теперь-же... мы считаемъ своимъ долгомъ предостеречь вѣрующихъ противъ сѣтей лжи, зорко блюсти чистоту вѣры и честь христіанскаго имени... Вы употребите всѣ усилія пастырской ревности и прежде всего сами на себѣ покажете авторитетный примѣръ, чтобы оградить отъ этихъ преступныхъ занятій гипнотизмомъ всѣхъ тѣхъ изъ своихъ пасомыхъ, которые имѣли-бы неразуміе предаваться имъ“... Вслѣдъ за парижскимъ архіепископомъ и прочіе епископы во Франціи возвысили свой голосъ противъ гипнотизма. Свящ. конгрегація постановленіемъ 21 мая 1856 года запретила гипнотическую практику въ католическихъ областяхъ Италіи; а 30 іюля того-же 1856 г. издана была энциклика для всѣхъ епископовъ всей римско-католической церкви въ общемъ торжествен-

номъ собраніи свящ. инквизиціи римской въ составѣ всѣхъ ея „членовъ—кардиналовъ, генеральныхъ инквизиторовъ противъ ересей въ христіанскомъ мірѣ“ [1]. Энциклика эта признается католическими богословами за самый важный документъ въ нашемъ вопросѣ, съ наибольшею полнотою и точностью выражающій оффиціальное мнѣніе церкви. Энциклика въ опытахъ гипнотическихъ усматриваетъ „новый родъ суевѣрія“, такъ какъ они имѣютъ цѣлью не разъясненіе вопросовъ въ области наукъ физическихъ, „какъ этому слѣдовало быть, а обольщеніе людей посредствомъ обѣщанія открыть вещи тайныя или далекія и будущія“... Далѣе напомянувъ о вышеразсмотрѣнныхъ постановленіяхъ папскаго престола (Saint-Siège), которыми онъ осуждалъ „всякіе гипнотическіе опыты съ цѣлью полученія результатовъ, выходящихъ за предѣлы естественнаго порядка вещей или вредныхъ въ нравственномъ отношеніи“, энциклика развиваетъ полнѣе свой взглядъ на гипнотическія явленія, когда говоритъ:... „оставивъ правильные пути научнаго изслѣдованія, ученые отдались изученію явленій, удовлетворяющихъ лишь простое любопытство, къ великому ущербу спасенія душъ и даже ко вреду гражданскихъ обществъ“... Хотя гипнотическое состояніе вызывается и естественными средствами, однако, въ немъ не все должно быть считаемо дѣломъ простыхъ силъ природы въ виду фактовъ сверхъестественныхъ... Въ заключеніе энциклика взываетъ къ пастырской ревности всѣхъ епископовъ, приглашая ихъ сдѣлать все, чтобы положить конецъ „этому злу въ высшей степени гибельному для религіи и гражданскихъ обществъ“...

Энциклика дала тонъ и опредѣленное направленіе обсужденію вопроса въ католическомъ богословіи, но такъ какъ она заключаетъ въ себѣ пробѣлы и выраженія неясныя, то не замедлили образоваться по этому вопросу различныя партіи въ богословіи, различно комментирующія, каждая въ свою пользу, этотъ документъ. Одни—и это господствующая партія—поняли документъ въ смыслѣ совершеннаго запрещенія гипнотизма,

---

[1] Lettre encyclique de la Sainte Inquisition Romaine et Universelle à tous les evêques contre les abus du magnetisme. 30 juillet. 1856.

какъ дѣла тьмы, дьявольскаго обольщенія и суевѣрія. Подобный взглядъ на гипнотизмъ оффиціально высказанъ былъ недавно (въ 1887 году) мадридскимъ арх. Sancha-Hervas въ его пастырскомъ посланіи противъ гипнотизма, надѣлавшемъ много шуму въ литературѣ [1]. Другіе думаютъ, что энциклика осуждаетъ лишь злоупотребленія гипнотизмомъ, каковы, напр., аббатъ Моро, д-ръ богословія Н. Мерикъ, къ сочиненіямъ которыхъ мы обратимся ниже, абб. Тротенъ, проф. нравственнаго богословія въ католическомъ институтѣ Лилля [2], и др. Наконецъ, третьи вопросъ о дозволительности гипнотизма рѣшаютъ уклончиво, опираясь на ту же энциклику, какъ патеръ Бональ, въ томъ смыслѣ, что гипнотизмъ не слѣдуетъ ни дозволять, ни поощрять, ни отрицать, если имъ не нарушаются требованія христіанской морали и интересы общественнаго порядка [3].

Эти разногласія по вопросу, конечно, вполнѣ обусловливаются неясностью и неточностью какъ энциклики, такъ и вообще всѣхъ постановленій церкви, взятыхъ въ цѣломъ въ качествѣ церковнаго законодательства для опредѣленія правильныхъ отношеній къ явленію; не трудно замѣтить, что они при этомъ противорѣчатъ другъ другу тамъ, гдѣ высказываются о дѣлѣ ясно. Тѣмъ не менѣе, господствующая тенденція законодательства, а равно и теоретическаго изъясненія явленія въ богословіи, вполнѣ очевидна. Католическая церковь и богословіе относятся къ гипнотизму въ общемъ отрицательно, непріязненно, и видятъ въ гипнотизмѣ въ большей или меньшей мѣрѣ дѣйствіе врага и обольстителя человѣческаго рода діавола и слугъ его. Этотъ взглядъ на гипнотизмъ, какъ на

---

[1] См. Revue de l'Hypnotisme, 3-me année, № 4, ст.: „La lettre pastorale de Mgr. l'évêque de Madrid, sur l'hypnotisme"; текстъ въ Lettre pastorale de Mgr. l'évêque de Madrid., du 19 marz 1888, trad. par Coudere.

[2] См. Revue des sciences écclesiastiques, November, 1887, ст.. „Etude morale sur l' hypnotisme».

[3] Licet magnetismi usus non in omni casu prohibeatur, attamen illius usus est permittendus, nisi praescripta modestiae christianae serventur, et quaelibet daemonis interventio respuatur. Nunquam autem a confessariis vel sacerdotibus suadendus est, neque positive approbandus (Tract. de Angelis, p. 417).

оккультизмъ вообще, должно назвать безраздѣльно господствующимъ въ римско-католической церкви и ея богословіи,—съ тою разницею, что одни считаютъ, напр., гипнотизмъ всецѣло дѣйствіемъ нечистой силы въ его „чудесной“ сторонѣ (какъ патеръ Франко), а другіе за его необычайными и загадочными явленіями предполагаютъ естественныя основы, удѣляя мѣсто въ то же время и сверхъестественному фактору, т. е. дѣйствію злыхъ духовъ (это l'opinion commune parmi les théologiens catholiques, т. е. общераспространенное мнѣніе въ католич. богословіи). Отъ взгляда этого не могутъ отрѣшиться и самые просвѣщенные католическіе богословы, какъ, напр., выше названные Моро и Мерикъ [1].

Относясь отрицательно къ самому гипнотизму, католическая церковь не запрещаетъ богословамъ изученія его; напротивъ, всячески поощряетъ ихъ къ тому, въ лицѣ своихъ представителей, епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ, подавая имъ примѣръ усерднаго научно-христіанскаго изученія предмета. Гипнотизму посвящено много спеціальныхъ богословско-философскихъ сочиненій, онъ усердно обсуждается въ періодической духовной печати, а недавно оффиціально допущенъ на проповѣдническую каѳедру и введенъ въ программу

---

[1] Его встрѣчаемъ мы и у знаменитаго богослова-проповѣдника о. Дидона въ его книгѣ *Іисусъ Христосъ*; такъ онъ даже хочетъ доказать существованіе злыхъ духовъ загадочными явленіями въ родѣ видѣнія сквозь непроницаемыя тѣла, прозорливости, предсказанія будущаго, дара незнакомыхъ языковъ (у сомнамбулъ) и др. (См. Iesus Christ. Paris, t. I. livre 3-me, chp. II, p. 285 sq.). Не безполезно при этомъ обратить вниманіе на предисловіе книги, гдѣ римско-католическая церковная цензура высказываетъ полное одобреніе всей догматической части сочиненія въ словахъ: toute la partie dogmatique de ce livre est conforme aux enseignements de la Théologie (т. е. „вся догматическая часть этой книги согласна съ ученіемъ богословія“, разумѣется—католической церкви). Такимъ образомъ, разсматриваемый взглядъ почти цѣликомъ перешелъ въ новое время изъ темныхъ среднихъ вѣковъ, когда его раздѣляла и свѣтская власть, и свѣтская наука... Католическіе богословы возводятъ его однако ко временамъ древнихъ христіанскихъ апологетовъ: Аѳинагора, Тертуллиана, св. Іустина и др., которые примѣняли его по отношенію къ языческой теургіи и мантикѣ. Излишне говорить, что здѣсь упускается изъ виду существенное различіе между языческимъ религіознымъ оккультизмомъ и современнымъ научнымъ мистицизмомъ.

внѣ-богослужебныхъ церковныхъ собесѣдованій архіепископами и епископами въ Парижѣ, Реймсѣ, Ліонѣ, Оранѣ, Evreux. Эти публичныя церковныя чтенія о гипнотизмѣ не замедлили обратить на себя общее вниманіе; особенно большою популярностью пользуются чтенія его преподобія Ле-Мойна. Недавно ихъ посѣтилъ кардиналъ Ришаръ, архіепископъ Парижскій, и заявилъ полное сочувствіе дѣлу и желаніе дальнѣйшаго успѣха въ немъ. Это посѣщеніе было принято въ учебно-богословскомъ католическомъ мірѣ какъ открытая оффиціальная санкція научнаго богословско-философскаго изученія гипнотизма и другихъ, соприкосновенныхъ съ нимъ, явленій изъ области психо-патологической. „Когда", говоритъ абб. Моро, „поданъ намъ такой высокій примѣръ, мы обязаны ввести гипнотизмъ въ программу своихъ богословскихъ занятій, чтобы не остаться чуждыми научному и религіозному движенію своей эпохи и, такимъ образомъ, не скомпрометироваться въ качествѣ пастырей человѣческихъ душъ" (изъ предисловія книги: „Гипнотизмъ. Научное и религіозное изслѣдованіе"). И справедливость требуетъ признать, что католическое богословіе при всей странности своей теоріи демоническаго дѣйствія въ гипнотизмѣ даетъ прекрасное напоминаніе о той простой, но всегда забываемой, истинѣ, что право публично высказывать взгляды по тому или иному предмету, даже очень маленькіе взгляды и мысли въ родѣ объясненія мистицизма „модою" или „кудесничаньемъ", пріобрѣтается соотвѣтственнымъ изученіемъ предмета и неотдѣлимо, какъ всякое *право*, отъ *труда*, — труда мысли. Католическіе богословы въ данномъ случаѣ употребляютъ все свое стараніе какъ-бы явить собою наглядный примѣръ прекраснаго осуществленія правила, которымъ руководился св. Григорій, Богословъ богослововъ: „И не совсѣмъ чистыя ученія", исповѣдуется онъ, „я старался придать въ помощь ученіямъ истиннымъ, чтобы не превозносились ничему необучившіеся, кромѣ суетнаго и пустого краснословія... [1] и что-бы

[1] А примѣнительно къ нынѣшнему времени онъ сказалъ-бы, можетъ быть,—кромѣ химіи, политической экономіи или двухъ-трехъ древнихъ или новыхъ языковъ... Но сущность отъ того не измѣняется: всегда внѣшнее обученіе, сравнительно съ ученіемъ благочестія, «вмалѣ есть

самъ я могъ не запутываться въ хитросплетеніяхъ лжеумствованій. Но мнѣ никогда не приходило на мысль предпочесть что-либо нашимъ урокамъ“ [1].

Есть особенныя причины, объясняющія (и вынуждающія) такое вниманіе римско-католической церкви къ современному мистицизму, въ частности средоточію—его, гипнотизму. Она поставлена научными изслѣдованіями о гипнотизмѣ въ неожиданно-неловкое, весьма своеобразное и въ общемъ очень опасное положеніе, несуществующее для церквей другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и для христіанства вообще.

Какъ въ исторіи, такъ и въ богословіи своемъ римско-католическая церковь заявила себя общеизвѣстною и чрезвычайно характерною особенностью, ей только принадлежащею,—своимъ средневѣковымъ воззрѣніемъ на загадочныя явленія въ такъ называемой психопатологической области и таковымъ же отношеніемъ къ нимъ. Всѣ такого рода явленія, изучаемыя теперь при открытомъ свѣтѣ науки, какъ предвидѣніе будущаго, прозорливость, видѣніе скрытаго и далекаго и т. п. католицизмъ всегда (теперь, какъ и прежде) считалъ дѣломъ сверхъестественныхъ причинъ: или Бога и святыхъ, если эти явленія наблюдались въ вѣрующей богобоязненной средѣ, или злыхъ духовъ, и въ общемъ — дѣломъ волшебства, если они происходили въ средѣ, чуждой или враждебной къ католической церкви [2]; при этомъ одни необыкновенныя явленія католическіе богословы считали всегда дѣйствіемъ Божественной силы (какъ *экстазъ*, исцѣленіе бѣсноватыхъ и *стигматы*), а другія—исключительно злыхъ духовъ. Католицизмъ, къ сожалѣнію, не остановился на этомъ воззрѣніи только какъ на теоріи: оно перешло въ дѣло, и въ этомъ капитальная ошибка католицизма, за которую онъ теперь расплачивается.

полезно» (1 Тим. IV, 8). „Слово сіе вѣрно и всякаго принятія достойно“ (тамъ-же, ст. 9).

[1] Св. Григорій Богословъ Тв—ій ч. 6, по изд. 3-му. М. 1889, стр. 8 (Изъ стихотворенія, въ которомъ Святый Григорій пересказываетъ жизнь свою).

[2] Вообще одно и тоже по требованіямъ обстоятельствъ выдавалось то за чудо, то за колдовство.

Онъ расплачивается за костры, тюрьмы, висѣлицы, пытки, превратившіе весь длинный рядъ среднихъ, а отчасти новыхъ вѣковъ, въ одну сплошную картину ужаса, мрака, дикости и звѣрства... Западная Европа не хочетъ и не можетъ забыть и простить ему эту „ошибку", которая такъ долго держала его въ оцѣпенѣломъ ужасѣ и страхѣ, и напоминаетъ ему о ней при каждомъ удобномъ случаѣ. Такой случай представился теперь въ научно-гипнотическомъ изученіи загадочныхъ психическихъ явленій. Невѣрующая наука съ особеннымъ злорадствомъ подчеркиваетъ всѣ старыя и новыя ошибки католической церкви и ея богословія, смѣло бросаетъ имъ тяжелыя обвиненія въ невѣжествѣ и даже намѣренномъ обманѣ. Гдѣ суевѣріе носилось съ фантастическими дьявольскими призраками,—тамъ все безъ остатка объясняется медициною. Царству мрака и суевѣрія, царству сатаны объявляется война и непрерывный дождь статей, брошюръ и книгъ грозитъ снести и смыть его до основанія... [1].

---

[1] Что мистицизмъ сталъ въ оппозицію не столько къ христіанству, сколько къ католичеству, несомнѣнныя наглядныя доказательства этого даютъ такія популярныя книги, какъ вышеименованныя: Renier, L'Hypnotisme et les croyances anciennes; Skepto, L'Hypnotisme et les religions ou la fin du Merveilleux. (Эта книга нѣчто въ родѣ сплошного злобнаго памфлета на римско-католическую церковь), а также др., напримѣръ: Louis Figier, Histoire de Merveilleux. Edit. 3-me. Paris, 1881; многія сочиненія D-ra P. Regnard'a, особ. Sorcellerie, magnetism'e, morphinisme, délire des grandeurs. Paris, 1887 (см. гл. „les miracles de Saint Médard"). Эти и другіе ученые прямо посягаютъ на завѣтныя католическія святыни и вѣрованія, подвергая научно-критическому анализу сообщенія о безчисленныхъ исцѣленіяхъ и другихъ чудесахъ, совершенныхъ въ различныхъ св. мѣстахъ. Предметомъ особенно сильныхъ нападокъ являются святыни Лурда (городокъ не далеко отъ Парижа съ 3000 жителей), привлекающія къ себѣ отовсюду десятки тысячъ благочестивыхъ католическихъ паломниковъ молвою о чудесныхъ исцѣленіяхъ. Въ настоящее время рѣдкій изъ врачей-психіатровъ, занимающихся изслѣдованіемъ гипнотизма, воздерживается отъ удовольствія мимоходомъ или прямо затронуть эту высоко-чтимую католическую святыню, и хорошимъ—извѣстнымъ русской публикѣ—примѣромъ этого можетъ служить профессоръ Шарко (см. также ранѣе у Бернгейма: *О гипнотическомъ внушеніи и примѣненіи его къ леченію болѣзней.* Пер. со 2-го французскаго изданія д-ра Е. Перельцвейга. Одесса, 1888, стр. 12—15). Католическіе богословы въ защиту этой святыни пишутъ апологіи, какъ P. H. Martine

Но въ средневѣковой доктринѣ о дьяволѣ и колдовствѣ заключается лишь половина всей бѣды: другая, равная, падаетъ на католическое ученіе о чудесахъ, на вѣру въ чудеса святыхъ. Выше изложенною теоріею чудеснаго католическая церковь создаетъ для себя новое затрудненіе. Преслѣдуя въ одномъ случаѣ какъ дѣйствіе дьявольской силы таинственныя психическія явленія, въ другомъ случаѣ однородныя и тѣ же самыя явленія той же, изучаемой наукою, психопатологической области она объявляетъ дѣйствіемъ непосредственной или же посредственной (въ святыхъ) Божественной силы. Католическая церковь дѣлаетъ еще хуже: она, какъ и въ отношеніи къ колдовству, идетъ дальше теоріи, и воззрѣніе переводитъ въ дѣло. На протяженіи всей своей исторіи Католическая церковь обнаруживала себя замѣтною тенденціею къ злоупотребленію чудомъ, какъ средствомъ для поддержанія своего авторитета и вліянія, и недостаточною разборчивостью въ этомъ отношеніи. Ей нужно было властвовать всецѣло и во что бы то ни стало надъ душами вѣрующихъ, а для этого въ свое время весьма достаточны были грубые эффекты таинственныхъ психическихъ явленій изъ области психопатологіи. Католицизмъ слишкомъ долго опирался въ своей деспотической власти надъ душами на этой шаткой почвѣ мистицизма, и теперь несетъ неожиданное возмездіе за это въ лицѣ науки, сводящей съ нимъ свои счеты. Взявши подъ свое покровительство тѣхъ, кого преслѣдовала церковь, наука обрушилась всею своею тяжестью на тѣхъ, кто выдавался за ея гордость и славу, т. е. на католическихъ святыхъ, ихъ жизнь, подвиги и чудеса... Она попала въ слабую сторону, больное мѣсто католицизма... И онъ это почувствовалъ.

Одинъ или два примѣра наглядно пояснятъ дѣло.

Основатель францисканскаго ордена св. Францискъ Ассизскій, по разсказамъ его современниковъ, въ 1224 году (за два

Le miracle au XIX-e siécle. Lourdes devant la science, 1891; H. Lasserre, Episodes miraculeux de Lourdes; его-же Notre Dame de lourdes, ср. Examen et discussion critique de l'histoire des diables Loudunn. Liège, 1748. (Фактическую достовѣрность сообщеній Лассера признаетъ даже *Бернгеймъ*, стр. 15).

года до кончины) въ состояніи духовнаго экстаза сподобился явленія Распятаго Христа, Который оставилъ видимые знаки Своего благодатнаго явленія на тѣлѣ св. Франциска въ видѣ кровавыхъ пятенъ или знаковъ ранъ именно на тѣхъ мѣстахъ и въ той же формѣ, какъ и у Распятаго Спасителя, т. е. на рукахъ, ногахъ гвоздиныя язвы, въ лѣвомъ боку язвы отъ копья и на лбу знаки ранъ отъ терноваго вѣнца. Съ тѣхъ поръ это появленіе кровавыхъ пятенъ на подобіе крестныхъ ранъ Распятаго Господа, названныхъ *стигматами*, наблюдалось множество разъ, особенно среди экзальтированныхъ католическихъ монахинь, и сообщенія о фактахъ этого рода идутъ не прерываясь доселѣ включительно до извѣстной всей ученой Европѣ исторіи о стигматахъ *Луизы Лато* (1850—1883). Обычно пользуясь полнымъ здоровьемъ, по пятницамъ семнадцатилѣтняя Луиза впадала въ состояніе экстаза и источала кровь изо лба, лѣваго бока, на рукахъ и ногахъ въ мѣстахъ, точно соотвѣтствующихъ расположенію крестныхъ ранъ на пречистомъ тѣлѣ Распятаго Господа, — въ формѣ ранъ, обыкновенно изображаемыхъ на распятіяхъ. Одни ученые врачи признали стигматы Луизы Лато, равно какъ и всякія другія, необъяснимымъ сверхъестественнымъ явленіемъ, другіе предлагали объясненія естественныя [1]. Католическая церковь издавна держалась одного только перваго объясненія и помѣщала стигматы въ одинъ разрядъ съ другими чудесами, какъ явленія чудотворныхъ иконъ, нетлѣніе мощей и т. п., придавая стигматамъ особенную важность. Въ настоящее время, однако, констатированы наукою возможность и необходимость въ данномъ случаѣ одного только естественнаго объясненія, такъ какъ стигматы произвольно могутъ воспроизводиться посредствомъ гипнотическаго внушенія, какъ показываютъ многочисленные опыты Бони, Либо, Шарко, Мабилля, Крафтъ-Эбинга и др. [2]. Внушеніями производятся нарывные пузыри,

---

[1] Къ литературѣ вопроса *о стигматикахъ* см. проф. А. Гилярова *Гипнотизмъ и внушеніе*, стр. 4, 160—167; богословская же литература вопроса отчасти указана въ прекрасной ст. D-ra J. Hamberger'a, Stigmatisation въ Herzog-Plitt-Hauck R. E. B. XIV, 728—734. Aufl. Leipzig, 1885.

[2] См. *А. Гилярова*, стр. 160—167.

краснота кожи отъ прилива къ ней крови или красныя пятна и приливы (гипереміи) съ воспаленіемъ въ родѣ обжоговъ [1]. Стигматы совершенно однородныя съ послѣдними явленія. Подъ стигматами въ обширномъ смыслѣ теперь разумѣются всякаго рода кровавыя пятна опредѣленной формы, напримѣръ, въ видѣ креста, круга, буквъ и т. п., производимыя самовнушеніемъ внѣ гипноза или внушеніемъ въ гипнотизмѣ. Этотъ выводъ изъ точныхъ научныхъ изслѣдованій внушенныхъ стигматовъ конечно ставитъ католическую церковь и богословіе въ крайне неловкое положеніе, неустраняемое попытками богослововъ выйти изъ него указаніемъ на различія между стигматами въ собственномъ смыслѣ (непроизвольными или чудесными) и внушенными стигматами или „ложными“ (искусственными) (никакихъ существенныхъ различій не наблюдается).

Въ такое же неудобное положеніе римско-католическая церковь сама часто вовлекалась съ экзорцизмомъ или заклинаніями бѣсовъ для изгнанія ихъ изъ бѣсноватыхъ. Она практикуетъ его въ широкихъ размѣрахъ и придаетъ ему особенное значеніе съ древнихъ временъ. Для заклинаній на западѣ издавна (съ III в.) существуетъ спеціально установленная низшая церковная степень, въ которую возводятся по особому чиноположенію съ возложеніемъ рукъ на посвящаемаго (exorcistae per ordinem) [2]. Такимъ образомъ изгнаніе бѣсовъ именемъ Божіимъ, при помощи установленныхъ для того молитвъ, существуетъ въ католической церкви въ видѣ особенной спеціальности или церковной профессіи. Но въ этомъ-то именно и кроется большая ошибка, допущенная католичествомъ: изгнаніе бѣсовъ есть чудо, совершаемое исключительно силою и волею Божіею, именемъ Христовымъ (Мр. XVI, 17) и, какъ чудо, оно не можетъ и

---

[1] Ibid., стр. 154—160; объ опытѣ съ пузыремъ проф. Бони *Гипнотизмъ. Изслѣдованія физіологическія и психологическія.* Пер. со 2-го изд. «Le somnambulisme provoqué. Recherches physiologiques et psychologiques» par Beaunis. Спб., 1889. стр. 34 и д.; объ опытахъ съ обжогами въ видѣ буквъ и опредѣленныхъ фигуръ см. д-ра Крафтъ-Эбинга, *Экспериментальныя изслѣдованія въ области гипнотизма.* Перев. со 2-го изд. «Eine experimentelle Studie auf Gebiete des Hypn.» подъ ред. *П. Я. Розенбаха.* Спб., 1889, стр. 21, 65—71 и др

[2] См. Herzog-Plitt-Hauck Real-Encyclopedie. B. IV, 456—458. Aufl. Leipzig, 1879, Artiel. H. Alt'a Exorcismus.

не должно быть низводимо на степень ремесла или профессіи, хотя бы и благочестивой. Худшая сторона дѣла, вытекающая уже отсюда, состоитъ въ томъ, что Церковь примѣняла экзорцизмъ весьма часто къ просто психически-больнымъ, ничего общаго неимѣвшимъ съ бѣсноватыми, къ большому соблазну вѣрующихъ. Эти-то послѣдніе случаи теперь и собираетъ тщательно наука съ цѣлью подорвать авторитетъ католической церкви. Ей благополучно сходили съ рукъ ея ошибки въ темные средніе вѣка, дававшіе широкій просторъ мистическимъ теоріямъ и вѣрѣ въ чудесное въ области медицины и особенно психіатріи такъ же, какъ и вездѣ; теперь это сдѣлалось невозможнымъ [1].

Все сказанное дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ особенный интересъ въ католическомъ богословіи къ изученію новой, народившейся въ Европѣ, антихристіанской силы въ лицѣ мистицизма: она опасна именно только для католичества и если выступаетъ противъ Христіанства вообще, то вслѣдствіе обычнаго на западѣ смѣшенія Христіанства съ католичествомъ. Такимъ образомъ, многое въ современной невѣрующей наукѣ съ ея возраженіями противъ Христіанства должно быть принято въ смыслѣ домашнихъ и старыхъ счетовъ западно-европейской науки съ ея исконнымъ врагомъ-католичествомъ, и только за вычетомъ этой самой большой доли остается нѣчто уже относящееся и къ Христіанству.

Изъ множества апологетическихъ трудовъ католическаго богословія, посвященныхъ научному въ духѣ христіанскомъ изслѣдованію гипнотизма, въ качествѣ образца могу указать на два пользующихся большою популярностью капитальныхъ.

---

[1] Особенно рѣзко выступаетъ эта ошибка въ такой громкой исторіи мнимо бѣсноватыхъ урсулянокъ въ Людэнѣ и патера Урбэна Грандье въ XVII в., сожженнаго на кострѣ по обвиненію въ колдовствѣ или порчѣ, какъ объяснена была эпидемически распространявшаяся въ монастырѣ psychopathia sexualis съ ночными эротическими галлюцинаціями. (См. Regnard'a, Sorsellerie, morphinisme, délire etc., op. cit. pp. 45—56; Skepto, L'Hypnotisme et les religions etc., chap. IV, partie 1-e: Le cas d'Urbain Grandier; D-r Legué Urbain Grandier et les possedées de Loudunn. Paris, 1884; *его-же*: Documents pour servir à l'histoire médikale des possedées de Loudunn. Paris, 1874.

труда: аббата Моро „Гипнотизмъ. Изслѣдованіе научное и религіозное“,—сочиненіе, почтенное одобрительными отзывами и письмами архіепископа Бордосскаго, епископовъ—Лангрскаго, Тулонскаго „etc. etc,“ [1]; д-ра богословія и профессора въ Сорбоннѣ И. Мерика „Чудесное и наука. Изслѣдованіе о гипнотизмѣ“ [2].

Научно-богословское изслѣдованіе о. Моро распадается на двѣ части. Въ первой авторъ старается дать полное и безпристрастное изложеніе фактовъ и теорій, относящихся къ гипнотизму. Во второй, богословской части, подвергаются критической оцѣнкѣ эти теоріи и представляется авторомъ его собственное объясненіе фактовъ гипнотизма. Частное содержаніе книги наглядно представлено можетъ быть въ слѣдующемъ простомъ перечнѣ ея главъ: гл. I—исторія гипнотизма; II—сонъ и его болѣзненныя видоизмѣненія; III—субъекты и способы гипнотизированія; IV—школа Сальпетріэръ (Шарко) и школа Нанси (психологическая); V—внушеніе; VI—умственное внушеніе; VII—магнетическая терапія; VIII—гипнотическая терапія; IX—гипнотизмъ и нравственный законъ; X—гипнотизмъ и католическая вѣра. Выводы. Авторъ мотивируетъ свой трудъ желаніемъ дать необходимое въ пастырской дѣятельности пособіе въ борьбѣ со зломъ тѣмъ изъ своихъ собратьевъ, которые не имѣютъ времени и возможности сами ознакомиться съ гипнотизмомъ по первымъ источникамъ [3]. „На основаніи двадцатилѣтняго опыта своей службы“, гово-

---

[1] L'abbé P.-G. Moreau L'Hypnotisme. Etude scientifique et religieuse. Ouvrage honoré de lettres de NN. SS. l'Archevêque de Bordeaux, S. G. l'Evêque de Langres etc. etc. Paris, 1891 (1 fort vol. in—12, p.p. XXIII+611).

[2] Elie Méric Le Merveilleux et la Science. L'Etude sur l'Hypnotisme. Ed. 8-me, Paris, 1888 (1 fort vol. in—12, p.p. XVI+468).—Кромѣ привед., см. къ богословской литературѣ предмета сочиненія католическихъ богослововъ: L'abbé Leon Guillemet, Hypnotisme et Psychologie. Paris, 1888; P. de Bonniot, Le miracle et ses contrefaçons. Gougenot de Mousseaux, La Magie au XIX siècle; A. Lelong, chanoine d'Orléans, La verité sur l'Hypnotisme. Paris, 1890; F. Claverie, prof. de Théologie dogmatique, L Etude sur l'Hypnotisme. Aire-sur-l'Adour, 1890; Mabru, Les Magnétiseurs. Paris, 1858; L'abbé Loubert, Le Magnétisme et le Somnambulisme devant les corps savants, la Coure de Rome et les Théologiens. Paris, 1844. [3] P. Moreau, p. XIX.

ритъ почтенный аббатъ, „и многочисленныхъ признаній (духовныхъ чадъ) я утверждаю, что не одинъ разъ гипнотическіе сеансы были причиною полной утраты вѣры очень многихъ“... [1] Поэтому онъ смотритъ на свой трудъ, какъ на дѣло, полезное для вѣрующихъ душъ и достойное Церкви [2]. Такимъ, впрочемъ, признаютъ его и многіе представители Церкви въ лицѣ архіепископовъ и епископовъ, удостоившіе автора одобрительными отзывами и письмами, которые и помѣщены въ самомъ началѣ книги. Епископъ Тулонскій Ириней вмѣняетъ въ большую заслугу автора передъ Церковью, что онъ обращаетъ своимъ трудомъ вниманіе клира на гипнотизмъ, угрожающій Церкви и обществу, хотя уже многія выдающіяся духовныя лица занимались ранѣе этимъ предметомъ. Епископъ Лангрскій Альфонсъ-Мартинъ признаетъ трудъ автора важнымъ съ точки зрѣнія религіозной, любопытнымъ и интереснымъ въ отношеніи научномъ. Онъ ставитъ au courant вопроса и хорошо знакомитъ всѣхъ, неимѣющихъ возможности самостоятельно сдѣлать это. Трудъ автора въ общемъ объявляется цѣнною лептою въ дѣло великой важности, обязательное для всякаго пастыря,—„защищать догматы вѣры отъ нападеній противниковъ“. „Вы“, говоритъ онъ, „поставили себѣ *благородную* высокую цѣль, и этой цѣли Вы достигнули ясностью своего изложенія, православною чистотою взглядовъ, точностью и мѣткостью богословскихъ выводовъ, Вами представляемыхъ, легкостью и простотою стиля“. Въ этихъ похвалахъ нѣтъ преувеличенія; напротивъ, ими еще не исчерпываются всѣ достоинства труда, среди которыхъ первое—широкая эрудиція автора въ области взятаго предмета. Но въ западномъ богословіи это достоинство составляетъ настолько обычное явленіе, что о немъ забываютъ упоминать... Однако, чисто-католическими своими сторонами, какъ продуктъ богословской католической учености, разсматриваемый трудъ не можетъ удовлетворить русскаго православнаго богослова, заключая особенности, незаслуживающія подражанія. Полное отсутствіе научной объективности, всюду сквозящая боязнь за истину, недостатокъ

[1] Ibidem, p 586. [2] Ibidem, p. 604.

благородной смѣлости и твердости и взамѣнъ того склонность къ софизмамъ, предпочтеніе діалектики содержательной трезвой мысли и убѣдительному свидѣтельству фактовъ, смѣшеніе краснорѣчія съ основательностью и научною убѣдительностью, широкая эрудиція и—узкая, поверхностная мысль и проч.,—все это обычныя черты католической богословской учености, дѣлающія ее безплодною. Менѣе всего трудъ о. Моро удовлетворяетъ насъ тѣмъ, что въ немъ всего важнѣе, т. е. самымъ рѣшеніемъ вопроса или своимъ объясненіемъ гипнотизма, составляющимъ его прямую цѣль.

Авторъ не одобряетъ крайняго воззрѣнія на гипнотическія явленія, какъ всецѣлое и сплошное дѣйствіе нечистой силы, воззрѣніе особенно развитое у о. Франко, и свой собственный взглядъ устанавливаетъ путемъ критики его.

О. Франко выставляетъ три тезиса: 1) искусственный сонъ не можетъ исходить отъ Бога; 2) гипнотизмъ не можетъ исходить и отъ природы, а потому 3) онъ есть дѣйствіе сверхъестественной дьявольской силы. 1) Основанія того, что въ гипнотизмѣ нельзя видѣть дѣйствіе сверхъестественной Божественной силы, Франко указываетъ въ противурелигіозномъ и противунравственномъ характерѣ многихъ явленій гипнотизма и самихъ гипнотизеровъ, часто нечестивыхъ и безбожныхъ, въ родѣ Рише, Фигье, Бернгейма, Кюллера, Реньяра и др... „Возможно-ли допустить, чтобы Богъ повиновался голосу (этихъ) людей и по ихъ требованію содѣйствовалъ совершенію чудесъ?“ 2) Противоестественный или сверхъестественный характеръ гипнотическихъ явленій и недостаточность научныхъ теорій для ихъ объясненія о. Франко доказываетъ соображеніями такого рода, напр., что въ природѣ дѣйствіе всегда пропорціонально причинѣ, а этого въ гипнотическихъ явленіяхъ нѣтъ (причины, какъ пассы, фиксація и т. п. ничтожны, а дѣйствія здѣсь, какъ каталепсія, параличи и т. п., важны...), патологическія явленія въ организмѣ возникаютъ обыкновенно постепенно, а въ гипнотизмѣ природа также измѣняетъ этому правилу; наконецъ, всѣ гипнотическія явленія исчезаютъ или уничтожаются также благодаря ничтожной причинѣ, т. е. волѣ экспериментатора, чего, однако, никогда не наблюдается

въ обыкновенныхъ болѣзняхъ, гдѣ воля доктора не оказываетъ никакого вліянія на ходъ ихъ. Отсюда остается сдѣлать лишь одно предположеніе — что гипнотизмъ есть дѣло нечистой силы... Ни одного изъ трехъ указанныхъ предположеній въ отдѣльности недостаточно, по мнѣнію о. Моро, для объясненія явленія; но вмѣстѣ взятыя они вполнѣ изъясняютъ его и согласны съ фактами. „Феномены гипнотическіе суть смѣсь обмана, естественной силы и вмѣшательства злыхъ духовъ“,— вотъ кратко его собственный взглядъ [1]. Послѣдній элементъ католическій авторъ усматриваетъ въ явленіяхъ въ родѣ внушенія и гипнотизаціи на разстояніи, чтенія чужихъ мыслей, видѣніе предметовъ сквозь непроницаемую среду (à travers un corps opaque), описанія лицъ, мѣстъ и событій далекихъ и неизвѣстныхъ субъекту, перемѣщеніе чувствъ (зрѣнія, напр., когда субъектъ видитъ вещи, даетъ ихъ точное описаніе, прикасаясь къ нимъ лишь своими руками, животомъ и т. п.), пониманія иностранныхъ языковъ и даже даръ этихъ языковъ, предсказанія будущаго [2]. Опираясь на свой собственный опытъ, авторъ высказываетъ убѣжденіе, что безпристрастному и внимательному изученію явленій гипнотизма должно открыться много случаевъ, гдѣ дьяволъ явно выдаетъ свое присутствіе. „Мнѣ лично трудно не признать въ современныхъ гипнотизёрахъ тѣхъ волшебниковъ, о которыхъ Тертулліанъ говоритъ, что посредствомъ волхвованій они показывали или вызывали призраки, заставляли прорицать дѣтей, умѣли насылать сны“ и т. п. (Tertull. Apologétique 23; также 22). Гипнотизмъ есть искусство эксплуатировать субъектовъ при помощи... галлюцинацій; отнимать у нихъ разумъ; уничтожать ихъ волю, разстраивать ихъ внѣшнія чувства, развивать въ нихъ тотъ страшный неврозъ, который называютъ гистеро-эпилепсіей,— все, что дѣлаютъ волшебники и что преданіе всегда относило къ демону, этой обезьянѣ, подражающей Богу, по выраженію Тертулліана [3]. Правда, гипнотизеры не считаютъ себя помощниками и союзниками дьявола и не вѣрятъ даже въ его существованіе, но тѣмъ не менѣе они его безсознательные

[1] P. Moreau, p. 533. [2] P. Moreau, p. 537 f. [3] P. Moreau, p. 549 f.

соучастники, поскольку содѣйствуютъ своими занятіями разрушенію вѣры, отрицанію истинныхъ Божественныхъ чудесъ и т. д. [1]. „Если теперь не ставятъ демонамъ храмовъ, не заключаютъ съ ними договоровъ, то извѣстные амфитеатры служатъ ихъ храмами, и ихъ жрецы—тѣ ученые, которые заключили молчаливый договоръ съ ними“ содѣйствовать отрицанію чудеснаго и ослабленію вѣры въ душахъ [2]. „Ни законы физіологическіе, ни законы нашего мышленія ничего не заключаютъ въ себѣ для объясненія ясновидѣнія или умственнаго внушенія. Въ этомъ отношеніи ученіе церкви точно установлено (formel), впрочемъ—въ полномъ согласіи съ современною наукою (!)“ [3]. Такъ заключаетъ свое изслѣдованіе почтенный католическій богословъ о. Моро.

Конечно, въ этомъ сообщеніи о. Моро о „полномъ согласіи“ ученія Римской церкви по вопросу „съ современною наукою“ слѣдуетъ видѣть только заявленіе неосуществимаго для нея желанія (наука, т. е. психологія и медицина, стремится найти исключительно естественное объясненіе гипнотизма, допускаемое законами физики, психологіи и физіологіи, и кромѣ того не выдаетъ своихъ настоящихъ объясненій за окончательныя). Но ученіе это, какъ мы видѣли выше, не слѣдуетъ даже прямымъ интересамъ церкви, ставя ее въ ложное положеніе передъ вѣрующими и особенно невѣрующими. Одно это, кажется, достаточно показываетъ непригодность принятой въ католическомъ богословіи теоріи для объясненія гипнотизма и другихъ группъ таинственныхъ психическихъ явленій. Что касается приводимыхъ въ пользу ея богословіемъ основаній, то они далеко недостаточны. Ссылка на древнихъ христіанскихъ писателей-апологетовъ, подобнымъ же образомъ изъяснявшихъ языческую теургію и мантику, теряетъ всякое значеніе, поскольку она упускаетъ изъ виду различія въ существенномъ характерѣ между современнымъ научнымъ мистицизмомъ и языческою магіею или теургіею. Современный мистицизмъ въ настоящее время преслѣдуетъ чисто-научныя цѣли (есть, конечно, и уклоненія отъ нея, неидущія въ счетъ какъ

[1] P. Moreau, p. 550 ff. [2] Ibid., p. 585 f. [3] P. Moreau, p. 596.

исключенія); языческая магія составляла существенную часть языческихъ религій и была искусствомъ чрезъ сношеніе съ богами и демонами производить дѣйствія, превышающія извѣстныя естественныя силы природы и человѣка, напр., узнавать будущее (мантика). Такимъ образомъ въ основаніи ея лежали грубое суевѣріе и ложь, противныя истинной религіи и нравственности, а потому она была дѣломъ предосудительнымъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Будучи дѣломъ тьмы, неотъемлемою частью самого язычества, языческая магія, согласно указанію слова Божія, можетъ быть разсматриваема какъ орудіе темныхъ силъ въ ихъ власти надъ рабствовавшими имъ язычниками: все, что относится къ языческимъ религіямъ, должно и можетъ быть справедливо относимо и къ ея части, т. е. магіи (1 Кор. X, 20; 1 Кор. XII, 2). Поэтому настаивать на тождествѣ древне-языческой магіи съ современнымъ оккультизмомъ значило бы къ одной ошибкѣ прибавлять множество новыхъ ошибокъ, которыя должны повлечь за собою еще цѣлый рядъ новыхъ ошибокъ и т. д. Нельзя признать удачною также ссылку католическихъ богослововъ на затрудненія, возникающія будто бы для самаго понятія о чудесномъ или сверхъестественномъ въ томъ случаѣ, еслибы мы допустили естественное объясненіе по отношенію къ „чудеснымъ“ феноменамъ телепатіи, гипнотизма, спиритизма; этимъ истинно-чудесное совсѣмъ не отрицалось-бы. Въ основаніи этого соображенія, какъ можно догадываться, лежитъ невѣрная мысль о полномъ сходствѣ по существу и различіи лишь по источнику между истинными Божественными чудесами и ложными чудесами психопатологической магіи, изъясняемыми дѣйствіемъ злыхъ духовъ; католическіе богословы очевидно затрудняются, поражаемые внѣшнимъ ихъ сходствомъ, установить между ними существенное отличіе и указать точные критерій чуда. Между тѣмъ такіе критеріи существуютъ и на тотъ случай, если бы мы вмѣстѣ съ Шеллингомъ, древними стоиками, Аристотелемъ, Платономъ и др. философами древности, признали многія изъ „чудесныхъ“ явленій гипнотизма и др. группъ за явленія вполнѣ естественныя, основанныя на нѣкоторыхъ, весьма рѣдко проявляющихся и малоизучае-

мыхъ, способностяхъ и силахъ души въ извѣстныхъ, особенныхъ состояніяхъ нервной системы, какъ ясновидѣніе, прозорливость, предвидѣніе будущаго, такъ наз. „второе зрѣніе“ и т. п. (т. е. если-бы признали въ душѣ большій объемъ или запасъ силъ, сравнительно съ обычнымъ и извѣстнымъ научной психологіи, въ частности возможность познанія какими-нибудь иными, кромѣ извѣстныхъ, путями безъ сношенія съ міромъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ и внѣ условія, слѣд., времени и пространства). Внимательное изученіе этихъ „чудесъ“ нашей психической природы и истинныхъ (напр. библейскихъ) чудесъ открываетъ рядъ существенныхъ между ними различій. Возьмемъ, напр., почти всѣми признаваемую естественную способность предчувствія или предвидѣнія будущаго (находимую даже у животныхъ, что доказываетъ ея естественность) и сверхъестественное пророчество, какъ чудо или особенный даръ Божественный, сообщаемый Богомъ избраннымъ людямъ для достиженія тѣхъ или иныхъ высокихъ цѣлей Его промышленія о людяхъ. Очевидно, что естественныя предсказанія, основывающіяся на естественной способности ограниченной человѣческой природы, во всѣхъ отношеніяхъ будутъ носить на себѣ слѣды человѣческой ограниченности, между тѣмъ, какъ истинно чудесныя пророчества имѣютъ на себѣ явную печать своего Божественнаго происхожденія и во всемъ достойны своего Виновника, Бога: человѣческія предсказанія несовершенны и по цѣли или по своему содержанію и характеру, и по степени вѣрности или точности; пророчества же безусловно-совершенны во всѣхъ отношеніяхъ. Цѣль пророчествъ всегда высокая (религіозно-нравственная), какою по преимуществу представляется содѣйствіе падшимъ людямъ въ дѣлѣ вѣры и нравственности, — ихъ спасеніе, а потому пророчества всегда имѣютъ высокій нравственный характеръ и полны глубокаго смысла. Но наблюденія не позволяютъ утверждать это относительно явленій естественной человѣческой дивинаціи, такъ-какъ вообще „магическія“ силы души, по наблюденіямъ, дѣйствуютъ, при благопріятныхъ условіяхъ, какъ слѣпыя естественныя силы, не подчиняясь разуму, а потому часто не имѣютъ никакого смысла и значенія. Далѣе,

пророчества абсолютно точны или истинны, а естественныя предсказанія, исключая простѣйшіе элементарные факты (какъ смерть и т. п.), всегда *приблизительны*[1]. Нѣтъ ничего легче распространить эти выводы изъ наблюденій на всю область „патологической магіи“ и тѣмъ устранить мнимое затрудненіе, выставляемое католическими богословами, будто примѣненіе естественнаго объясненія или теоріи стоическо-шеллингіанской къ загадочнымъ явленіямъ психической области было-бы отрицаніемъ самаго чуда. Напротивъ, по моему глубокому убѣжденію, въ этой-то именно, собственно, стоической метафизической теоріи, послужившей образцемъ Шеллингу и его школѣ, и лежитъ единственная гарантія правильнаго отношенія христіанскаго богословія къ современному мистицизму безъ вреда вѣрѣ и наукѣ и единственное средство для избѣжанія безчисленныхъ неудобствъ, вызываемыхъ католическою теоріею, малая часть которыхъ указана выше[2]. Къ принятію этого метафизическаго принципа для объясненія части таинственныхъ психическихъ явленій нѣтъ и не можетъ быть никакихъ препятствій въ самой христіанской религіи, ея ученіи: онъ давно примѣнялся для этой цѣли учеными и глубоко-вѣрующими западными (протестантскими) богословами, и взгляды Шеллинга, особенно его ученика Шуберта, не такъ давно господствовали въ нашихъ учено-богословскихъ академическихъ сферахъ, какъ напр., среди бывшихъ проф. Кіевской духовной академіи *архим. Θеофана (Авсенева)*, *арх. херсонскаго Иннокентія* и др.[3]. Взгляды эти въ своей сущности стоятъ въ полномъ согласіи со всѣми основными началами спиритуалистической психологіи и христіанскимъ уче-

---

[1] См. подр. въ книгѣ свящ. П. Свѣтлова, *Пророческіе или вѣщіе сны. Апологетическое изслѣдованіе въ области Библейской Психологіи*. Кіевъ, 1892, стр. 147—150.

[2] О самой стоической теоріи, особ. въ примѣненіи къ мантикѣ, можно см. въ той же кн. *Пророческіе или вѣщіе сны*, стр. 105—106, стр. 100—104, 107 и д.

[3] См. лекціи ихъ въ *Сборн. изъ лекцій бывшихъ профессоровъ Кіевской духовной академіи*. Кіевъ, 1865; въ книгѣ свящ. П. Свѣтлова *Пророческіе или вѣщіе сны*, стр. 72—73 (примѣчаніе), 109—110.

ніемъ о душѣ человѣческой, ея богоподобіи [1]. Конечно, этимъ однимъ метафизическимъ принципомъ не объясняется все безъ остатка и сполна въ таинственной области психическихъ явленій, но объясняется весьма многое, а остальное требуетъ помощи иныхъ началъ. Возможны и дѣйствительно существуютъ три точки зрѣнія или принципа въ объясненіи этихъ фактовъ: *теологическая*, прибѣгающая къ содѣйствію сверхъестественнаго фактора, т. е. воздѣйствію или дѣйствію діавола, демоновъ; *философская* или метафизическая, полагающая въ основу загадочныхъ психическихъ явленій особенныя („магическія") способности или свойства души въ извѣстныхъ ея состояніяхъ наконецъ—*научная*, сводящая эти факты къ элементамъ обычной или нормальной дѣятельности души, извѣстнымъ физіологіи и психологіи. Исключительное примѣненіе одной какой либо изъ этихъ точекъ зрѣнія, или даже особенное пристрастіе къ одной, какъ это видимъ въ католическомъ богословіи (къ *теологической*) и въ медицинѣ (къ „*научной*"), было-бы ошибкою и результатомъ односторонности и узкости въ общемъ направленіи ума и его міросозерцанія. Для исключительнаго употребленія перваго (теологическаго) принципа и особеннаго пристрастія къ нему никто не можетъ указать основанія въ св. писаніи или ученіи церкви: естественное объясненіе ненормальныхъ явленій въ области психической жизни не воспрещается, коль скоро оно возможно, и догматическимъ ученіемъ о злыхъ духахъ въ отношеніи ихъ къ людямъ не требуется распространеніе вліянія злыхъ духовъ и на всю область, вѣдаемую психіатріею.

Книга абб. Моро написана не безъ значительнаго вліянія на нее другого подобнаго-же труда въ католическомъ богословіи, пользующагося еще большею извѣстностью,—*И. Мерика* „Чудесное и наука. Изслѣдованіе о гипнотизмѣ". Въ научномъ отношеніи послѣдній трудъ стоитъ выше перваго. Не поражая, какъ первый, въ глаза бросающеюся эрудиціею, онъ однако выдаетъ основательное знакомство автора съ ученою литературою предмета: авторъ цитуетъ лишь лучшее въ лите-

[1] *Пророческіе или вѣщіе сны*, стр. 110 и д

ратурѣ, что показываетъ, разумѣется, его знакомство и съ худшимъ и что во всякомъ случаѣ труднѣе сдѣлать, чѣмъ цитовать все безъ разбору. Мерикъ, по его собственному заявленію, ознакомился съ фактами гипнотизма не однимъ книжнымъ путемъ: онъ изучалъ ихъ подъ руководствомъ врачей экспериментаторовъ въ больницѣ Шарко, Сальпетріерѣ, и присутствовалъ при опытахъ д-ра Бернгейма, профессора медицинскаго факультета въ Нанси, пользуясь его любезными объясненіями.

Изслѣдованіе Мерика распадается на три части: Въ первой части излагаются факты и исторія гипнотизма, во второй разсматриваются разнообразныя ихъ объясненія, въ третьей устанавливаются авторомъ выводы изъ первыхъ двухъ частей философскіе, богословскіе и соціальные [1]. Авторъ развиваетъ въ своемъ сочиненіи тотъ же только-что разсмотрѣнный взглядъ католическаго богословія на чудесное въ области психической, но съ большею умѣренностью, осторожностью и искусствомъ, чѣмъ у абб. Моро, стараясь придать ему видъ чего то вполнѣ согласнаго съ наукою въ объясненіи загадочныхъ явленій гипнотизма. Онъ равно не одобряетъ, какъ крайности, объясненія, сводящія все или къ чудесному (дѣйствію дьявола) или къ естественному и справедливо о первыхъ замѣчаетъ: „если невѣріе есть достойное осужденія преступленіе, то невѣжественное суевѣріе есть слабость, роняющая дѣло вмѣсто того, чтобы защитить его, т. е. ученіе о чудѣ“ [2]. Въ большую заслугу автору слѣдуетъ вмѣнить устанавливаемый имъ (точнѣе—принятый отъ другихъ) прекрасный принципъ для естественнаго объясненія „чудесной“ стороны гипнотизма, основанный на законѣ органическаго взаимодѣйствія между

---

[1] Содержаніе *книги первой*: I. Проблема и методъ.—II. Гипнотизмъ и феномены тѣлесные.—III. Гипнотизмъ и феномены духовные.—IV. Гипнотизмъ и феномены смѣшанные.—V. Эволюція магнетизма.—*Книга вторая*: I. Сонъ и сновидѣнія.—II. Гипнотизмъ и естественный сонъ.—III. Границы науки, невѣдомое, внѣ-естественное.—IV. Непроизвольныя движенія, говорящіе столы, сверхъ-естественное.—*Книга третья*: I. Гипнотизмъ и человѣческая свобода.—II. Гипнотизмъ и чудо —III. Гипнотизмъ и вредъ отъ него для общества. Заключеніе.

[1] Méric, le Merveilleux et la Science, p. 36. Ср. p. p. IX f., 35—38

душою и тѣломъ въ человѣкѣ. Тѣсная связь души съ тѣломъ позволяетъ дѣйствовать гипнотизеру на души субъекта черезъ посредство нервной системы и вызывать въ ней явленія, находящіяся въ кажущемся противорѣчіи съ общими извѣстными законами природы и основывающіяся на какихъ нибудь неизвѣстныхъ законахъ. Съ другой стороны душа обладаетъ значительною способностью воздѣйствія на тѣло прямого и непрямого, на его чувственную и растительную жизнь и въ извѣстныхъ условіяхъ, при сильномъ возбужденіи этой способности, можетъ производить поразительныя дѣйствія въ человѣческомъ организмѣ [1]. Однако на дѣлѣ авторъ не слѣдуетъ этому прекрасному принципу въ объясненіи поразительныхъ явленій гипнотизма. Такъ въ однихъ случаяхъ, напр. по отношенію къ видѣнію предметовъ сквозь непроницаемыя тѣла (la vue à travers les corps opaques) авторъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ: онъ заподозрѣваетъ достовѣрность факта, прибѣгаетъ къ предположенію о намѣренномъ обманѣ [2]. Въ большинствѣ случаевъ авторъ пробавляется господствующею католическою теоріею демоническаго вмѣшательства и примѣняетъ ее къ объясненію дальновидѣнія, прозорливости, излѣченія больныхъ гипнотическимъ внушеніемъ, предсказанія будущаго, дара чужихъ языковъ и пониманія ихъ, чтенія мыслей и др., оставляя естественное объясненіе въ сущности только для тѣлесныхъ явленій гипнотизма, какъ летаргія, каталепсія, сомнамбулизмъ, и незначительнаго числа другихъ, какъ внушенныя галлюцинаціи и т. п. [3] Отношеніе автора къ внушеннымъ *стигматамъ* также по существу не представляетъ ничего новаго: правда, онъ не считаетъ ихъ, какъ другіе католическіе авторы, дѣйствіемъ злыхъ силъ и поддѣлкою подъ истинныя или чудесныя стигматы святыхъ и объясняетъ при содѣйствіи вышеразсмотрѣннаго своего принципа; но онъ старается установить насильственно различіе между однородными на дѣлѣ внушенными стигматами („ложными“) и непроизвольными или чудесными

---

[1] См. Méric, p. 38; ср. 429 f. [2] См. Méric, p. 64 f. [3] Méric, p. 284, 413, 434—435.

(„истинными“) [1]... Въ концѣ концовъ авторъ не даетъ почти совсѣмъ мѣста въ своей книгѣ принципу естественнаго объясненія загадочныхъ явленій гипнотизма. Для него, какъ для всѣхъ другихъ католическихъ богослововъ, ихъ сверхъестественный характеръ есть дѣло рѣшенное. Вся трудность задачи для него въ данномъ случаѣ заключается въ томъ, чтобы доказать невозможность естественнаго объясненія фактовъ и необходимость, затѣмъ, ихъ объясненія вмѣшательствомъ темныхъ силъ. Преодолѣвъ первую, католическій богословъ однако легко рѣшаетъ вторую задачу: Церковь даетъ ему въ своихъ богослужебныхъ книгахъ (чинъ заклинанія бѣсовъ въ Rituel Romain) точные критеріи для различенія истинныхъ Божественныхъ чудесъ отъ ложныхъ чудесъ діавола. „Если“, говорится тамъ, „кто-либо начнетъ говорить на языкѣ, которому онъ никогда не учился, если онъ узнаетъ о далекомъ и тайномъ и вообще обнаруживаетъ силы, которыя очевидно превышаютъ его возрастъ и его положеніе, то можно въ этомъ случаѣ догадываться объ участіи злого духа“ [2]. Въ заключеніе самъ авторъ слѣдующими словами характеризуетъ свой трудъ и его значеніе: „мы пытались проложить пути къ объясненію таинственныхъ сторонъ гипнотизма, освѣтить нѣкоторые темные его пункты, руководясь глубокою любовью къ наукѣ и безпредѣльною преданностью Церкви; но мы не претендуемъ на окончательное разрѣшеніе проблемы, которая приводитъ въ смущеніе гордыхъ ученыхъ и захватываетъ на своемъ пути рядъ самыхъ тонкихъ и сложныхъ вопросовъ религіи, морали и психологіи“ [3].

Все вышесказанное заставляетъ однако видѣть въ трудѣ И. Мерика наглядный образчикъ невозможности совмѣщенія въ католическомъ богословіи „глубокой любви къ наукѣ“ съ „безпредѣльною преданностью церкви“: здѣсь, въ богослов-

[1] E. Méric, p. 107 ff., 109 ff.

[2] E. Meric, p. 412. Въ подл. чит.: De exorcizandis obsessibus: Signa autem obsidentis doemonis sunt: ignota lingua loqui pluribus verbis, vel loquentem intelligere, distantia et occulta patefacere, vires supra aetates seu conditionis naturam ostendere, et id genus alia: quae cum plurima occurrunt, majora sunt indicia (ibid., 412).

[3] E. Méric, p. 461.

скомъ изслѣдованіи гипнотизма, мы наблюдаемъ типичный случай обычнаго тяжелаго давленія церкви католической на богословскую науку и мысль, мѣшающаго ихъ естественному движенію на пути къ научному безпристрастному рѣшенію вопроса; вторгаясь по обычаю въ чуждую область свѣтской науки, церковь римская своими точными опредѣленіями, въ ущербъ своимъ интересамъ, ослабляетъ одну изъ своихъ опоръ, научно-богословскую мысль, ей служащую.

Нѣтъ, рѣшеніе указанной проблемы, какъ многихъ и многихъ другихъ, надобно ждать не отъ католическаго, а православнаго русскаго богословія, для котораго совсѣмъ не существуетъ указаннаго серьезнаго препятствія къ успѣху. Здѣсь препятствія лежатъ въ совершенно другой сторонѣ, и совсѣмъ особаго рода,—въ предразсудкахъ и нетерпимости невѣжества и полуобразованія, враждебно встрѣчающихъ все новое и свѣжее въ жизни и въ наукѣ. Правда, скептицизмъ по отношенію къ загадочной области психическихъ явленій, какъ телепатія или явленія призраковъ умирающихъ и умершихъ живымъ, вѣщіе сны и т. п., имѣетъ долю своего основанія въ томъ, что всѣ этого рода явленія лишь сравнительно недавно (можно сказать съ появленіемъ *Лондонскаго Общества Психическихъ Изслѣдованій* въ 1882 году) сдѣлались достояніемъ научнаго изслѣдованія и почти все время находились въ вѣдѣніи невѣжественной фантазіи. Однако, время для такого скептицизма кончилось; онъ—анахронизмъ. Научно-богословскія изслѣдованія въ этой области наибольшую вражду встрѣтятъ не въ наукѣ, конечно, а въ томъ, что, не имѣя никакого дѣйствительнаго отношенія къ наукѣ, всегда старается поддѣлаться подъ нее и стать подъ ея защиту... Ученыхъ отличаетъ, какъ ихъ спеціальная черта, критицизмъ или скептицизмъ; ученые не вѣрятъ, говорятъ, въ сны, въ то-то и то-то; удивительно-ли, если невѣжество наивно будетъ укрываться за скептицизмомъ, какъ за ширмой, и обезпечивать себя крикливыми заявленіями, что оно „не вѣритъ въ сны“, въ дьявола и т. п. Копія должна же походить на оригиналъ... Но когда не будетъ оригинала, то, конечно, не будетъ и копіи...

III.

Обозрѣніе главнѣйшихъ группъ таинственныхъ психическихъ явленій: *телепатія*, *вѣщіе сны* и *гипнотизмъ* даетъ наглядное доказательство высокаго апологетическаго интереса въ изученіи таинственной психической области, — чудесъ духовной человѣческой природы.

а) Описать факты этихъ трехъ группъ, б) доказать ихъ достовѣрность, в) дать полное и изчерпывающее перечисленіе всѣхъ проблемъ въ области религіи, метафизики, психологіи, морали, соціологіи, медицины и физіологіи, возбуждаемыхъ этими фактами и, наконецъ, г) представить разрѣшеніе этихъ проблемъ — всѣ это было бы задачею, неосуществимою ни для какого, даже самаго обширнаго, спеціальнаго изслѣдованія. Прямая цѣль статьи заставляетъ остановиться исключительно только на третьей задачѣ (и при томъ—отчасти и здѣсь) и касаться прочаго настолько, насколько это нужно будетъ для этой цѣли (считая самые факты и важнѣйшее въ литературѣ объ ихъ достовѣрности общеизвѣстными, я большею частью буду ограничиваться, гдѣ можно, указаніемъ литературы по этому предмету).

1. *Телепатія*. Разсказы и разсужденія о разныхъ привидѣніяхъ, явленіяхъ изъ загробнаго міра умершихъ и т. п. загадочныхъ вещахъ служатъ любимою темою разговоровъ въ обществѣ и матеріаломъ для сборниковъ чудесныхъ исторій, иногда тенденціозныхъ, вродѣ сборника *М. П. Погодина*[1], а большею частію составляемыхъ любителями чудеснаго изъ простой любви къ этому чудесному. Здѣсь особенно выдѣляются своею популярностью разсказы о внезапныхъ явленіяхъ какого-нибудь отсутствующаго лица, находящагося за тысячи верстъ, другу, родственнику, близкому или вообще знакомому лицу, въ моментъ смерти или угрожающей ему опасности, причемъ иногда болѣе или менѣе ясно видятъ его фигуру, иногда слы-

[1] М. П. Погодина, *Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ*. Изд. 3-е. М. 1874; въ иностранной литературѣ аналогичный сборникъ Les histoires prodigieuses. 1578.

шатъ его голосъ, иногда только испытываютъ безпредметныя чувства тоски, страха, безпокойства, или же пріуроченныя къ его личности, иногда видятъ цѣлыя конкретныя картины къ нему относящіяся,—и все это впослѣдствіи сличеніемъ съ дѣйствительностію вполнѣ подтверждается, т. е. оказывается, что съ этимъ лицомъ дѣйствительно случилось что-либо опасное, непріятное, или,—что бываетъ чаще,—что оно умерло ровно въ моментъ своего явленія далекимъ знакомымъ (эти явленія переживаются на яву почти такъ же, какъ и въ *сновидѣніяхъ*, которыя въ этомъ случаѣ справедливо называются *пророческими* или *вѣщими*).

Первую попытку безпристрастнаго научно-методическаго изученія этихъ фактовъ сдѣлало *Лондонское Общество Психическихъ Изслѣдованій*, поручивъ обработку собранныхъ имъ матеріаловъ тремъ своимъ членамъ Гёрнею, Майерсу и Подмору, которые на основаніи ихъ составили первое научное изслѣдованіе по вопросу подъ заглавіемъ Phantasms of the Living, перев. на русскій языкъ подъ ред. и съ пред. Вл. Соловьева [1]. Книга эта отвоевываетъ у фантазіи обширную область и дѣлаетъ ее отнынѣ достояніемъ науки наравнѣ съ другими изучаемыми ею фактами. Въ этомъ ея пока главное значеніе.

Разумѣется, англійскіе ученые не могли поставить цѣлью своей книги объясненіе разсматриваемыхъ фактовъ: главная задача ихъ пока — констатировать факты, возможно прочнѣе установить ихъ реальность или достовѣрность; они воздерживаются по возможности отъ всякихъ разсужденій объ ихъ сущности и отказываются давать имъ окончательное объясненіе, не смотря на ихъ „важное отношеніе къ различнымъ основнымъ проблемамъ метафизическимъ, психологическимъ, быть можетъ даже физическимъ“ [2]. Единственное (важное) объясненіе, которое они себѣ позволяютъ, но которое само напрашивается

---

[1] Э. Герней, Ф. Майерсъ, Ф. Подморъ. *Прижизненные призраки и другія мистическія явленія*. Спб. 1893 г.

[2] *Прижизненные призраки*, стр. 5. Однако по мѣстамъ книга измѣняетъ этому правилу, напр. на стр. 102—103, 413, 467.

всякому и прямо вытекаетъ изъ природы фактовъ, состоитъ въ слѣдующемъ. „Факты“... говорятъ ученые авторы, „выводятъ насъ на одинъ шагъ за принятыя границы. А именно они доказываютъ (если мы ихъ правильно толкуемъ) *способность одного духовнаго существа* (mind) [1] *производить на другое или воспринимать отъ другого* впечатлѣнія инымъ путемъ, кромѣ признанныхъ проводниковъ чувствъ [2]. Мы называемъ производящаго такимъ образомъ впечатлѣнія *дѣятелемъ* (agent), а получающаго ихъ *воспріемникомъ* (percipient); а самый фактъ такихъ впечатлѣній обозначаемъ кратко терминомъ телепатія“ [3]. Авторы не входятъ въ подробное критическое обсужденіе многочисленныхъ *физическихъ* объясненій телепатическихъ фактовъ, считая ихъ совершенно справедливо „ничтожными“ и непримѣнимыми къ фактамъ, и думая, что для опроверженія ихъ достаточно только констатировать самые факты [4].

---

[1] «Души». Кстати, переводъ по мѣстамъ не отличается точностью, такъ титулъ дух. лицъ *его преподобіе* (reverend) передается вездѣ — «преподобный» (!); сокращенія въ переводѣ оригин. текста иногда не сопровождаются соотвѣтственными пропусками прибавленій и примѣчаній къ нему.

[2] Т. е. органовъ внѣшнихъ чувствъ.

[3] *Прижизненные призраки*, стр. 4. Точнѣе телепатіею называется сношеніе одного субъекта съ другимъ безъ всякаго внѣшняго посредства чувственнаго или воспріятіе совершающагося въ чужой душѣ (чувствъ, идей) сверхчувственнымъ и непосредственнымъ способомъ. Очевидно, что такимъ образомъ понимаемая, телепатія обнимаетъ обширную область фактовъ, куда входитъ такъ называемое *перенесеніе* или *чтеніе мыслей* и *умственное внушеніе*, когда одинъ (агентъ) задумываетъ, напримѣръ, какую-нибудь карту, число, фигуру и т. п. (*умственное внушеніе* съ одной стороны), а другой (перципіентъ) отгадываетъ задуманное, находясь въ другой комнатѣ (*чтеніе мыслей*—съ другой стороны, т. е *переносъ мыслей* = *умственное внушеніе* + *чтеніе мыслей*; надобно замѣтить, что точно установившейся терминологіи пока не наблюдается). Самый терминъ *телепатія* (отъ τέλος и πάσχω, т. е по своему этимологическому значенію воспріятіе или чувство на разстояніи или воспріятіе далекаго) предложенъ *Мачерсомъ* и при всей своей неопредѣленности вытѣснилъ болѣе точный терминъ *Майерсофера—телестезія* (τέλος и αἴσθησις).

[4] Стр. XIX. См. къ литер. и критикѣ теорій естественнаго объясненія фактовъ *чтенія мыслей*, *умственнаго внушенія* и др. под. въ кн. А Н. Гилярова. *Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и Психологической школы*, гл. XXXII, 267—308; П. Я. Розенбаха: *Современный мистицизмъ*, стр. 11—21; свящ. П. Свѣтлова: *Пророческіе и вѣщіе сны*, гл. II, особ. стр. 75—93, 115—1

Ученые авторы позволяютъ себѣ еще сверхъ того войти ближе въ опредѣленіе психологической природы самыхъ призраковъ или телепатическихъ явленій. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію ученыхъ, они представляютъ собою аналогію съ галлюцинаціями, тѣмъ однако-же существеннымъ отличіемъ, что совпадаютъ съ дѣйствительностью и потому могутъ быть названы *правдивыми галлюцинаціями* (les hallucinations véridiques). Они, такимъ образомъ, болѣе, чѣмъ только субъективныя состоянія сознанія, какъ галлюцинаціи: въ основѣ ихъ лежитъ воспріятіе дѣйствительности, хотя сверхчувственной, т. е. невидимаго воздѣйствія души агента, входящей въ близкое общеніе съ другою душою—перципіента. Голосъ умирающаго, его фигура, обстановка событія, однимъ словомъ, самый *образъ* или призракъ есть проэкція наружу именно внутренняго сверхчувственнаго воспріятія душою одного невидимаго воздѣйствія на нее другой души.

Таково главное отступленіе отъ задачи, по необходимости допущенное въ книгѣ.

Главная и ближайшая задача изслѣдованія выполнена съ блестящимъ успѣхомъ: имъ поставлена внѣ всякаго сомнѣнія достовѣрность телепатіи вообще и сообщаемыхъ въ книгѣ (свыше восьмисотъ) фактовъ, вездѣ тщательно и подробно протоколированныхъ. Принятою, въ высшей степени цѣлесообразною, системою собиранія фактовъ ученые изслѣдователи удовлетворяютъ самую придирчивую и скептическую критику, которая видитъ себя вынужденною признать волею-неволею достовѣрность этихъ фактовъ [1]. Изслѣдователи всегда старались

[1] Этого не могутъ скрыть и враги «всякаго мистицизма» и телепатіи въ частности, такъ въ соч. П. Я. Розенбаха: *Современный мистицизмъ. Критическій очеркъ* на стр. 27 читаемъ: «большинство (приведенныхъ фактовъ) нельзя считать ни вымышленными, ни даже сомнительными». Но безпристрастная научная критика отдаетъ полную справедливость заслугамъ авторовъ въ выполненіи главной ихъ задачи, и ученый рецензентъ книги Raphael Chaudos въ Revue de deux mondes (1888, 1-er Mai, ст. Les fantomes et la science) лучше выражаетъ положеніе дѣла, когда говоритъ: Si invraisemblable que la chose paraisse ces hallucinations veridiques existent; elles ont pris pied dans la science, quoi qu'on fasse, et elles y resteront (p. 212).—Сообщеніе и отзывъ о книгѣ см. также въ ж. *Вопросы философіи и психологіи*, 1892 г., кн. 11 ст. *М. Петрово-Солово.* «Телепатія».

получать свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ и входили для того въ личныя и письменныя сношенія съ лицами, прикосновенными къ факту. Ими приняты были всевозможныя мѣры для провѣрки ихъ сообщеній и всѣ мельчайшія предосторожности, чтобы не внести въ собраніе фактовъ сколько нибудь сомнительныхъ. Приняты въ соображеніе всѣ возможныя условія, вліяющія на точность разсказовъ: нравственный характеръ свидѣтелей и корреспондентовъ, ихъ образованіе [1], всѣ возможныя психологически ошибки наблюденія, памяти, легковѣріе, склонность къ обману и чудесному и т. п. (гл. IV, стр. 43—58). Наконецъ авторы принимаютъ мѣры и къ тому, чтобы не внести въ свое собраніе телепатическихъ объективныхъ галлюцинацій (призраки умирающихъ) чисто субъективныхъ галлюцинацій, возникающихъ на почвѣ безпокойства, страха, мыслей и заботъ о томъ или иномъ лицѣ и т. п. Такимъ образомъ могутъ подъ вліяніемъ тоски и постояннаго сосредоточенія мысли на умершемъ возникать и субъективныя галлюцинаціи, провѣрить которыя уже трудно, и потому такіе случаи не приводятся въ книгѣ; въ книгѣ исключены сообщенія о призракахъ *посмертныхъ* и разсматриваются лишь факты, относящіеся къ *прижизненнымъ* призракамъ (см. стр. XXXII). Кромѣ того, ученые авторы сдѣлали съ своей стороны все возможное въ предупрежденіе естественныхъ возраженій противъ достовѣрности фактовъ въ родѣ тѣхъ, что эти правдивыя галлюцинаціи (видѣнія и сновидѣнія) составляютъ „каплю въ морѣ“ по отношеніи къ общему числу ихъ и могутъ просто объясняться случайными совпаденіями, или—что факты покоятся на ненамѣренномъ и намѣренномъ обманѣ свидѣтелей. Статистикою этого рода галлюцинацій, составленною трудами *Лондонскаго Общества Психологическихъ Изслѣдованій*, установлена однако чрезвычайная ихъ рѣдкость, при которой вѣроятность случайныхъ совпаденій приблизительно вычисляется въ $\frac{1}{431,363.}$ [2]. Предположеніе о сплошномъ обманѣ, какъ

[1] Образованнымъ дано предпочтеніе: въ одномъ случаѣ сообщеніе напр., исключено потому, что не было удостовѣрено образованными лицами. См. стр. 55, гл. IV.

[2] Рецензентъ Rêvue de deux Mondes выражаетъ эту вѣроятность

источникѣ телепатическихъ фактовъ, опровергается указаніемъ на однородность и тождество основнаго характера сообщеній о фактахъ, которые поэтому въ общемъ составляютъ одну естественную группу [1].

Наконецъ система или классификація телепатическихъ фактовъ составляетъ другую необходимую задачу изслѣдованія о телепатіи. Всѣ телепатическіе факты въ книгѣ распредѣляются въ двѣ главныя группы, — телепатію произвольную или *экспериментальную*, когда преднамѣренно, путемъ извѣстныхъ опытовъ (чтеніе мыслей, умственное внушеніе) воспроизводятся телепатическія явленія, и въ телепатію *непроизвольную*, независящую отъ чьего-либо сознанія и воли. „Въ экспериментальной телепатіи и агентъ, и субъектъ принимаютъ добровольное и сознательное участіе въ опытѣ. Въ случаяхъ самопроизвольной телепатіи агентъ не производитъ никакого сознательнаго и преднамѣреннаго дѣйствія, а также и воспринимающій субъектъ не ожидаетъ заранѣе телепатическаго дѣйствія“ [2]. Кромѣ этихъ двухъ основныхъ группъ отводится мѣсто „для третьей средней или промежуточной, составляющей переходъ отъ экспериментальной телепатіи къ самопроизвольной [3], гдѣ экспериментаторъ *(агентъ)* сознательно и намѣренно старается произвести телепатическое дѣйствіе на субъекта непредувѣдомленнаго и неприготовленнаго“ [4].

дробью, числитель которой 1, а знаменатель число съ 36 нулями. У г. *Розенбаха* вычисленіе вѣроятностей англійскими учеными просто игнорируется на томъ основаніи, что «этотъ разсчетъ, конечно, совершенно ложенъ» (стр. 30). Самая-же рѣдкость телепатическихъ галлюцинацій, кажется, объясняется существованіемъ особыхъ индивидуальныхъ къ ней предрасположеній или *телепатической способности*, на что наводятъ стр. 334 и д. (№№ 254—257).

[1] См. гл. IV, § 518, стр. 56—57.

[2] Стр. 20. О произвольной телепатіи см. гл. II; факты ея служатъ исходною точкою теоріи въ книгѣ, принятой для объясненія телепатіи непроизвольной.

[3] См. гл. III.

[4] Стр. 20. Сюда относятся всѣ случаи такъ называемаго воспріятія *умственнаго внушенія* (suggestion mentale), когда одинъ (агентъ) усиленно сосредоточиваетъ свое вниманіе на мысленномъ приказаніи другому (перципіенту) что-нибудь сдѣлать или почувствовать, и послѣдній выполняетъ

Книга посвящена главнымъ образомъ изученію непроизвольной телепатіи. Въ этой группѣ въ свою очередь устанавливается нѣсколько частныхъ отдѣловъ съ подраздѣленіями. Телепатическія галлюцинаціи различаются: 1) по своему содержанію или характеру; 2) по числу воспринимающихъ субъектовъ и взаимному отношенію агентовъ и перципіентовъ; 3) по внѣшней обстановкѣ или состоянію субъектовъ. Въ первомъ отношеніи различаются телепатическія галлюцинаціи зрѣнія, слуха, осязанія или смѣшанныя, т. е. вообще, гдѣ впечатлѣніе имѣетъ характеръ чувствительный и во внѣ объектированный [1] (A); затѣмъ наблюдаются такіе случаи, гдѣ телепатическое воздѣйствіе выражается не въ формѣ опредѣленнаго чувственнаго воспріятія (галлюцинаціи), но въ видѣ чувствованій или волненій (B). Во второмъ отношеніи различаются классъ *взаимныхъ* телепатическихъ галлюцинацій (F), гдѣ оба лица оказываютъ телепатическое воздѣйствіе другъ на друга, и классъ *коллективныхъ* галлюцинацій (G), гдѣ участвуютъ нѣсколько воспринимающихъ субъектовъ [2]. Въ третьемъ отношеніи, наконецъ, различаются телепатическія галлюцинаціи въ бодрственномъ состояніи, во снѣ или *сновидѣнія* (Д) и въ пограничныхъ состояніяхъ въ родѣ, напр., дремоты (E).

Вотъ нѣсколько типичныхъ образчиковъ телепатическихъ галлюцинацій (A). Приводимъ разсказъ, который принадлежитъ „человѣку, занимающему отвѣтственное положеніе и не желающему обнародовать свое имя, хотя онъ готовъ сообщить его всякому изслѣдователю. Онъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ подъ буквами Н. І. С".

Между Н. І. С. и Ф. Л., служащими въ одной и той же

его идею. Особенно интересны случаи *видѣній*, намѣренно произведенныхъ на разстояніи (стр. 26), когда одно лицо является другому далекому отъ него, напряженно и намѣренно сосредоточивая свое вниманіе на послѣднемъ съ цѣлью явиться ему.

[1] Стр. 59.

[2] Въ книгѣ приведены случаи отъ *двухъ* лицъ до *девяти* (см. примѣры на *двоихъ*: стр. 447... (съ № 348), 459... (№ 357); *троихъ*: 421... (№ 314); *четверыхъ*: 434... (№ 333); *пятерыхъ*: 434... (№ 339); *девятерыхъ*: 430... (№ 331).

конторѣ, установились очень дружескія отношенія въ теченіи восьми лѣтъ, и они другъ друга очень уважали и почитали. Въ понедѣльникъ, 19 марта, 1883 г., Ф. Л., войдя въ контору, сталъ жаловаться, что страдаетъ несваренiемъ желудка; онъ пошелъ къ аптекарю, который заявилъ ему, что у него печень не въ порядкѣ, и далъ ему лѣкарство. Въ четвергъ, казалось, ему не было лучше. Въ субботу онъ не явился, и Н. І. С. послѣ этого слышалъ, что его освидѣтельствовалъ докторъ и посовѣтовалъ отдохнуть день или два, не выразивъ при этомъ опасенія, что онъ серьезно боленъ.

24 марта, въ субботу вечеромъ Н. І. С., у котораго болѣла голова, сидѣлъ у себя дома. Онъ сказалъ своей женѣ, что ему слишкомъ жарко, что не случалось съ нимъ уже въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; послѣ этого замѣчанія, онъ прислонился къ кушеткѣ и въ слѣдующую минуту увидалъ своего друга Ф. Л., стоящимъ передъ нимъ и одѣтымъ по обыкновенному. Н. І. С. замѣтилъ подробности его костюма, шляпу съ черной лентой, недостегнутый сюртукъ и трость въ рукахъ; онъ тревожнымъ взглядомъ смотрѣлъ на Н. І. С. и потомъ исчезъ. Н. І. С. повторилъ про себя изъ Іова: *Се духъ прошелъ передо мною, и встали власы на главѣ моей.* Въ эту минуту ледяная дрожь прошла по немъ и волосы поднялись дыбомъ. Тогда онъ обратился къ женѣ и спросилъ ее: который часъ; она сказала: „безъ 13 минутъ 9 ч.“. Я спрашиваю, замѣтилъ онъ, потому что Ф. Л. умеръ. Я только что видѣлъ его. Она старалась увѣрить его, что это ему только такъ показалось, но онъ очень положительно увѣрялъ ее, что никакія разсужденія не заставятъ его измѣнить свое мнѣніе.

На слѣдующій день, въ воскресенье, около 3 ч. дня, братъ Ф. Л., А. Л., пришелъ къ Н. І. С., который самъ его впустилъ. „Полагаю, сказалъ А. Л., что вамъ уже извѣстно то, что я пришелъ вамъ сказать? Н. І. С. отвѣтилъ: „Да, вашъ братъ скончался“. А. Л. замѣтилъ: „Я такъ и полагалъ, что вы знаете“. „Отчего?“ спросилъ Н. І. С. „Оттого, что между вами была такая симпатія“. Н. І. С. послѣ этого удостовѣрился, что А. Л. былъ у брата въ субботу, и уходя отъ него, замѣтилъ, что часы на лѣстницѣ показывали безъ 25 минутъ

9 ч. Сестра Ф. Л., которая пошла къ нему въ 9 ч., нашла его умершимъ отъ разрыва аорты"[1].—Нижеслѣдующій разсказъ (приводимый съ сокращеніями), принадлежитъ нѣкоей г-жѣ Перисъ, урожд. Гриффитсъ (33, Хай-Стритъ, Лоестофтъ). „Наше семейство состояло изъ восьми человѣкъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ мы всѣ были дома, за исключеніемъ одного только Х. Мы ожидали Х. въ среду, 3 августа. Въ воскресенье, до его пріѣзда, мы были въ церкви. Сестра моя не была въ церкви. Мы встрѣтили сестрину подругу г-жу І. весьма образованную и умную русскую дѣвицу и настаивали на томъ, чтобы она раздѣлила нашъ ранній обѣдъ. Когда мы кончили первое блюдо, а второе уже было поставлено на столъ, г-жа І. спросила: „Гдѣ Маріанна"? (сестра моя). Я тотчасъ же вышла, и не найдя ея нигдѣ въ домѣ, пошла въ садъ. Тамъ я нашла ее; она поддерживала голову руками и пристально смотрѣла въ такъ называемую нами каменоломню, брошенный заводъ, уже нѣсколько лѣтъ затопленный. Съ того мѣста, гдѣ она сидѣла, вода была видна, черная и тихая. Она не замѣчала моего присутствія. Положивъ ей руки на плечи, я спросила: „Что съ тобой?" Она, очевидно, меня не видѣла и не слышала. Я потомъ стала возлѣ нея и никогда не забуду выраженія ея лица. Она казалась совершенно парализованною страхомъ и ужасомъ. Глаза ея были какъ будто прикованы къ водѣ; точно она слѣдила за страшной сценой и не могла помочь. Черезъ нѣсколько секундъ она издала крикъ сдержанной агоніи: „О, онъ погибъ!" Тутъ она замѣтила мое присутствіе и обратила на меня отчаянный умоляющій взоръ, въ которомъ, однако, замѣчалось нѣкоторое облегченіе. Вдругъ она сказала: „О, І., уйди и оставь меня". Я просила ее вернуться домой, а она, какъ будто не вытерпѣвъ болѣе сказала: „О, І., онъ погибъ! О, Боже, онъ пропалъ, мой бѣдный, дорогой Х.". Около 3 ч. послѣ обѣда мы получили вѣсть о смерти дорогого нашего Х., который потонулъ. Онъ былъ по дорогѣ въ церковь съ другими пѣвчими. Нѣкоторые изъ нихъ, увлеченные прекрасной погодой и заманчивою по-

[1] *Прижизненные призраки*, стр. 77..., № 28.

верхностью воды, предложили выкупаться въ послѣдній разъ. Х. согласился, первый пошелъ въ воду, а когда вода была ему до колѣнъ, онъ вскричалъ, что тонетъ. Его товарищами овладѣлъ паническій ужасъ, и впослѣдствіи они заявили, что не могли двинуться. Наконецъ, у одного хватило настолько присутствія духа, чтобы громко закричать; затѣмъ онъ пробѣжалъ короткое разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ церкви и крикнулъ: „Г., Х. тонетъ, идите скорѣй“. Г. бросился изъ церкви, на бѣгу раздѣлся, разбросавъ одежду по дорогѣ, прыгнулъ въ воду, и навѣрно спасъ-бы Х., если бы послѣдній не ухватился за него такъ крѣпко, что они оба пошли ко дну; это случилось какъ разъ въ 2 ч. безъ нѣсколькихъ минутъ, когда моя сестра воскликнула: „Онъ погибъ“! Сестра, казалось, постарѣла на нѣсколько лѣтъ, но была совершенно приготовлена къ извѣстію, потому что когда братъ разбудилъ ее, она спросила: „Пришли-ли они? Они еще не принесли его домой, не правда-ли“. Впослѣдствіи оказалось, что сестра моя описала происшествіе и мѣстность, гдѣ однако, никогда не бывала [1].

Вотъ случай на *В.* Миссъ Мартинъ изъ Лонгъ-Мельфордъ-Ректори, Сеффокъ разсказываетъ про себя слѣдующее: „16-го марта 1884 г. я одна сидѣла въ гостиной, читала интересную книгу и чувствовала себя отлично, какъ вдругъ овладѣло мною какое-то неизъяснимое чувство страха и ужаса; я посмотрѣла на часы: было ровно 7 ч. вечера. Я уже совсѣмъ не могла читать, встала и стала ходить по комнатѣ, стараясь стряхнуть съ себя ощущеніе, но не могла: мнѣ сдѣлалось холодно и у меня явилось твердое предчувствіе, что я должна умереть. Это ощущеніе продолжалось около получаса, а потомъ прошло, но я весь вечеръ была сильно потрясена; я легла спать чувствуя себя очень слабой, какъ послѣ тяжкой болѣзни. На другое утро я получила телеграмму о смерти близкой и очень дорогой мнѣ двоюродной сестры, г-жи К., въ Шропширѣ, съ которой всю мою жизнь была въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, но въ послѣдніе два года рѣдко ее видѣла. Я не поставила въ

[1] *Прижизненные призраки*, стр. 117.., № 59.

связь это предчувствіе смерти съ нею или съ кѣмъ-либо другимъ, но у меня было самое ясное впечатлѣніе, что должно было случиться что-то страшное. Какъ я потомъ узнала, это ощущеніе охватило меня какъ разъ въ то время, когда умерла моя двоюродная сестра (7 час.). Совпаденіе съ ея смертью, можетъ быть, было только случайное. Прежде я никогда не испытывала ничего подобнаго. Я не знала, что г-жа К. больна, и смерть ея была особенно грустна и неожиданна“ [1].

Приведу, наконецъ, нѣсколько примѣровъ *вѣщихъ телепатическихъ сновидѣній* [2]. Авторы получили слѣдующій разсказъ г-жи Флемингъ о происшествіи, съ нею случившемся. „Три года тому назадъ, когда я лечилась въ Эмсѣ, я, утромъ, послѣ ванны, лежала на диванѣ и читала. Легкая дремота овладѣла мною, и я ясно видѣла слѣдующее: мой мужъ, который въ то время былъ въ Англіи, явился мнѣ верхомъ въ аллеѣ, ведущей къ дому моего отца. Вдругъ лошадь заупрямилась, бросилась и стала брыкаться и наконецъ со всею силою сбросила сѣдока. Я быстро вскочила, думая, что спала, а за завтракомъ я разсказала сидѣвшей рядомъ со мной дамѣ то, что я видѣла, замѣтивъ при этомъ: „Надѣюсь, что дома все благополучно“. Моя сосѣдка, видя, что я безпокоюсь, засмѣялась и посовѣтовала мнѣ не быть суевѣрной; такъ я и забыла о случившемся, но чрезъ два дня получила письмо изъ дому, увѣдомляющее меня, что мужъ упалъ съ лошади и вывихнулъ плечо. Время и мѣстность этого случая соотвѣтствовали моему видѣнію“. Е. І. Гекторъ сообщаетъ слѣдующій вѣщій сонъ свой наканунѣ смерти отца своего. „Въ вечеръ, предшествующій смерти моего отца, я по обыкновенію легъ спать около 11 час., чувствуя себя здоровымъ, и поставилъ свѣчку и спички на стулъ у кровати. Я, какъ во всякое другое время, полчаса читалъ. Помню, что послѣднія мои раз-

---

[1] Ibidem, стр. 71..., № 22.

[2] Въ книгѣ собрано 149 случаевъ сонной телепатіи, при чемъ изъ этого числа 79, т. е. болѣе половины, относятся къ смерти. Въ общей суммѣ всѣхъ собранныхъ въ книгѣ телепатическихъ фактовъ (свыше 800) случаи этого рода занимаютъ такое же большое мѣсто, т. е. болѣе половины. См. объясненіе такой пропорціи въ книгѣ 102—103.

мышленія относились къ плохому устройству человѣческой жизни. Человѣкъ учится съ самаго дѣтства до зрѣлаго возраста, а когда онъ путемъ опытовъ и наблюденій узнаетъ, какъ пользоваться жизнью, онъ какъ разъ умираетъ; а его преемникъ начинаетъ съ той же самой исходной точки. Не помню, были-ли эти мысли въ связи съ воспоминаніемъ о моемъ отцѣ или нѣтъ. Ночью или утромъ я видѣлъ весьма ясный сонъ. Я видѣлъ отца лежащимъ въ постели въ той комнатѣ, которую онъ обыкновенно занималъ въ сберегательной кассѣ; на стулѣ, около кровати горѣла спермацетовая свѣча. Я сидѣлъ подлѣ него, видѣлъ, что онъ умираетъ, и былъ очень огорченъ; онъ лежалъ на спинѣ, но повернулся, взглянулъ на меня и, улыбаясь, сказалъ: „Что дѣлать, дорогой сынъ, чувствую, что умираю“ и, казалось, умиралъ. Затѣмъ послѣдовала совершенная темнота. Я вѣроятно проснулся, такъ какъ нашелъ спички, зажегъ свѣчу и радовался, что это былъ только сонъ. Онъ показался мнѣ самымъ яснымъ изо всѣхъ, какія я когда либо видѣлъ, но я всѣми силами гналъ его отъ себя и снова крѣпко проспалъ до самаго утра. Я посмотрѣлъ на часы и замѣтилъ, что было 4 ч. Сонъ больше меня не безпокоилъ, пока около 10 ч. утра, я не увидалъ въ виноградникѣ человѣка, подходящаго ко мнѣ съ роковой телеграммой отъ друга о смерти моего отца. Какъ только я увидалъ чужого человѣка, поспѣшно приближающагося ко мнѣ, я почувствовалъ, что мой сонъ окажется вѣрнымъ. Долженъ замѣтить, что никогда не вѣрилъ снамъ, даже послѣ этого случая, который считаю только необычайнымъ совпаденіемъ и слѣдствіемъ тѣхъ мыслей, которыми былъ занятъ еще во время бодрствованія и которыя продолжались или, лучше сказать, возобновились во время сна, такъ какъ нельзя полагать, что я видѣлъ тотъ же сонъ съ ½ 12 до 4 ч. Странно, что когда я увидалъ отца въ 6 ч., т. е. восемь часовъ послѣ того, какъ его нашли мертвымъ въ постели, на его лицѣ была та же самая улыбка, какую я видѣлъ въ той же комнатѣ, которая явилась мнѣ во снѣ; свѣтильня спермацетовой свѣчи около его кровати скривилась по направленію къ двери, точь въ точь такъ, какъ я видѣлъ это во снѣ. Служанка сказала мнѣ, что онъ по обыкновенію легъ

спать въ 11 ч. безъ 10 м., а такъ какъ онъ не всталъ утромъ, она постучалась, но не получивъ отвѣта, отворила дверь въ 8 ч. и нашла его мертвымъ. Я не имѣлъ никакой причины безпокоиться. Мой отецъ былъ совершенно здоровъ. Я въ первый разъ видѣлъ такой ясный сонъ, и не помню, видѣлъ ли я когда нибудь во снѣ умирающихъ или вообще исполняющихъ что нибудь необыкновенное. Я вовсе не сновидецъ. Съ тѣхъ поръ, однако, я еще разъ ясно видѣлъ во снѣ смерть моей матери, хотя не такъ ясно и дѣйствительно, какъ въ этотъ разъ; однако, ничего не случилось, и я помню, что я этотъ сонъ приписалъ соотвѣтствующему ходу мыслей, занимавшихъ меня передъ засыпаніемъ. Я не вѣрю въ предувѣдомляющія духовныя сообщенія [1].

Вотъ два вѣщихъ сна „г-жи Монтгоммери Муръ, живущей нынѣ въ Джипси Лоджъ Норвудъ", относящихся къ незначительнымъ мелочнымъ происшествіямъ. „Однажды, рано утромъ, я въ каретѣ отвезла своего мужа, тогда командовавшаго 4 гусарскимъ полкомъ, къ поѣзду на охоту. Я возвратилась домой довольно усталой, около 8 ч. утра; и послѣ завтрака, раньше чѣмъ одѣться, легла на постель и уснула. Я видѣла во снѣ, что мнѣ принесли маленькую синюю трехъугольную записку, слѣдующаго содержанія: дорогая г-жа М. М. Знаю, что полковникъ уѣхалъ, не будете-ли вы такъ добры посмотрѣть, не найдете-ли въ его комнатѣ правила игры „Kriegspiel?"—Кажется найдете ихъ на его столѣ. Преданный вамъ Джорджъ Филипсъ. Я проснулась и засмѣялась, такъ какъ никогда не слыхала, что существуютъ правила игры „Kriegspiel". Одѣвшись, я вышла въ гостиную, а тамъ на роялѣ, близко къ моимъ дверямъ, увидала синюю трехъугольную записку, содержащую тѣ самыя слова, написанныя тѣмъ же почеркомъ, какъ я видѣла ихъ во снѣ. Я упомянула объ этомъ въ своемъ отвѣтѣ маіору Филипсъ; въ комнатѣ моего мужа я на столѣ нашла книжечку съ правилами. Это, кажется, случилось въ

---

[1] *Прижизненные призраки*, стр. 170..., № 121. Разсказъ приведенъ безъ сокращеній.

мартѣ 1877 года“ [1]. „Подобный же случай произошелъ въ апрѣлѣ или маѣ того же года. Въ весьма жаркій день я около 4 ч. уснула въ креслахъ и увидѣла во снѣ, что получаю записку отъ дамы, приглашающей меня на игру Lown-tennis. Я не была съ ней въ близкихъ отношеніяхъ, и никогда у нея въ домѣ не бывала. Проснувшись, я замѣтила, что на столѣ, около меня, лежитъ записка, которую осторожно положила туда прислуга. Это было приглашеніе на „Lown-tennis“ отъ той самой и въ тѣхъ же выраженіяхъ, которыя я во снѣ читала“ [2].

Въ заключеніе своего труда авторы высказываютъ свой общій взглядъ на его значеніе и, между прочимъ, говорятъ: „По правдѣ, едва-ли можно обвинить насъ въ однообразіи нашихъ изслѣдованій. Мы не боимся, что они будутъ неинтересны... Мы собрали не мало фактовъ“ [3]... Все это совершенно справедливо. Можно указать только незначительные промахи, естественные въ большой работѣ, по систематизаціи фактовъ. Авторы, кажется, непозволительно расширяютъ сферу телепатіи и въ рамкахъ ея хотятъ помѣстить многія явленія другой группы явленій *ясновидѣнія*. Они отступаютъ отъ вѣрнаго принципа или критерія къ различенію явленій этихъ группъ, установленнаго ими самими въ книгѣ и формулированнаго такъ: явленія телепатіи, „при всемъ своемъ сходствѣ съ *ясновидѣніемъ*, отличаются отъ него тѣмъ, что въ нихъ воспріятіе субъекта всегда опредѣляется воздѣйствіемъ на него другого лица — агента (хотя бы и незамѣтнаго сразу), тогда какъ ясновидящій видитъ отдаленную дѣйствительность самъ по себѣ“ [4]. Но въ книгѣ приведено очень много фактовъ, совершенно исключающихъ такого рода воздѣйствія [5]. Впрочемъ,

---

[1] *Прижизненные призраки*, стр. 193, № 136.

[2] Ibidem, стр. 194, № 137.

[3] Стр. 469, 470.

[4] *Прижизненные призраки*, стр. 188.

[5] Сюда, конечно, относятся всѣ случаи явленій совершенно незнакомыхъ лицъ, какъ стр. 82... (№ 30), 115... (№ 53), 117... (№ 56) и др. Это случаи такъ наз. *дальновидѣнія* (Fernsehen). На стр. 112 (№ 50), 113 (№ 51), 111 (№ 49), 113... (№ 52) занесены факты *предчувствія* или *предвидѣнія* будущаго. На стр. 188... (№ 33) приведенъ случай также ясновидѣнія въ формѣ такъ

нельзя преувеличивать значеніе этого недостатка книги въ виду того, что вообще классификація такъ называемыхъ магическихъ явленій душевной жизни въ высшей степени произвольна и различенія между ними условны. Такъ, факты *ясновидѣнія* и факты *телепатіи* въ существѣ совершенно однородны. Они одинаково—проявленія нѣкоторыхъ, неизученныхъ еще, новыхъ и высшихъ познавательныхъ силъ и способностей души при нѣкоторыхъ благопріятныхъ къ тому условіяхъ, какъ сонъ, гипнотизмъ, истерія и др., и одинаково свидѣтельствуютъ о томъ, что наличность познавательныхъ силъ души далеко не исчерпывается обычными или извѣстными. Обыкновенно познаніе совершается путемъ *чувственнаго воспріятія*, дающаго матеріалъ для обработывающаго его по своимъ законамъ *разсудка;* оно связано условіями времени, пространства и личности (психическаго опыта субъекта). Ясновидѣніе есть особый способъ непосредственнаго знанія вещи безъ помощи внѣшнихъ чувствъ или свидѣтельства другихъ; въ немъ раздвигаются рамки нашего знанія, побѣждаются узы времени и пространства,—и субъектъ видитъ далекое, недоступное ему по времени (*прошедшее, будущее*) точно такъ же, какъ далекое и недоступное ему по пространству (невидимыя, неслыханныя страны и лица, тѣла или предметы, скрытые другими тѣлами, внутренности своего и чужого организма); субъектъ получаетъ возможность выходить за предѣлы своего наличнаго психическаго опыта въ познаніи (даръ рѣчи на чужихъ языкахъ и ихъ пониманія и т. п.). Такое знаніе, по выраженію *М. Перти*, есть „непосредственное символическое воззрѣніе вещи и относится оно не столько ко временно-пространственнымъ формамъ вещей, сколько къ ихъ сущности“ [1]. Всѣ загадочныя явленія въ психической области вытекаютъ именно изъ этой коренной способности человѣческой души непосредственнаго проникновенія въ вещи, въ самую глубь и сущность ихъ, сокрытыя отъ внѣшнихъ чувствъ и разсудка.

наз. *ретроспективнаго видѣнія* (видѣніе прошедшаго, неизвѣстнаго субъекту обычнымъ путемъ).

[1] M. Perty. Die mystischen Erscheinungen, p. p. 240, 241.

Авторы избѣгаютъ объясненій телепатическихъ фактовъ, не дѣлаютъ вытекающихъ изъ нихъ выводовъ, важныхъ для религіи и философіи; но и они не могли иногда умалчивать совершенно о религіозно-философскомъ значеніи телепатическихъ явленій,—настолько оно очевидно.

Прежде всего факты этого рода имѣютъ непосредственное отношеніе къ философіи: они служатъ несомнѣнно опорою спиритуализма и совершенно ниспровергаютъ психологическій матеріализмъ и полу-матеріализмъ (позитивизмъ). Причинная связь тѣла и духа или ихъ неразрывность становятся невозможнымъ предположеніемъ въ виду этихъ фактовъ, говорящихъ о возможности самостоятельной и независимой отъ тѣла, его органовъ внѣшнихъ чувствъ, психической дѣятельности, какъ познаніе: въ телепатіи мы видимъ актъ чисто-духовной сверхчувственной познавательной дѣятельности и, конечно, должны неизбѣжно допустить для него духовное-же начало, каковою является душа въ смыслѣ самостоятельнаго духовнаго существа. Всѣ факты телепатіи могутъ найти свое объясненіе единственно на почвѣ спиритуалистической психологіи и необходимо предполагаютъ ее. Точно также, кромѣ самостоятельности и духовности души, телепатическія явленія, именно посмертныя, вопреки мнѣнію авторовъ [1], несомнѣнно предполагаютъ, какъ единственно естественное свое объясненіе, неразрушимость или безсмертіе души. Къ сожалѣнію, по вышеуказаннымъ причинамъ, въ книгѣ исключены факты *посмертной телепатіи.*

Таково *положительное* значеніе телепатіи въ философіи. Но оно можетъ быть и отрицательнымъ въ виду естественныхъ злоупотребленій ею со стороны идеалистической философіи и современнаго *панпсихизма*, сводящаго *объективную* реальность къ *субъективному* источнику, т. е. къ функціямъ лишь нашего сознанія. Не говоритъ-ли, повидимому, въ пользу этой философіи аналогія въ области телепатіи, гдѣ такъ удивительно субъективное совпадаетъ съ объективнымъ, а въ

---

[1] См. стр. XXXIV.

концѣ концовъ мы имѣемъ дѣло съ фантомомъ фантазіи, проэкцирующей вовнѣ воздѣйствіе на нашу душу далекой таинственной дѣйствительности, невѣдомаго, X—а? Весь міръ матеріальный не есть-ли такая-же колоссальная проэкція отражающагося въ нашемъ сознаніи дѣйствія какого-то X—а, называемаго матеріею, или другого X—, называемаго духомъ?.. Не есть-ли міръ лишь фантомъ нашего сознанія, нашего сознающаго духа, а наше сознаніе со всѣмъ его содержаніемъ, лишь фантомъ Универсальнаго Духа, стройное отраженіе или проэкція сверхчувственныхъ воздѣйствій Верховнаго „Агента“ вселенной?..

Какъ-бы тамъ ни было, изученіе фактовъ телепатіи становится необходимымъ для философа въ виду самой важности всѣхъ этихъ и подобныхъ вопросовъ, а особенно въ виду уже появляющихся въ философіи попытокъ эксплуатаціи фактовъ телепатіи философіею панпсихизма[1].

Служа опорою спиритуализма, факты телепатіи тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ значеніе и для христіанской религіи; но они имѣютъ къ ней и болѣе близкое отношеніе, отчасти указываемое авторами (см. стр. XX—XXI).

Авторы обращаютъ вниманіе читателей на весьма важную сторону телепатическихъ фактовъ. Въ нихъ богословъ-апологетъ почерпаетъ положительныя психологическія основанія христіанскаго ученія или понятія о самой религіи, какъ живомъ сверхчувственномъ общеніи между Духомъ Божественнымъ и духомъ человѣческимъ. Телепатія говоритъ намъ, что духъ человѣческій способенъ отражать въ себѣ идущія отвнѣ воздѣйствія на него безъ всякихъ внѣшнихъ чувственныхъ средствъ, именно воздѣйствія на него другой души; слѣд. въ ней мы имѣемъ на лицо уже фактъ, вполнѣ аналогичный съ тѣмъ, который лежитъ въ основѣ религіознаго взаимообщенія между Богомъ и человѣкомъ. Въ виду такого нагляднаго доказательства возможности и дѣйствительности непосредственнаго общенія душъ не остается никакихъ причинъ отвергать

---

[1] См. Dr Phylosophie Hans Schmidkunz: Psychologie der Suggestion. Stuttgart 1892, p. 336 f.

возможность и дѣйствительность религіи въ смыслѣ дѣйствительнаго живого союза Бога и человѣка. „Всѣ предположенія“, говорится въ книгѣ, „высказываемыя наукой противъ возможности духовнаго общенія, въ настоящее время несостоятельны и, такъ какъ нельзя уже утверждать, что нашъ духъ лишенъ возможности отражать на себѣ какое-либо вліяніе, за исключеніемъ вліяній, идущихъ путемъ органовъ чувствъ, то матеріалистъ долженъ согласиться, что не пустою мечтою, а вполнѣ серьезною научною возможностію представляется то положеніе, что, если въ дѣйствительности существуютъ разумныя силы, отличныя отъ духа живого человѣка, то вліянія этихъ силъ могутъ быть обнаружены на нашемъ духѣ и могутъ оставаться либо на порогѣ сознанія, либо возростать до опредѣленнаго сознанія, согласно присутствію или отсутствію соотвѣтственныхъ стимуловъ или другихъ причинъ, хотя-бы и неизвѣстныхъ намъ[1]. Само собою очевидно, что кромѣ ученія о религіи, какъ живомъ взаимообщеніи между человѣкомъ и Богомъ, въ фактахъ телепатіи получаютъ фактическое оправданіе и научно-психологическое освѣщеніе другія однородныя истины христіанскаго вѣроученія, какія обнимаются въ общемъ положеніи о связи міра невидимаго съ міромъ видимымъ, о единствѣ церкви небесной и церкви земной,—таковы: ученіе о служеніи ангеловъ людямъ, объ ангелахъ-хранителяхъ, о вліяніи злыхъ духовъ на людей, о призываніи и почитаніи святыхъ, объ общеніи живыхъ съ умершими и др. Отнынѣ всѣ возраженія протестантскаго *раціонализма* противъ этихъ догматовъ православной церкви совершенно теряютъ всякій вѣсъ и устраняются безъ всякаго труда однимъ простымъ указаніемъ на факты телепатіи, т. е. непосредственнаго и внѣчувственнаго взаимообщенія духовъ, а православнымъ богословамъ въ курсахъ и системахъ такъ наз. Обличительнаго Богословія облегчается весьма сложная и неблагодарная работа—разрушать и распутывать тонкую паутину хитросплетеній протестантскаго богословія въ его борьбѣ противъ православнаго ученія по указаннымъ пунктамъ. Наглядный при-

[1] *Прижизненные призраки*, стр. XX f.

мѣръ этого упрощенія задачи богослововъ-полемистовъ, дѣлающаго самый трудъ болѣе плодотворнымъ, можетъ быть сейчасъ-же приведенъ здѣсь.

Противъ православнаго ученія о призываніи святыхъ протестантское богословіе выдвигаетъ, между прочимъ, такое возраженіе,—какъ бы то ни было—нуждающееся въ опроверженіи. Святые и ангелы, какъ существа все-таки ограниченныя и необладающія всевѣдѣніемъ и вездѣприсутствіемъ, не могутъ, говорятъ, слышать наши молитвы, знать нужды наши, а потому и молитвенное призываніе святыхъ становится невозможнымъ. Наше богословіе на защиту ученія выступаетъ съ цѣлымъ арсеналомъ блистательныхъ и тонкихъ теоретическихъ соображеній, въ концѣ концевъ доказывающихъ возможность знанія святыхъ о нашей молитвѣ къ нимъ и нашихъ нуждахъ. Но это легче, конечно, достигается однимъ простымъ указаніемъ на факты телепатіи, ихъ только изложеніемъ. Есть, говорятъ эти факты, въ душѣ человѣческой силы, побѣждающія время и пространство, есть возможность знать совершающееся на громадныхъ отъ насъ разстояніяхъ,—*слышать безъ ушей, видѣть безъ очей*... И эти силы наблюдаются у людей средняго или даже низкаго духовнаго уровня,—тѣмъ естественнѣе встрѣтить ихъ въ большихъ даже размѣрахъ у людей духа, каковы святые, а особенно у ангеловъ, существъ духовныхъ [1]... Въ этомъ отношеніи въ высшей степени интересны и поучительны *слуховыя* телепатическія галлюцинаціи, гдѣ агентъ мысленно или въ слухъ произноситъ слова, а перципіентъ *слышитъ* эти слова за сотни верстъ... Приведу одинъ-два примѣра по книгѣ англійскихъ ученыхъ. Г. Дж. Пайкъ передаетъ о себѣ слѣдующее: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я ѣхалъ ночью съ почтовымъ поѣздомъ изъ Карлайля въ Гайбери, въ отдѣленіи вагона кромѣ меня никого не было, и я растянулся во весь ростъ на сидѣньи съ намѣреніемъ выспаться,—предварительно попросивъ кондуктора разбудить меня на станціи Кэм-

---

[1] Ср. мнѣніе по вопросу у *арх. Херс. Иннокентія* въ *Сборникѣ профессоровъ Кіевской Д. А.* К. 1865, привод. въ кн. свящ. П. Свѣтлова: *Пророческіе или вѣщіе сны* (op. cit.), стр. 72—73, 109.

день-Таунъ. Скоро меня охватилъ глубокій сонъ; когда такъ крѣпко спится, пробужденіе бываетъ почти мучительнымъ. Меня внезапно разбудилъ кондукторъ (безцеремонно и нетерпѣливо—такъ какъ поѣздъ опоздалъ) и я, проснувшись, помнилъ, какъ мнѣ снилось, будто теперь утро (такъ было и на самомъ дѣлѣ), я у себя въ спальной, одѣваюсь, а въ тотъ моментъ, когда меня разбудили, я будто-бы, стоялъ на площадкѣ, звалъ служанку, окликнувъ ее два раза по имени „Сара“, и приказывалъ принести мнѣ горячей воды. Возвратясь домой, я узналъ, что служанка въ тотъ самый моментъ, когда мнѣ снилось, будто я зову ее, совершенно отчетливо слышала, какъ я *два раза* окликнулъ ее по имени, и она, позабывъ, что меня нѣтъ дома, заторопилась, бросила свое дѣло—она приготовляла завтракъ—и пошла ко мнѣ на верхъ, затѣмъ также скоро возвратилась „блѣдная какъ привидѣніе“, по описанію сдѣланному дѣтьми; послѣднія въ изумленіи смотрѣли на ея поступки и, такъ какъ сами не слышали зова, понятно, недоумѣвали, что бы все это значило. Сара, какъ она впослѣдствіи заявила мнѣ, такъ перепугалась, не найдя меня въ комнатѣ, что сдѣлалась совсѣмъ больна“ [1]. Привожу въ сокращеніи разсказъ д-ра Николаса, графа Гонемиса на Корфу: „Въ 1869 г. состоя врачемъ въ греческой арміи, я былъ прикомандированъ военнымъ министерствомъ къ гарнизону на островѣ Занте и отправился на новую должность. По дорогѣ къ острову, мили за двѣ отъ берега, я услышалъ внутренній голосъ, говорившій мнѣ безъ перерыва по-итальянски: „Повидайся съ Волтеррою“. Фраза повторялась такъ долго, что я былъ почти оглушенъ. Хотя я былъ въ эту минуту совершенно здоровъ, однако встревожился явленіемъ, которое принялъ за галлюцинацію слуха. У меня не было никакого повода думать о г. Вольтерра; онъ жилъ на Занте, и я не былъ даже съ нимъ знакомъ, хотя видѣлъ его однажды, за десять лѣтъ передъ тѣмъ. Я пробовалъ затыкать уши, разговаривалъ со своими спутниками, но ничто не помогало. Голосъ слышался по прежнему. Наконецъ мы причалили. Я отправился

[1] *Прижизненные призраки*, стр. 364..., № 271.

прямо въ гостинницу и занялся разборкою своихъ чемодановъ, но голосъ докучалъ мнѣ неотступно. Спустя немного времени явился слуга съ докладомъ, что у дверей стоитъ господинъ, который желаетъ немедленно переговорить со мною. „Кто такой"? спросилъ я. „Г. Вольтерра", былъ отвѣтъ. Г. Вольтерра вошелъ, заливаясь слезами, въ полномъ отчаяніи, и сталъ умолять меня идти съ нимъ посмотрѣть его сына, который сильно боленъ" [1].

Для кого не ясно, что этими и подобными фактами наша вѣра выводится здѣсь за свои границы и вступаетъ въ область научно-эмпирическаго знанія, не переставая, однако, быть вѣрою при обиліи таинственнаго и непостижимаго и въ этой области? Равнымъ образомъ едва-ли въ виду этихъ фактовъ настоитъ надобность въ долгомъ и настойчивомъ разъясненіи необходимости примѣненія ихъ къ рѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ въ богословіи, даже догматическомъ, въ интересахъ лучшаго раціональнаго освѣщенія и обоснованія цѣлой группы истинъ, обнимаемыхъ въ основномъ ученіи о связи двухъ міровъ—видимаго и невидимаго.

Таково *положительное* значеніе изученія телепатіи для богословія.

Но факты телепатіи, при злоупотребленіи, могутъ получить иное значеніе по отношенію къ христіанской религіи,—именно отрицательное. Безъ сомнѣнія, рано или поздно, невѣріе не замедлитъ искать въ нихъ себѣ опору въ борьбѣ съ Христіанствомъ, при томъ въ важнѣйшемъ пунктѣ, относящемся къ самому основанію Христіанства,—къ вѣрѣ въ чудесное трехдневное воскресеніе Христово. Факты телепатіи могутъ показаться весьма благопріятными въ настоящее время самой популярной въ „отрицательной критикѣ" и образованномъ обществѣ раціоналистической теоріи такъ наз. *объективныхъ видѣній* въ отличіе отъ *субъективныхъ видѣній* или галлюцинацій (*визіонерной* теоріи Ренана и др.). Эта новая теорія все болѣе и болѣе вытѣсняетъ другія и представляется опаснѣе всѣхъ другихъ сама по себѣ по своей большой, хотя и кажущейся,

[1] *Тамъ же*, стр. 372, № 285.

правдоподобности. Согласно этой теоріи явленія Воскресшаго Господа ученикамъ не были вполнѣ реальными явленіями, такъ какъ самое тѣлесное воскресеніе ею не допускается; они не были субъективными галлюцинаціями или простымъ обманомъ чувствъ подъ вліяніемъ возбужденной фантазіи учениковъ... Что же они такое? Вотъ здѣсь-то и сказывается, въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, тяготѣніе новой теоріи къ области телепатической, какъ ея естественной почвѣ и твердой опорѣ: ея изобрѣтатели ощупью, независимо отъ знакомства съ фактами телепатіи (и только *Кеймъ*—подъ вліяніемъ знавшаго ихъ *Фихте*), приходятъ къ отождествленію явленій І. Христа ученикамъ по воскресеніи (по смерти) съ телепатическими правдивыми галлюцинаціями или призраками [1], занимающими вообще среднее положеніе между объективною дѣйствительностію и *субъективными* созданіями сознанія, какъ галлюцинаціи. Здѣсь видѣнія учениковъ не что иное, какъ явленія Христа имъ изъ загробнаго міра, они плодъ сверхъестественнаго невидимаго воздѣйствія прославленнаго Христа на души Его учениковъ, „воплощавшагося въ зрительныя галлюцинаціи или видѣнія по закону эксцентрической проекціи всякихъ сильныхъ воздѣйствій на душу“. Такимъ образомъ въ основаніи ихъ лежитъ нѣчто объективное, именно благодатное воздѣйствіе духа Христова на души учениковъ, сообщеніе съ неба ученикамъ, необходимое для ихъ ободренія, о томъ, что Христосъ хотя умеръ тѣломъ, но живъ духомъ [2]; съ другой стороны съ этимъ соединяется нѣчто и субъективное, т. е. самая проекція воспріятія этого сверхчувственнаго небеснаго воздѣйствія на Христа. По своему происхожденію явленія Христа отчасти чудесны, поскольку эти явленія или *видѣнія* объявляются дѣломъ „самого Бога или прославленнаго Христа“; но они отчасти и естественны, поскольку адепты теоріи приводятъ въ ея пользу аналогичные случаи изъ исторіи [3].

---

[1] Очевидно, здѣсь разум. *посмертные призраки.*

[2] По выраженію К. Газе они «необходимая человѣчеству телеграмма съ неба» (ein der Menschheit nothwendiges Telegramm vom Himmel!!.).

[3] Главныя мысли теоріи *объективныхъ видѣній* отрывочно высказывались у *Вейссе*, *Зейделя* и *Шенкеля*, но полную обработку и законченный видъ

Надобно-ли говорить, что богослову-апологету придется считаться съ этою теоріею волею-неволею, рано или поздно; но какъ онъ можетъ справиться со своею задачею безъ необходимаго знакомства съ очевидною опорою этой теоріи въ фактахъ телепатіи?.. Правда, факты *посмертной телепатіи* не вошли еще въ область научнаго изслѣдованія и обработки и даже исключены изъ первой научной работы о телепатіи; но тѣмъ не менѣе они существуютъ [1]... Правда также и то, что апологетъ въ борьбѣ съ теоріею можетъ,—да и долженъ,—стать и на другую почву, на почву историческаго евангельскаго свидѣтельства о фактѣ, по которому необходимо будетъ признать тѣлесное воскресеніе Спасителя, а Его явленія вполнѣ реальными. Но правда и то, что еще лучше при этомъ сбить противника и съ той позиціи, которую онъ занялъ; а для этого вѣдь необходимо стать на его мѣсто и вытѣснить его.

Можетъ быть, кто нибудь укажетъ и другія точки соприкосновенія между религіозно-христіанскими вѣрованіями и таинственною областью телепатическихъ явленій; но я ограничиваюсь здѣсь сказаннымъ и нахожу, что оно достаточно иллюстрируетъ мою главную мысль.

2. *Вѣщія сновидѣнія.* Подъ именемъ *вѣщихъ* сновъ въ тѣсномъ смыслѣ разумѣются сны съ предвѣщаніемъ или предсказаніемъ будущаго, а въ широкомъ смыслѣ—всѣ необыкновенные правдивые или имѣющіе смыслъ и значеніе сны въ отличіе отъ обыкновенныхъ, какъ пустой игры воображенія, неуправляемаго разумомъ (songe и rêve на фр. яз.). Такъ, нерѣдко случается во снѣ находить разрѣшеніе научныхъ фило-

---

теорія получила въ соч. Th. Keim'a: Geschichte Jesu von Nazara in ihrer Verkettung mit dem Gesammtleben seines Volkes. Bde. 3, въ B. III. p.p. 586 f.f., особ. 601—606 (Zürich, 1872). Полное сочувствіе ей, хотя и не безъ оговорокъ, высказываетъ K. Hase: въ Geschichte Jesu. Nach akademischen Vorlesungen. Leipzig, 1891, p.p. 746—750. Краткое, но прекрасное изложеніе равно какъ и разборъ этой теоріи—въ G. Uhlhorn'a: Das Leben Jesu in seinen neueren Darstellungen. Aufl. 4-te. Stuttgart, 1892, p.p. 168 f.f.

[1] Только-что появилась въ печати книга, вѣроятно посвященная собранію телепатическихъ посмертныхъ галлюцинацій, свящ. Д. Булгаковскаго: *Изъ загробнаго міра. Явленія умершихъ.* (Отъ глубокой древности до нашихъ дней). Спб. 1894. Достаточно или нѣтъ удостовѣряются здѣсь факты посмертной телепатіи, не могу сказать, не имѣя книги подъ руками.

софскихъ и др. задачъ, неразрѣшенныхъ днемъ, вспоминать о событіяхъ и лицахъ, давно забытыхъ, получать свѣдѣнія о вещахъ затерянныхъ; еще поразительнѣе, хотя и рѣже, сны съ предсказаніемъ прямымъ или символическимъ (подъ покровомъ образовъ) будущаго, каковы: грозящая спящему или знакомымъ ему лицамъ опасность, болѣзнь, смерть, а также (очень рѣдко) безразличныя для ихъ блага событія, ни радостныя, ни печальныя, и особенно поразительны сны съ живымъ изображеніемъ отдаленнаго будущаго всей судьбы человѣка въ подробностяхъ[1]. Многіе изъ „вѣщихъ“ сновъ или правдивыхъ гипнагогическихъ галлюцинацій въ психологіи объясняются дѣйствіемъ во снѣ воображенія,—случайнымъ произведеніемъ механическаго движенія представленій по законамъ ассоціаціи, оживленіемъ во снѣ памяти, усиленіемъ внутренняго органическаго чувства, воспринимающаго всѣ совершающіеся въ организмѣ и незамѣчаемые на яву процессы, какъ начало болѣзни и т. п. Но многіе сны не укладываются въ рамки этихъ объясненій и предполагаютъ въ качествѣ своей основы существованіе въ нашей душѣ особенныхъ свойствъ и способностей, такъ называемыхъ магическихъ, какъ ясновидѣніе, прозорливость и т. п., непроявляющихся вполнѣ въ бодрственной жизни души. Не одни послѣдователи мистической философіи Шеллинга и не простые любители чудеснаго, но въ настоящее время и научная психологія, и многіе серьезные богословы допускаютъ существованіе въ душѣ нашей большаго запаса силъ, чѣмъ какой намъ извѣстенъ. Душевная жизнь, какъ для всякаго замѣтно, заключается въ двухъ, взаимно смѣняющихся или чередующихся состояніяхъ бодрствованія или полнаго сознанія и въ состояніяхъ безсознательныхъ и полусознательныхъ, какъ сонъ, экзстазъ, безуміе и т. п. Въ душѣ, короче сказать, двѣ стороны,—*свѣтлая*, освѣщенная сознаніемъ, какъ бодрственная нормальная ея жизнь, и *темная*, лежащая за порогомъ нашего сознанія, невѣдомая, таинственная, населяемая часто призраками испу-

[1] См. образецъ такого сна въ *Историческ. Вѣстн.* 1894 г., кн. I, сообщеніе В. Савицкой: «Сонъ Рылѣевой» (за точность его не ручаюсь, но типичность его выше сомнѣнія).

ганнаго воображенія и невѣжественной фантазіи, какъ жизнь души во снѣ, въ обморокѣ, особенно въ отдѣльности отъ тѣла—*за гробомъ*... Извѣстный богословъ *Фр. Деличъ* въ своей „Системѣ Библейской Психологіи“ проводитъ именно этотъ взглядъ и справедливо говоритъ, что „роковая ошибка большей части современныхъ психологовъ въ томъ, что они ограничиваютъ душу и ея жизнь предѣлами *сознанія*; но душа, какъ это теперь начинаютъ болѣе и болѣе признавать, заключаетъ въ себѣ гораздо бо̀льшее богатство силъ и обнимаетъ большій кругъ отношеній, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ она можетъ представиться въ бодрственной сознательной жизни“ [1].

Научная *физіологическая* (а въ сущности — матеріалистическая) психологія не хочетъ, конечно, видѣть въ вѣщихъ снахъ совершенно новые психологическіе факты, выходящіе за предѣлы подлежащаго ея вѣдѣнію круга явленій психической жизни. Она пускаетъ въ ходъ всѣ средства, завѣщанныя ей еще Аристотелемъ, къ доступному *ей* объясненію этихъ и другихъ загадочныхъ психическихъ фактовъ изъ законовъ и элементовъ *изучаемой ею* области психическихъ явленій, и старается во что бы-то ни стало и вѣщіе сны разрѣшить въ явленія этой категоріи. А образованная масса, пробавляющаяся предразсудками своей среды безъ всякаго критическаго къ нимъ отношенія, вслѣдъ за наукою и какъ-бы отъ имени ея поставляетъ въ особенную честь своего образованія повторять и провозглашать на разные лады общеизвѣстный популярный взглядъ на пророческіе или вѣщіе сны что вѣра въ нихъ есть остатокъ первобытнаго грубаго и унизительнаго суевѣрія и недостойна даже опроверженія и обсужденія (это уже прибавляется „сверхъ науки“) ..

Оцѣнка этого популярнаго взгляда на вѣщіе сны и выясненіе должнаго къ нему отношенія составляютъ безотлагательную и прямую задачу прежде всего христіанской апологетики въ виду его очевиднаго отношенія къ христіанской религіи

---

[1] Fr. Delitzsch: System der biblischen Psychologie. Aufl. p. 228.

Этому, столь ясно выраженному и смѣло выдвигаемому популярно-научному воззрѣнію на пророческіе сны противостоитъ, столь же ясно выраженное, древнее воззрѣніе на пророческіе сны въ Библіи. Вѣра въ пророческіе сны, несомнѣнно, какъ и во всѣхъ религіяхъ историческихъ, въ христіанской религіи является однимъ изъ составныхъ ея элементовъ, правда не имѣющимъ догматической важности, но за то важнымъ въ другомъ отношеніи. Во-первыхъ, Библія, которая есть слово самого Бога, признаетъ существованіе пророческихъ сновъ и заключаетъ въ себѣ двадцать семь сновъ этого рода; во-вторыхъ, она разсматриваетъ пророческіе сны, какъ одинъ изъ многочисленныхъ способовъ Божественнаго откровенія людямъ, общенія Божества съ людьми [1]). Этого достаточно, чтобы вопросъ о снахъ пророческихъ получилъ въ глазахъ всякаго, понимающаго дѣло, не только научную, но и религіозную важность—именно въ виду вышеуказаннаго популярно-научнаго воззрѣнія на пророческіе сны и приговора науки надъ вѣрою въ нихъ, въ силу котораго она объявляется суевѣріемъ. Какіе выводы отсюда слѣдуютъ, можно было бы и не говорить; но всякій довѣрчивый къ наукѣ, про себя, конечно, долженъ будетъ сдѣлать выводъ: значитъ, христіанская вѣра поддерживаетъ и распространяетъ суевѣріе. Возможность же и даже неизбѣжность такого вывода для богослова дѣлаютъ обязательнымъ рѣшеніе вопроса, есть-ли вѣра въ сны суевѣріе и права-ли въ своемъ воззрѣніи на нее наука. Рѣшеніе этого вопроса для апологетической богословской науки становится насущною задачею; указывая на противорѣчіе вѣры въ сны съ наукою и важность ея въ общей системѣ вѣрованій христіанскихъ, многіе, выражаясь вульгарнымъ языкомъ, бросаютъ перчатку христіанскимъ богословамъ-апологетамъ, какъ бы приглашая ихъ этимъ самымъ оправдать и такъ или иначе объяснить это библейское воззрѣніе на пророческіе сны. „Вѣра въ пророческіе сны“, говоритъ одинъ изъ такихъ писателей „не только не отвергается въ христіанской религіи, но эта религія

[1] Іоиль II, 28; Втор. XIII, 1—3; Сир. XXXIV, 6; Іова XXXIII, 14—18.

implicite предполагаетъ ее, какъ составную часть своего ученія. Если въ настоящемъ столѣтіи эта вѣра отчасти ослабѣла, то это не вслѣдствіе сомнѣній въ существованіи твердыхъ основаній для нея въ священномъ писаніи, а вслѣдствіе общаго упадка догматизма, который характеризуетъ наше время". Указавъ на нѣкоторые библейскіе пророческіе сны, авторъ продолжаетъ: „но изъ всѣхъ сновъ, передаваемыхъ священными писателями, первый по своей несравненной важности и очевидно божественному происхожденію есть тотъ, на которомъ преимущественно основана сама тайна Божественнаго Воплощенія. Попробуйте выбросить сонъ, въ которомъ Іосифъ получилъ извѣщеніе о сверхъестественномъ зачатіи св. Маріи отъ Духа Святого (Мѳ. I, 20),—и эта тайна будетъ исключительно зависѣть отъ исторіи о благовѣщеніи Архангела Дѣвѣ Маріи, по необходимости передаваемой самою Дѣвою Маріею (Лк. I, 35). Но въ такомъ щекотливомъ случаѣ, по очевиднымъ основаніямъ, не можетъ быть абсолютно достовѣрнаго показанія. Это еще не все. Именно во снѣ маги были предупреждены о козняхъ Ирода, и благодаря также сну была спасена жизнь новорожденнаго Христа въ общемъ избіеніи невинныхъ младенцевъ (Мѳ. II, 12—13). О христіанствѣ, такимъ образомъ, можно сказать, что оно обязано своимъ существованіемъ небеснымъ откровеніямъ, даваемымъ въ сновидѣніяхъ, и христіане не могутъ совмѣстно съ остальными своими вѣрованіями принимать какія-нибудь теоріи, ведущія къ отрицанію священнаго и пророческаго характера сновъ" [1]. Конечно, здѣсь преувеличено значеніе въ христіанской религіи вѣры въ пророческіе сны (такъ какъ истина Воплощенія, что должно быть извѣстно и автору англійскому, основывается не на одномъ приведенномъ имъ мѣстѣ); но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что въ виду такихъ заявленій, какъ это, вопросъ о пророческихъ снахъ дѣйствительно долженъ получить весьма большую важность въ апологетической богословской наукѣ [2].

---

[1] Viscount Amberley «Analysis of Religious Belief» vol. I—II. London, 1877. vol. I, p. 127 ff.

[2] За неимѣніемъ какихъ-либо другихъ работъ я вынужденъ отослать

Разсматриваемый классъ загадочныхъ психическихъ явленій представляетъ не только полемическій, но и *положительный* интересъ другою своею стороною, и при томъ не для одного христіанскаго богословія, но и для философіи (спиритуалистической).

Темная сторона душевной жизни вообще заключаетъ въ себѣ много данныхъ, подтверждающихъ библейско-спиритуалистическое воззрѣніе на душу какъ субстанцію духовную, самостоятельную и безсмертную, такъ какъ факты, относящіеся къ этой сторонѣ духовнаго существованія, могутъ объясняться удовлетворительно лишь на почвѣ библейско-спиритуалистической, но никакъ не матеріалистической психологіи. Въ западной богословско-философской литературѣ мы находимъ попытки эксплуатаціи этой темной стороны душевной жизни (Nachtseite) въ цѣляхъ религіозно-апологетическихъ, а капитальнѣйшій въ этомъ отношеніи опытъ принадлежитъ перу ученаго протестантскаго богослова *Франца Шплиттгербера*, воспользовавшагося явленіями *сна* и *смерти* для цѣлей религіозно-апологетическихъ. Шплиттгерберъ такъ опредѣляетъ задачу своего въ высшей степени интереснаго ученаго труда „Сонъ и смерть или таинственная область душевной жизни“:— „послужить двумъ основнымъ задачамъ всякаго психологическаго изслѣдованія, именно — насколько можно глубже заглянуть въ существо человѣческой души и лучше доказать ея вѣчное назначеніе. А для этого особенно пригодны сонъ и смерть, вмѣстѣ съ другими аналогичными имъ явленіями, такъ

читателей за подр. вопр. къ своей книгѣ *Пророческіе или вѣщіе сны. Апологетическое изслѣдованіе въ области Библейской психологіи*, представляющей опытъ разрѣшенія этой задачи, еще ждущій *компетентной* оцѣнки. Существованіе вѣщихъ сновъ и невозможность ихъ объясненія средствами одной *физіологической психологіи* безъ помощи высшихъ факторовъ *сверхъестественнаго* (воздѣйствій на душу спящаго со стороны высшаго и невидимаго міра) и *магическаго* (прирожденныхъ душѣ высшихъ силъ) имѣютъ за себя въ книгѣ основанія *психологическія* (гл. II: „Магическія способности души и ихъ возбужденіе во снѣ“), *фактическія* (гл. III: «Міръ необыкновенныхъ сновидѣній»), *библейскія* (гл. IV: «Библейское ученіе о пророческихъ снахъ»), *историческія* (гл. V: «Вѣра древнихъ въ сны») и *научныя* (гл. VI: «Вѣра въ сны передъ судомъ науки»).

какъ сущность души въ этихъ психическихъ состояніяхъ полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, открывается, потому что въ нихъ душа отдѣляется до извѣстной степени отъ тѣлеснаго организма и погружается въ свои собственныя внутреннія глубины, такъ что ее можно тогда наблюдать въ болѣе ей свойственномъ видѣ. Въ то время какъ въ бодрственномъ состояніи человѣка душа дѣйствуетъ лишь при посредствѣ тѣла, во снѣ она болѣе или менѣе освобождается отъ матеріальныхъ узъ плоти и тогда раскрываетъ передъ нами свои скрытыя силы, дремлющія въ бодрственномъ состояніи. Эти силы, однако, полнѣе выражаютъ истинную природу души, чѣмъ тѣ, которыя проявляются ею въ бодрственномъ состояніи, когда къ ея дѣятельности примѣшивается посредство чуждой дѣятельности организма тѣлеснаго; а потому ничто столь не пригодно къ опроверженію матеріалистической психологіи, какъ тщательное изученіе души во снѣ и другихъ аналогичныхъ состояніяхъ, когда чище и полнѣе проявляется ея природа“ [1]. Въ концѣ своего сочиненія авторъ выражаетъ надежду, что безпристрастный читатель закроетъ его книгу подъ впечатлѣніемъ, что „есть въ насъ что-то, кромѣ плоти и крови, что-то высшее, неземное, непреходящее, Божественное, — однимъ словомъ, что есть личный, безсмертный духъ“ [2]. Такимъ образомъ Шплиттгерберъ пользуется загадочными феноменами сна, какъ матеріаломъ для апологіи библейско-спиритуалистической психологіи, увеличивая запасъ аргументовъ въ пользу ея.

Третью, и при томъ — самую обширную и интересную, группу таинственныхъ психическихъ явленій образуетъ гипнотизмъ, приковывающій къ себѣ вниманіе теперь и ученаго, и неученаго міра,—и простыхъ любителей всего чудеснаго, падкихъ до новаго, и серьезныхъ ученыхъ богослововъ, философовъ, психологовъ, педагоговъ, юристовъ, медиковъ и физіологовъ.

---

[1] Splittgerber: Schlaf und der Tod oder die Nachtseite des Seelenlebens nach ihren häufigsten Erscheinungen im Diesseits und an der Schwelle des Senseits. Eine psychologisch-apologetische Erörterung. I—II. Aufl. 2. Halle, 1881. Th. I, p. 7 f.

[2] Ibidem, p. 304.

Однако, не смотря на такое исключительное вниманіе науки къ явленіямъ гипнотизма и обиліе трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію ихъ, гипнотизмъ еще не получилъ полнаго и законченнаго объясненія: явленія гипнотическія въ своей сущности и дѣйствительныхъ причинахъ остаются необъясненными, вполнѣ загадочными; обиліе же теорій или гипотезъ, представляемыхъ для ихъ объясненія, говоритъ лишь о трудности послѣдняго [1]. Ученыхъ раздѣляетъ на два противоположныхъ лагеря уже самый вопросъ о томъ, принадлежатъ-ли разсматриваемыя явленія къ категоріи нормальныхъ, или же патологическихъ [2]. Если природа явленія остается загадочною, то само собою этимъ подразумѣвается, что и истинная причина его указана быть не можетъ. И дѣйствительно, наука говоритъ лишь объ *условіяхъ*, при которыхъ наблюдаются гипнотическія явленія, т. е. о способахъ, которыми совершается искусственное усыпленіе субъекта, а не о причинахъ ихъ: пассы, фиксація, дѣйствіе однообразныхъ монотонныхъ звуковъ, словесное внушеніе (приказаніе) и т. п., погружающія субъекта въ искусственный сонъ,—все это нисколько не объясняетъ происхожденія самыхъ гипнотическихъ явленій и принятое въ смыслѣ причины послѣднихъ поражало-бы очевидною своею несоразмѣрностью съ дѣйствіемъ. Равнымъ образомъ, если-бы даже удалось наукѣ достигнуть полныхъ познаній въ области анатоміи и физіологіи мозга и открыть соотвѣтственные гипнотическимъ явленіямъ процессы и измѣненія въ нервной системѣ, вопросъ о причинахъ гипно-

---

[1] Перечень и оцѣнка цѣлаго ряда замѣчательнѣйшихъ изъ гипнотическихъ теорій дается въ книгѣ проф. А. Н. Гиляровa *Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы* (op. cit.) стр. 335—393; также у Forel'я Hypnotismus, seine psychophysiologische, medicinische, strafrechtliche Bedeutung und seine Handhabung. Aufl. 2-te Stuttgart 1891, p. p. 21—31. Существуютъ три главныхъ группы или типа теорій, объясняющихъ гипнотическія явленія: *физіологическая* (школа Шарко), *психологическая* и *флюидическая*.

[2] Физіологическая школа разсматриваетъ гипнотизмъ, слѣдуя Шарко, въ одномъ ряду съ явленіями различныхъ нервныхъ разстройствъ, считая его преходящею формою нервнаго разстройства, а психологическая, наоборотъ, доказываетъ нормальный характеръ гипнотизма.

тизма оставался-бы еще открытымъ: эти измѣненія сами въ свою очередь были-бы слѣдствіями, а не причиною гипнотизма, или ему сопутствующими явленіями, подобно тому— какъ окисленіе крови, анемія мозга и т. п., приводимыя недальновидными учеными въ качествѣ причинъ сна, въ дѣйствительности суть лишь его слѣдствія или сопутствующія ему обстоятельства.

Впрочемъ, въ настоящее время не установлена точно даже симптоматологія гипнотизма, и изученіе гипнотизма не закончено и съ этой стороны. Симптомы гипнотическаго состоянія не отличаются опредѣленностью или отчетливостью, постоянствомъ и всеобщностью, а потому точное опредѣленіе нормальнаго гипнотическаго типа съ точнымъ изображеніемъ послѣдовательной связи явленій гипнотизма и фазъ его пока еще отсутствуютъ въ наукѣ, по крайней мѣрѣ нѣтъ еще общепризнаннаго какого-либо дѣленія гипнотическаго состоянія на фазы или періоды, и даже отвергаются возможность и необходимость послѣдняго. Явленія гипнотическія классифицируются въ группы и самое гипнотическое состояніе дѣлится на періоды или фазы по степени глубины сна, воспріимчивости къ внушеніямъ, по характеру отношеній субъекта къ гипнотизеру и по способу Шарко (на три фазы: каталептическую, летаргическую и собственно сомнамбулическую). Заканчивая изложеніе всѣхъ дѣленій гипнотизма на фазы, проф. А. Гиляровъ совершенно согласно съ господствующимъ въ спеціальной средѣ мнѣніемъ высказывается о нихъ, что „произвольность, неопредѣленность и сбивчивость всѣхъ этихъ классификацій настолько очевидны, что критика была-бы излишней. Ко всѣмъ нимъ относится замѣчаніе, сдѣланное Бернгеймомъ о своей собственной: „Всѣ эти степени чисто искусственныя и не болѣе какъ точки опоры при описаніи. Но было-бы ошибочно думать, что всякій субъектъ непремѣнно подходитъ подъ одинъ изъ этихъ классовъ. Психическое состояніе, опредѣляющее у каждаго эти явленія, безконечно разнообразно: здѣсь все индивидуально“ [1]. „Отдѣльныя лич-

[1] Проф. *Гиляровъ* стр. 77 и д.

ности въ гипнотическомъ состояніи", говоритъ *Оберштейнеръ*, „индивидуально представляются очень разнообразными, такъ что опытъ съ неизвѣстнымъ до сихъ поръ еще медіумомъ почти всегда требуетъ новыхъ пріемовъ" [1]. Д-ръ *Байерлахеръ*, особенно обстоятельно занимающійся вопросомъ о ступеняхъ гипнотизма, приходитъ къ заключенію, что дѣленіе его на фазы невозможно, да въ немъ нѣтъ и надобности: „кому приходилось имѣть дѣло съ гипнозомъ, того, навѣрное, часто поражало разнообразіе его явленій и калейдоскопическая измѣнчивость ихъ соотвѣтственно индивидуальнымъ различіямъ гипнотизируемыхъ лицъ. Поэтому-то именно дѣленіе гипноза на различныя стадіи, какъ это дѣлаютъ Либо и Бернгеймъ, представляется неудобнымъ, и приходишь къ убѣжденію, что, строго говоря, слѣдовало-бы принять столько степеней, сколько подвергающихся гипнозу лицъ" [2]. Такимъ образомъ ни одною изъ существующихъ классификацій не обнимаются даже схематически всѣ наблюдаемыя въ опытѣ явленія гипнотизма. Классификація Шарко, не говорящая о дѣйствительной связи и послѣдовательности указываемыхъ ею фазъ, имѣетъ то значеніе, что обнимаетъ главнѣйшія *физіологическія* явленія гипноза. Шарко принимаетъ три стадіи гипнотизма: 1) *Каталептическое состояніе*. Глаза открыты, дыханіе замедленное, члены тѣла остаются въ томъ положеніи, какое придаютъ имъ, безъ наклонности къ измѣненію (такъ назыв. тоническое состояніе мускуловъ); въ этомъ состояніи хорошо удаются опыты со внушеніемъ. 2) *Летаргическое состояніе*. Глаза закрыты, дыханіе нѣсколько ускорено, раздраженіе мускула или его нервовъ вызываетъ контрактуры (сокращенія, судороги); отсутствіе воспріимчивости къ внушеніямъ. Открытіемъ глазъ это состояніе можно переводить въ первое и наоборотъ. 3) *Сомнамбулическое состояніе*. Глаза закрыты, мускулы не такъ разслаблены, члены остаются въ приданномъ

---

[1] Prof. H. Obersteiner. *Гипнотизмъ*. Пер. Л. Ковалевской подъ ред. проф. П. И. Ковалевскаго. Изд. 2-е. Харьковъ 1887, стр. 16.

[2] D-r Ed. Baierlacher, pract. Arzt in Nürnberg, Die Suggestions-Therapie und ihre Technik. Stuttgart 1889, p. 19 f.; см. 19—22.

имъ положеніи, раздраженіе кожи даже путемъ поглаживанія производитъ контрактуры подлежащихъ мускуловъ (при поглаживаніи поверхности всего тѣла можно получить одеревенѣлость всего тѣла in toto, такъ что человѣка можно положить головой и ногами на два стула въ горизонтальномъ положеніи и на средину тѣла, ничѣмъ не поддерживаемую, накладывать тяжести,—состояніе, устраняемое поглаживаніемъ кожи въ обратномъ направленіи); воспріимчивость къ внушеніямъ по однимъ—слабая, а по другимъ — наибольшая. Переходъ изъ второго въ третье состояніе производится давленіемъ на темя, или же легкимъ треніемъ его. Къ числу характерныхъ чертъ гипнотическаго состоянія слѣдуетъ отнести также наблюдаемую въ немъ *аналгезію* и *гиперстезію*. Первая особенность заключается въ отсутствіи болевой чувствительности въ тѣлѣ, позволяющемъ сколько угодно его колоть, рѣзать, жечь и т. п., — обстоятельство, дѣлающее гипнозъ болѣе удобнымъ для операцій, чѣмъ даже хлороформированіе. Напротивъ, въ области внѣшнихъ чувствъ иногда наблюдается ихъ усиленіе, обостреніе, напр. слуха, обонянія, такъ многія загипнотизированныя особы способны узнавать лицъ только по запаху принадлежащихъ имъ вещей и т. п. Въ общемъ наблюдается обычное сну ослабленіе дѣятельности внѣшнихъ чувствъ; воспріятіе, какъ и во снѣ, продолжается, хотя и слабое: гипнотизованные слышатъ, такъ какъ исполняютъ словесныя внушенія; видятъ, хотя-бы въ туманѣ, потому что фиксируютъ глаза на гипнотизерѣ и всюду слѣдятъ за нимъ (особенно въ состояніи такъ называемаго очарованія, fascination, когда субъекты неподвижными открытыми глазами всюду слѣдуютъ за гипнотизеромъ и подражаютъ ему во всѣхъ его дѣйствіяхъ и движеніяхъ); также удаляютъ попадающіяся имъ на пути преграды и проч. Характерную особенность гипнотическаго сна, отличающую его отъ сна нормальнаго, составляетъ наблюдаемая и въ послѣднемъ въ зародышѣ способность (здѣсь подъ вліяніемъ гипнотизера) говорить, отвѣчать на вопросы, ходить и совершать цѣлый рядъ дѣйствій. Въ этомъ случаѣ загипнотизированный дѣйствуетъ какъ автоматъ, не сознавая значенія имъ совершаемаго и вокругъ него совершающагося,

ни того, что дѣлаетъ, ни мѣста, ни времени, ни даже самого себя. Доказательствомъ этого служитъ уже и новая особенность гипнотизма, такъ наз. *амнезія*, т. е. полное забвеніе всего бывшаго въ гипнозѣ по пробужденіи. Въ общемъ же гипнозъ и сонъ имѣютъ много сходнаго и принадлежатъ къ одной категоріи явленій, такъ что гипнозъ тоже сонъ, хотя особенный, сильно видоизмѣненный, иногда даже и въ однородныхъ чертахъ [1].

Мнѣ остается въ цѣляхъ послѣдующаго остановить вниманіе нѣсколько времени еще на одной весьма важной особенности гипноза, отличающей его отъ сна обыкновеннаго: *на внушеніи*.

Внушеніемъ называется искусственное возбужденіе въ субъектѣ различныхъ состояній физіологическихъ и психологическихъ посредствомъ дѣйствій, предметовъ и слова; самое же слово „внушать“ (suggerer, suggeriren) означаетъ тоже, какъ если-бы мы вліятельно кому-либо приказывали что-либо сдѣлать [2]. Внушенія посредствомъ предметовъ и дѣйствій, вообще внѣшнихъ чувствъ (мускульнаго, зрѣнія, слуха и всѣхъ вмѣстѣ), называются *физіологическими*, а внушенія посредствомъ слова—*психологическими*. Приведемъ примѣры физіологическихъ внушеній. Изъ внушеній мускульнымъ чувствомъ или дѣйствіями обращаютъ на себя вниманіе такъ наз. *внушенія жестами, мимикою* (suggestions par gestes), когда вызывается въ медіумѣ то или иное настроеніе духа и соотвѣтственная ему мимика сообщеніемъ членамъ тѣла извѣстнаго положенія,

---

[1] Лучшая аналогія между гипнозомъ и сномъ, встрѣченная мною въ литературѣ, дается у Dr P. Regnard'a Sorcellerie, Magnetisme, Morphinisme, Délire des grandeurs. Paris 1887 (Sommeil et somnambulisme p. 201 ff).

[2] Въ силу особыхъ условій у насъ, въ русскомъ языкѣ, слово „внушеніе“ получило своеобразное значеніе и можетъ вызывать представленіе, ничего общаго съ гипнотизмомъ и даже наукою вообще неимѣющее. Поэтому слово „суггестія“, употребляемое многими, было-бы удобнѣе. Что касается опредѣленія *внушенія*, то, строго говоря, пока не выяснена сущность самаго гипнотизма, оно еще невозможно, и данное здѣсь опредѣленіе есть простое описаніе явленія, не дающее понятія о его сущности (См. критику опредѣленій въ кн. проф. А. Гиляров а стр. 108—110).

такъ медіуму складываютъ руки, какъ это дѣлается на молитвѣ, и тотчасъ у него является благоговѣйное выраженіе лица, глаза устремляются къ небу и т. д.; или: если поставить медіума на четвереньки, онъ начинаетъ бѣгать на четвереньках и т. п. Внушенія *зрѣніемъ* наблюдаются въ состояніи автоматическаго подражанія (или *очарованія*) медіума гипнотизеру, когда первый съ неподвижно устремленными на послѣдняго глазами повторяетъ всѣ движенія его въ „зеркальномъ порядкѣ“ (т. е. когда движеніямъ лѣвыхъ членовъ гипнотизера соотвѣтствуютъ движенія тѣхъ же членовъ правой стороны медіума, напр. если гипнотизеръ поднимаетъ правую руку, медіумъ поднимаетъ лѣвую и т. п.). Разительнымъ примѣромъ *слуховыхъ* внушеній является *эхолалія*, т. е. точное повтореніе произносимыхъ гипнотизеромъ словъ съ совершенствомъ фонографа, если онъ держитъ одну руку свою на лбу, а другую на шеѣ медіума. Сюда же относятся внушенія *музыкою*, которая вызываетъ соотвѣтственныя піесѣ чувства и мимику у загипнотизованныхъ (молитвенныя позы при церковномъ гимнѣ тотчасъ смѣняются пляскою при плясовой музыкѣ и т. п.). Внушенія *предметами* или заразъ нѣсколькими чувствами состоятъ въ томъ, что обращаютъ вниманіе субъекта какимъ либо образомъ на ту или иную вещь (давая ее, напр., въ руки) и вызываютъ цѣлый рядъ автоматическихъ дѣйствій, ассоціированныхъ съ ему извѣстнымъ употребленіемъ вещи: даютъ ему стаканъ—онъ начинаетъ пить, шляпу—надѣвать, метлу—мести и т. д. Еще интереснѣе, важнѣе и обширнѣе *внушенія психологическія*.—Словомъ гипнотизеръ совершаетъ въ организмѣ субъекта, въ его тѣлѣ и душѣ, чудеса: уничтожаетъ то, что есть, создаетъ то, чего нѣтъ; слово здѣсь получаетъ какъ-бы творческую силу. Словомъ можно внушить *галлюцинаціи* и *иллюзіи* въ области внутреннихъ чувствъ, внутренняго органическаго чувства и самосознанія, т. е., другими словами, создавать несуществующія чувства, ощущенія и видоизмѣнять *я* субъекта, его самосознаніе, личность (заставлять субъекта попроизволу считать себя чѣмъ угодно, человѣкомъ, животнымъ, крестьяниномъ, солдатомъ и т. п.). Словомъ внушается въ душѣ непреодолимыя влеченія или

стремленія и автоматически, по слову гипнотизера, приводятся въ исполненіе или дѣйствіе приказанія гипнотизера, каковы бы они ни были, во время сна, послѣ сна (это—*постгипнотическія* внушенія) и въ опредѣленный срокъ съ точностью машины, напр. черезъ столько-то часовъ, минутъ и секундъ, иногда черезъ весьма продолжительное время—чрезъ 172 дня, даже черезъ годъ (такъ наз. *внушенія на срокъ*, suggestions à échеance); другими словами, по произволу гипнотизеръ словомъ создаетъ въ субъектѣ новую волю и сообщаетъ ему новый характеръ. Тѣмъ же словомъ онъ можетъ парализовать существующія психическія дѣятельности, напр. дѣятельность внѣшнихъ чувствъ *отчасти* (въ иллюзіяхъ) и *совершенно* (въ такъ назыв. *отрицательныхъ галлюцинаціяхъ*), дѣятельность памяти частично, или всецѣло, т. е. заставить утратить *всю память*, или какую либо спеціальную, напр. память чиселъ, словъ, своего имени и т. п. Не менѣе обширны дѣйствія словеснаго внушенія и въ области тѣлеснаго организма, и власть гипнотизера надъ тѣломъ медіума столь же велика, какъ и надъ душею его: можно производить однимъ словомъ измѣненія въ *сосудодвигательной* и *секреторной* (выдѣлительной) системахъ, производить *стигматы*, *нарывы*, *параличи*, *контрактуры*, *анестезію* (ослабленіе и потерю чувствъ), *аналгезію*. Оставляя примѣры указанныхъ *психологическихъ* внушеній до послѣдующаго, гдѣ они будутъ приводимы по мѣрѣ надобности, вмѣстѣ съ другими гипнотическими, здѣсь не отмѣченными, фактами, обратимъ вниманіе на нѣкоторые типичнѣйшіе случаи ихъ, каковыми представляются внушенныя *иллюзіи и галлюцинаціи*. По самому существу дѣла иллюзія, какъ извращеніе дѣйствительнаго воспріятія сознаніемъ (когда принимаютъ предметъ не за то, что онъ есть, а за другое ошибочно), обнимаетъ въ гипнозѣ дѣятельность только внѣшнихъ чувствъ, галлюцинаціи же относятся ко внѣшнимъ чувствамъ, органическимъ чувствованіямъ и самосознанію (въ послѣднемъ случаѣ получаются галлюцинаціи личности). Происхожденіе какъ иллюзій, такъ и галлюцинацій одинаково. Гипнотизеръ авторитетнымъ тономъ заявляетъ субъекту, что онъ воспринимаетъ и переживаетъ то или другое впечатлѣніе и со-

стояніе—и немедленно является соотвѣтствующая иллюзія или галлюцинація. Гипнотизеръ можетъ заставить субъекта принимать любую вещь за что ему угодно и продѣлывать съ нимъ разныя штуки: загипнотизованные чешутся линейкой, курятъ съ большимъ удовольствіемъ карандашъ, дѣлая все, что полагается для этого и т. д.; извѣстно, что такимъ личностямъ иногда у шутниковъ чернила служили вмѣсто вина и выпивались съ удовольствіемъ, или же выпитый стаканъ свѣжей воды, названной рвотнымъ, быстро извергался рвотою. Хорошій примѣръ галлюцинаціи даетъ Рише. Онъ говорилъ своему загипнотизованному пріятелю: „пойдемъ со мной на воздушный шаръ,—мы поѣдемъ на луну... И такъ мы на лунѣ“... Тогда загипнотизованный говоритъ, смѣясь: „смотри, тамъ внизу большой свѣтящійся шаръ,—это земля“. Тутъ же онъ описалъ всѣхъ фантастическихъ животныхъ, которыхъ онъ видѣлъ пробѣгающими. Далѣе онъ обнаружилъ значительное безпокойство по поводу своего обратнаго возвращенія, пока Richet его не успокоилъ, говоря, что у нихъ есть веревка, съ помощью которой они спустятся на землю. Это его успокоило. Но когда началась эта воображаемая опасная экскурсія спусканья внизъ по веревкѣ, загипнотизированный просилъ, чтобы этотъ спускъ замедлили, такъ какъ у него отъ тренія веревки очень горятъ руки... Можно внушать кромѣ иллюзій и галлюцинацій также различныя дѣйствія, какъ въ состояніи гипноза, такъ и по пробужденіи въ состояніи бодрствованія, и эти дѣйствія выполняются обыкновенно съ большою точностью и, по общему взгляду, съ роковою необходимостью. Такимъ образомъ вліяніе гипнотизера на медіума продолжается на долгое время и послѣ гипноза. Точно исполняются всякія приказанія безразлично, даже самыя безсмысленныя, такъ напр. говорятъ спящему: „по пробужденіи вы пройдете по комнатѣ съ моимъ зонтикомъ“, или: „вы положите оба большихъ пальца въ ротъ“,—и все это точно исполняется. На вопросъ о причинѣ такихъ странныхъ поступковъ загипнотизированные обыкновенно придумываютъ въ свое оправданіе какіе-нибудь неосновательные отвѣты. Въ одномъ случаѣ мы, напримѣръ, узнаемъ,

что это обычное явленіе ходить съ зонтикомъ по комнатѣ, въ другомъ случаѣ желаніе положить пальцы въ ротъ мотивировано было появленіемъ внезапной зубной боли.—Пока этихъ примѣровъ достаточно.

Таковы главнѣйшіе и типичнѣйшіе, здѣсь неисчерпанные, конечно, факты гипнотизма, которые ученые и особенно неученые спѣшатъ примѣнить въ такомъ или иномъ смыслѣ къ предметамъ въ области религіи и философіи, между прочимъ. Въ виду незаконченности и неполноты въ изученіи фактовъ гипнотизма выводы изъ нихъ, разумѣется, могутъ имѣть характеръ лишь относительный; но съ этими фактами и съ дѣлаемыми изъ нихъ выводами все-таки приходится считаться богослову и философу, разъ эти выводы, неблагопріятные для религіи, дѣлаются. Впрочемъ гипнотизмъ, какъ это ранѣе было замѣчено о телепатіи и пророческихъ снахъ, имѣетъ не одно только отрицательное, но и положительное значеніе, по крайней мѣрѣ, для философіи (спиритуалистической): изъ фактовъ гипнотизма могутъ быть сдѣланы правильные выводы въ пользу различныхъ положеній философіи. Во всякомъ случаѣ, знакомство съ ними въ настоящее время обязательно для богослова и философа.

Начнемъ съ отношеній гипнотизма къ философіи.

1. Въ состояніи гипноза развиваются тѣ загадочныя психическія явленія, которыя въ отдѣльности мы разсматривали по поводу *телепатіи* и *вѣщихъ сновъ*, т. е. явленія *ясновидѣнія*, какъ: *чтеніе мыслей*, *двойное зрѣніе* (способность видѣть съ закрытыми глазами сквозь непроницаемыя тѣла и получать зрительныя ощущенія отъ предметовъ путемъ осязанія, т. е. видѣть ихъ носомъ, подбородкомъ и т. п. чрезъ ихъ прикладываніе къ этимъ членамъ,—явленіе, обыкновенно называемое *перенесеніемъ чувствъ*), далѣе — *прозрѣніе въ своемъ и чужомъ* организмѣ (точное воспріятіе самомалѣйшихъ состояній организма и его отправленій и отсюда способность къ самодіагнозу и самоврачеванію, а также безошибочное опредѣленіе чужихъ болѣзней), *умственное внушеніе* (напр. заочное гипнотизированіе субъекта на большихъ разстояніяхъ, и другого рода различныя воздѣйствія на него

однимъ усиліемъ мысли и воли безъ внѣшнихъ посредствъ), наконецъ—*предсказаніе будущаго*, чтобы не говорить еще о другихъ нѣкоторыхъ загадочныхъ явленіяхъ (къ категоріи ясновидѣнія слѣдуетъ отнести, напр., и такъ назыв. *глоссолалію*, даръ новыхъ языковъ и ихъ пониманія). Всѣ этого рода факты служатъ положительнымъ подспорьемъ спиритуализму и рѣшительно разрушаютъ матеріалистическую психологію; ихъ значеніе и цѣна обусловливаются особенно тѣмъ, что здѣсь представляются самыя наглядныя и всѣмъ доступныя и столь же убѣдительныя доказательства истинности спиритуализма и лжи матеріализма. Въ самомъ дѣлѣ достаточно только констатировать фактъ въ родѣ того, что загипнотизированный видитъ безъ глазъ, слышитъ безъ ушей и т. п., т. е. воспринимаетъ безъ посредства органовъ внѣшнихъ чувствъ, чтобы ниспровергнуть матеріализмъ съ его объясненіемъ психическаго изъ матеріальнаго, т. е. молекулярныхъ движеній въ нервахъ и мозгу, и заявленіемъ, что эти послѣднія причина ощущеній: есть, очевидно, въ насъ иной источникъ психическихъ явленій, иной агентъ, независимый отъ матеріальныхъ физіологическихъ процессовъ въ организмѣ,— то, что называемъ душою. Однако, чтобы воспользоваться этими фактами, спиритуалистическая психологія должна прежде твердо обосновать ихъ достовѣрность и доказать невозможность иного объясненія ихъ, т. е. *теологическаго* (католическаго, вѣрнѣе, объясненія дѣйствіемъ злыхъ духовъ) и *научнаго*, психо-физіологическаго, сводящаго чудесные факты гипнотическаго ясновидѣнія къ простымъ фактамъ нормальнаго теченія психической жизни (многое выводится изъ дѣйствій внушенія и самовнушенія, гиперстезіи, неточности наблюденій, случайнаго совпаденія и т. п.). Задачу эту, однако, выполнить не легко въ виду того, что изученіе этихъ фактовъ далеко не закончено и подвигается впередъ туго, вслѣдствіе укоренившихся противъ нихъ предразсудковъ въ ученой средѣ, такъ многіе изслѣдователи, какъ Бернгеймъ, Бони, Реньяръ, не охотно занимаются ими и уклоняются отъ ихъ объясненія: съ другой стороны, выросла на почвѣ такого отношенія къ „чудесному“ въ наукѣ довольно значительная по объему лите-

ратура съ *научнымъ* объясненіемъ фактовъ и отрицаніемъ *метафизическаго* ихъ объясненія. Съ нею необходимо посчитаться спиритуализму и въ случаѣ его успѣха въ этомъ, ему предстоитъ одержать полный тріумфъ надъ матеріализмомъ [1].

Такое же значеніе могутъ имѣть для спиритуализма и такъ называемыя *отрицательныя галлюцинаціи*, т. е. внушенная неспособность воспринимать тѣ или иные предметы и лица или даже части ихъ, т. е. видѣть ихъ, слышать и проч., —такъ, что они перестаютъ существовать для загипнотизованнаго (можно, напримѣръ, внушить частичное исчезновеніе присутствующей особы,—такъ что субъектъ будетъ ее видѣть и не будетъ слышать и наоборотъ) [2]. Матеріалистическая психологія выводитъ, обыкновенно, явленія сознанія изъ матеріи, для нея сознаніе есть *слѣдствіе*, а матерія—*причина*. Проф. *А. Козловъ* справедливо обращаетъ вниманіе на то, что „въ гипнотизмѣ бываетъ *наоборотъ*. Напримѣръ, въ случаѣ „отрицательныхъ галлюцинацій“ гипнотизеръ внушаетъ только *одну* (и при томъ совершенно ложную) *мысль*, что „нѣтъ предмета А“, который до сего мгновенія дѣлалъ впечатлѣніе на гипнотизуемаго, т. е. посредствомъ происходящихъ отъ него движеній эфира и матеріи производилъ перемѣны въ положеніи атомовъ и молекулъ его мозга, перемѣны,

---

[1] Обстоятельный перечень этой литературы съ указаніемъ главнѣйшаго въ ней, какъ сочиненія *Ш. Рише*, *Охоровича*, *Либо* и *Гернея-Майерса-Подмора*, можно найти въ книгѣ проф. *Гилярова* (гл. 32, стр. 268—308); можно при этомъ отмѣтить и другія сочиненія: Perty, Kerner, Werner, Schubert, свящ. П. Свѣтлова *Пророческіе или вѣщіе сны* (гл. 2); съ другой стороны—Прейера *Объясненіе чтенія мыслей*. Москва. 1890 г.; Macnisch Philosophy of Sleep; Maury Le sommeil et les rêves; Jessen Versuch einer vissenschaftlichen Begrundung der Psychologie. Berlin. 1855, p.p. 638, 703 ff.; Carpenter Principles of Mental Physiology. London, ed. 4-th 1876 ch. XV—XVI; James Principles of Psychology. London. 1890, vol. II, ch. XXVII; Skepto (op. cit.) p.p. 130, 131—134; Figuier Histoire du Merveilleux dans les temps modernes. Ed. 3-me Paris 1881, p.p. 408—410. — Здѣсь же читатели могутъ найти и образчикъ *научнаго* объясненія фактовъ, весьма похожаго на тонко-натянутую паутинную ткань, едва-ли способную выдержать даже самыхъ маленькихъ глупенькихъ мухъ.

[2] См. образцы отрицательныхъ галлюцинацій въ книгѣ Бони. *Гипнотизмъ*. Пер. г. Мокіевскаго, изд. 2-е. Спб. 1889, стр. 85—91.

соотвѣтствующія зрительнымъ, слуховымъ, мускульнымъ и проч. ощущеніямъ, а также и представленіямъ отъ предмета А. Послѣ же внушенія, которое есть *только мысль*, матеріальныя причины, повидимому, остаются, т. е. предметъ А матеріально-эфирными движеніями попрежнему *дѣйствуетъ* на мозгъ, но *эффекты*, *слѣдствія* исчезаютъ. Ощущеній уже нѣтъ, предметъ невидимъ, неслышимъ и т. п.; происходитъ нѣчто чудесное, матерія не дѣйствуетъ, вся ея причинность обращается въ ничто и обращается причинною силою, т. е. силою мысли, или силою психическою" [1]. Впрочемъ, спиритуализмъ вправѣ будетъ толковать въ свою пользу отрицательныя галлюцинаціи только тогда, когда докажетъ несостоятельность объясненій, даваемыхъ имъ наукою, напримѣръ, у *Рише*, *Бине* и *Фере* [2].

Вообще гипнотизмъ, взятый въ цѣломъ и въ существѣ своемъ, служитъ сильнымъ препятствіемъ стремленіямъ матеріализма сводить всѣ тайны жизни къ механическимъ, физическимъ и химическимъ законамъ: имъ рельефно выдвигается господственное положеніе психическаго начала въ организмѣ, особенно посредствомъ характернаго явленія гипноза—*внушенія*. Внушеніемъ наглядно заявляется о власти души надъ тѣломъ и о большей зависимости послѣдняго отъ первой, чѣмъ какая обычно принимается. Если дѣйствіемъ одной мысли производятся параличи, контрактуры, стигматы и др. разстройства въ организмѣ, а равно эти же самыя и другія разстройства мгновенно устраняются (излѣчиваются) тѣмъ же самымъ путемъ, если дѣйствіемъ мысли ослабляется, прекращается, видоизмѣняется дѣятельность организма, то не значитъ-ли это, что не въ тѣлѣ, а въ сознаніи или душѣ заключается самый источникъ жизни, оживляющее и творческое начало въ организмѣ, что душа не только не есть слѣдствіе, но наоборотъ—

---

[1] Проф. А. А. Козлова. *Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики*. Кіевъ 1887, стр. 35. (Брошюра эта въ 1—42 стр. посвящаетъ вопросу 28—42 стр., а прочее—ознакомленію съ самымъ гипнотизмомъ: она имѣетъ въ виду исключительно положительное значеніе гипнотизма для философіи).

[2] Объясн. прив. въ кн. *проф. А. Гилярова* стр. 150—153.

причина самаго тѣла? И мы видимъ, что, благодаря этому живому и наглядному напоминанію гипнотизма о правахъ души и ея преимуществахъ передъ матеріею, все болѣе и болѣе начинаетъ проникать теперь даже въ медицину спиритуалистическая идея о господственномъ значеніи души въ организмѣ и уже приносить свои плоды въ ней въ такъ называемой *психотерапіи*, разрабатываемой особенно въ Нансійской школѣ Либо и Бернгеймомъ: эта идея дала начало новому плодотворному методу въ медицинѣ, — *леченію больныхъ психическимъ вліяніемъ* или воздѣяніемъ на организмъ, и начинаетъ уже оказывать здѣсь свое благотворное дѣйствіе на пользу страждущаго человѣчества [1].

Даетъ собою гипнотизмъ и другое напоминаніе и полезное назиданіе обще-научнаго и философскаго характера, цѣнное особенно для упорныхъ приверженцевъ самодовольнаго и узко-ограниченнаго позитивизма. Позитивизмъ, кажется, навсегда хотѣлъ-бы успокоиться въ узкихъ границахъ, отведенныхъ имъ разуму, его познавательной дѣятельности, чтобы

---

[1] Гипнотизмъ, очевидно, подаетъ руку если не панпсихизму, то— научному психологическому монизму, родоначальникомъ котораго можно считать Аристотеля съ его ученіемъ о душѣ, какъ о формѣ тѣла (ученіе о трояко проявляющейся въ организмѣ душѣ перешло потомъ въ средне вѣковое схоластическое богословіе благодаря Ѳомѣ Аквинату и получило церковно-догматическую санкцію въ 1311 году). „Изученіе явленій (гипнотизма), замѣчаетъ г. *Гиляровъ*, служитъ мощнымъ подспорьемъ для доказательства основной психофизіологической истины монизма, что въ живомъ организмѣ невозможно обособлять душу отъ тѣла, такъ какъ то и другое лишь двоякое выраженіе одного и того же неизвѣстнаго, и что поэтому гдѣ въ живомъ существѣ душа, тамъ и тѣло, и гдѣ тѣло, тамъ и душа". (Op. cit. стр. 397, ср. 391—392). *Шмидкунцъ* указываетъ и самые факты гипнотическіе, особенно говорящіе въ пользу монизма, какъ случаи удачныхъ физіологическихъ внушеній, напримѣръ, стигматовъ (Schmidkunz Psychologie der uggestion p. 252). „Одна и та же душа, говоритъ онъ, является и представляющею нарывный пузырь, и производящею его какъ внушенный стигматъ. Это все одна и та же душа, которая надѣется на исцѣленіе отъ болѣзни и совершаетъ его; ей одной одинаково принадлежатъ какъ мысли, такъ мозговыя молекулы и всѣ происходящіе въ нихъ процессы" (p. 252). Сильнаго и талантливаго защитника этотъ взглядъ въ медицинѣ нашелъ въ лицѣ знаменитаго *Либо* (въ сочиненіяхъ его L'e sommeil et des ėtats analogues (citt) и La thėrap'eutique suggestive).

никогда и нигдѣ не выступать за нихъ. Но вотъ въ гипнотизмѣ онъ наталкивается даже въ собственной своей области, въ области явленій, подлежащихъ его вѣдѣнію, на факты и явленія иного порядка, напоминающіе громко объ иномъ мірѣ, иной области, и притомъ—такъ, что позетивная наука здѣсь не можетъ отдѣлаться отъ нихъ, обойти ихъ, не рискуя оставить безъ изслѣдованія явленія собственной своей области. Прекрасное напоминаніе—особенно въ настоящее время, когда уже начинаетъ сознаваться мыслью тяжелый гнетъ произвольно наложеннаго на нее въ позитивизмѣ ограниченія, столь несвойственнаго ея природѣ, ея вѣчному стремленію впередъ, въ ширь и въ глубь вещей, ея безпредѣльной любознательности! Прекрасный урокъ и напоминаніе вообще узкому ученому самодовольству, ограниченности и нетерпимости, всегда необходимые! И не мы одни обращаемъ вниманіе на эту сторону дѣла, но и другіе, такъ на эти же самыя мысли гипнотизмъ наводитъ почтеннѣйшаго проф. *А. А. Козлова* [1] и проф. *А. Н. Гилярова*, при чемъ послѣдній извлекаетъ ихъ изъ самой исторіи гипнотизма, имѣющей „крупное значеніе для общей научной методологіи“ (не отвергать ничего и ничего не осмѣивать безъ изслѣдованія, чтобы потомъ самому не подвергнуться осмѣянію,—non ridere, sed intelligere—таковъ урокъ, извлекаемый изъ исторіи гипнотизма!) [2]. Этимъ путемъ гипнотизмъ оказываетъ весьма важную и несомнѣнную услугу разуму въ его научно-философской дѣятельности. Можно и должно засимъ разсмотрѣть столь же несомнѣнную услугу его психологіи, болѣе или менѣе всѣми также признаваемую, безъ различія партій и направленій.

Гипнотизмъ или, точнѣе, *внушеніе* полагаетъ, думаютъ, начало новой истинно-экспериментальной психологіи, такъ какъ онъ, по выраженію *Бони*, „является настоящимъ методомъ экспериментальной психологогіи“, и этотъ методъ, по его мнѣнію, „будетъ имѣть то же значеніе для философа, какое вивисекція имѣетъ для физіологіи“ [3]. Внушеніе позволяетъ

[1] Проф. *А. А. Козлова* стр. 34.
[2] Проф. *А. Н. Гилярова* стр. 393—395.
[3] *Бони*, стр. 53.

производить психологическіе эксперименты, т. е. произвольно воспроизводить и изолировать для изученія нѣкоторыя явленія,—вещь, невозможная для одного *наблюденія*, или самонаблюденія. Бони думаетъ, что „при помощи гипнотическихъ пріемовъ можно производить настоящую *вивисекцію души*...; наблюдать отправленія душевнаго механизма и даже *заставлять* этотъ механизмъ дѣйствовать передъ своими глазами—подобно тому, какъ физіологъ наблюдаетъ и заставляетъ дѣйствовать передъ своими глазами тѣлесный механизмъ“ [1]. Въ наглядное поясненіе такого значенія гипнотизма въ психологіи Бони приводитъ слѣдующій примѣръ, показывающій, какое подспорье оно можетъ представлять для изученія чувствованій, страстей, характера: „Я присутствовалъ при одномъ изъ самыхъ интересныхъ опытовъ подобнаго рода, произведенномъ моимъ товарищемъ, д-ромъ Бернгеймомъ, надъ молодою сомнамбулой, служащей при госпиталѣ. За одинъ часъ мы заставили ее пройти чрезъ всевозможныя душевныя состоянія; гордость, гнѣвъ, чувствительность, благожелательность, живость ума, любовь, зависть и т. п.; мы заставили ее пройти всю гамму чувства и ума; мы дѣлали ее послѣдовательно веселою, серьезною, легкомысленною, трудолюбивою, болтливою, остроумною, набожною, и т. п., и при каждомъ новомъ внушеніи возникала новая картина высокаго психологическаго интереса. Однимъ словомъ, можно играть на человѣческой душѣ, какъ играютъ на какомъ-нибудь инструментѣ, и какъ-бы ни показалось страннымъ это сравненіе, его вѣрность признаютъ всѣ, которые увидятъ подобные опыты“ [2]. Важное значеніе гипнотизма для психологіи признается всѣми въ большей или меньшей мѣрѣ, даже врагами гипнотизма и учеными, далекими отъ того преувеличенія, которое слышится въ словахъ Бони. „Главное значеніе внушенія“, говоритъ, напр., *Форель*, это—*психологическое* и *психо-физіологическое*. Оно даетъ въ руки психологу естественно-научный психологическій методъ, котораго ему до сихъ поръ не доставало“ и который позво-

[1] *Бони*, стр. 52.
[2] *Бони*, стр. 72.

ляетъ ему произвольно видоизмѣнять для изученія „всѣ свойства души до ихъ тончайшихъ оттѣнковъ логики, этики, эстетики“ [1]. Проф. *А. А. Козловъ* точно также признаетъ новый экспериментальный методъ психологическаго изслѣдованія „самымъ важнымъ вкладомъ гипнотизма въ психологію“. Этотъ методъ „можетъ дать самые точные эксперименты для изслѣдованія вопроса о вліяніи движенія на идеи; или дать возможность для наблюденія патологическихъ явленій въ *усиленномъ* и *ослабленномъ* видѣ, напр., разстройства слова“, памяти. „При посредствѣ гипнотизма можно изучать самыя мелкія модификаціи различныхъ психическихъ явленій“, напр., характера (см. опыты Бони)... „Посредствомъ гипнотизма можно дать самымъ бѣглымъ явленіямъ силу и точность для надлежащаго ихъ наблюденія, но можно также произвольно парализовать тѣ или другія функціи и наблюдать результаты этой парализаціи по *методу различій*“ [2]... Выдающійся психологъ нашего времени *Вилы. Вундтъ* выступилъ по вопросу о научно-методологическомъ значеніи гипнотическаго внушенія для психологіи даже съ отдѣльною брошюрою, гдѣ не отвергается совсѣмъ таковое значеніе за внушеніемъ, но указываются важныя ограниченія его въ виду повальнаго увлеченія и въ научной средѣ гипнотизмомъ и основанною на немъ психологіею („Suggestions-psychologie“). 1) Гипнотизмъ далеко не обнимаетъ всего содержанія душевной жизни, охватывая собою лишь незначительную часть ея, при томъ не въ ея обычномъ, нормальномъ, а лишь патологическомъ теченіи, 2) нельзя распространять выводы изъ изученія явленій гипнотизма на всю область душевныхъ явленій и примѣнять ихъ къ объясненію обычнаго теченія душевной жизни; это значило-бы выводить извѣстное изъ неизвѣстнаго, тогда какъ надобно, наоборотъ, неизвѣстное выводить изъ болѣе извѣстнаго; 3) экспериментъ, т. е. произвольное видоизмѣненіе объекта изученія, въ гипнотизмѣ очень ограниченъ по своему

---

[1] Forel. Der Hypnotismus, p. 91.

[2] Проф. *А. А. Козловъ*, стр. 32—33; ср. проф. *А. Н. Гиляровъ* стр. 397 ид.; проф. *Н. Н. Ланге*, Психологическія изслѣдованія (введеніе).

объему и возможенъ къ весьма незначительной степени [1]; 4) гипнотическому эксперименту не достаетъ главнѣйшаго свойства настоящаго психологическаго эксперимента—*самонаблюденія*. Вундтъ приходитъ къ выводу, что гипнотизмъ (внушеніе) можетъ быть хорошимъ вспомогательнымъ средствомъ психологіи только при ея истинномъ методѣ,—самонаблюденіи. Таковы, въ общемъ, ограниченія Вундта. Но кажется, что онъ болѣе склоняется къ отрицанію большого значенія за внушеніемъ въ психологіи въ своей горячей полемикѣ съ приверженцами суггестіонизма и видимо старается умалить его, когда, напр., несправедливо ссылается на незначительность добытыхъ новою суггестивною психологіею результатовъ [2].

Если „метафизическая“ психологія извлекаетъ изъ фактовъ гипнотизма данныя въ свою пользу и противъ „экспериментальной психологіи“, то не надо упускать изъ виду, что и послѣдняя здѣсь же почерпаетъ смѣлость для борьбы съ первою и обрѣтаетъ факты, разрушительные для ея ученія *о личности* и *свободѣ воли*.

Для метафизической психологіи основа или корень личности заключается въ самостоятельной, простой, въ себѣ замкнутой сущности, въ душѣ; для экспериментальной—источникъ *я* или личности заключенъ въ организмѣ человѣка. „Реальная личность“, скажемъ словами *Рибо*,—„это организмъ и его высшій представитель мозгъ, заключающій въ себѣ остатки всего, чѣмъ мы были, и задатки всего, чѣмъ мы будемъ. Въ немъ начертанъ весь характеръ индивидуальный со всѣми своими дѣятельными и пассивными способностями, своими симпатіями и антипатіями, своимъ геніемъ, талантомъ и глупостью, добродѣтелями и пороками, неподвижностью и дѣятельностію“ [3].

Самосознаніе или личность есть по этому явленіе не простое и непроизводное, но сложное и производное. *Я* это комплексъ или координація разныхъ состояній организма, его физіоло-

[1] Вундта *Гипнотизмъ и внушеніе*, см. особ. стр. 65—66.

[2] *Вундтъ*, стр. 67 и 10.

[3] Т. Рибо. *Болѣзни личности*. СПБ. 1886, стр. 243, стр. 215.

гическихъ и психическихъ элементовъ, связанныхъ въ цѣльное единство (относительное) по законамъ ассоціаціи памятью, а потому *я* наравнѣ съ организмомъ подлежитъ измѣненіямъ, превращеніямъ, распаденію или разрушенію и даже полному исчезновенію [1]. Въ патологическихъ или болѣзненныхъ состояніяхъ организма подвергается болѣзни и *я* человѣка: и оно терпитъ превращенія, большее или меньшее распаденіе до полнаго разрушенія. Случаи этого рода болѣзней личности въ психопатологическихъ состояніяхъ весьма многочисленны и даютъ возможность для изученія истинной природы и происхожденія личности. Если мы наблюдаемъ здѣсь *я* въ состояніяхъ разложенія и распаденія, то вмѣстѣ съ тѣмъ вѣдь мы изучаемъ, какимъ образомъ и изъ чего оно составляется. Разстройство въ области самосознанія неизбѣжно сопровождаетъ психическія болѣзни, поражающія прежде всего общее самочувствіе субъекта и видоизмѣняющія его характеръ (здѣсь, какъ извѣстно, напр., здоровые физически считаютъ себя больными, нищіе—дѣлаются крезами, маленькіе люди—великими,—наполеонами, папами и т. п.; люди—животными,—волками, ослами и пр.). Гипнотизмъ даетъ для физіологическаго изъясненія личности подобные же факты превращенія личности и такимъ образомъ увеличиваетъ запасъ аргументовъ его, хотя и не даетъ ничего новаго. Разительное доказательство физіологической теоріи, повидимому, представляютъ весьма часто наблюдаемые случаи потери личности совмѣстно съ амнезіею, потерею памяти (такъ-какъ въ этой теоріи „сознаніе своей личности есть явленіе памяти“) [2]. Особенно интересны случаи раздвоенія личности, какъ сообщаемый д-мъ Азамомъ о знаменитой Фелидѣ X, жизнь которой проходитъ въ смѣнѣ періодовъ нормальнаго бодрствованія и сомнамбулизма. Этимъ двумъ состояніямъ соотвѣтствуютъ и два состоянія въ самосознаніи Фелиды: въ первомъ она мрачная и со-

[1] Ср. *Рибо* стр 84, 102.

[2] Ш. Р и ш е. *Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта.* Пер. съ французскаго. СПБ. 1885, стр. 118. Примѣры стихъ .случаевъ см. на стр. 118—126; ср. у *Т. Рибо*, стр. 119, 120 ff. Литература и примѣры измѣненій личности обильно прив. въ книгѣ проф. *А. Н. Гилярова* (гл. 25), стр. 200—213.

средоточенная, во второмъ — веселая и живая особа. При этомъ каждый разъ переходъ изъ одного состоянія въ другое сопровождается полнымъ забвеніемъ предшествующаго состоянія: сохраняется память лишь о томъ, что совершилось въ переживаемомъ состояніи раньше, такъ во второмъ состояніи ей подарили собаку, а возвратившись въ первое—она прогоняетъ ее, какъ чужую; умираетъ ея родственникъ и она надѣваетъ трауръ; но вотъ приходитъ очередь другому состоянію и она удивляется своему трауру и т. п. Словомъ, у нея какъ-бы двѣ личности и двѣ жизни а на дѣлѣ по Азаму— двѣ памяти. Совершенно то же происходитъ и въ гипнотическомъ состояніи съ его внушенными *галлюцинаціями личности* и съ полнымъ забвеніемъ субъекта по пробужденіи о всемъ, бывшемъ съ нимъ въ гипнозѣ. Гипнотизеръ дѣлаетъ изъ субъекта, что вздумаетъ,—судью, генерала, дѣвочку, мальчика, собаку, лошадь и т. п.; онъ можетъ заставить субъекта пережить и пройти всѣ ступени общественнаго положенія и всевозможныя роли съ живостью и серьезностію подлинной дѣйствительности. Это странное явленіе, повидимому, даетъ матеріализму оружіе въ его борьбѣ съ спиритуализмомъ: оно подрываетъ цѣнность и значеніе выдвигаемаго здѣсь на первый планъ, въ качествѣ опоры ученія, внутренняго сознанія или свидѣтельства собственнаго сознанія въ пользу абсолютнаго единства личности, ея тождества. Опираясь на вышеуказанные факты, матеріализмъ не можетъ ли утверждать, что наше сознаніе плохой свидѣтель въ этихъ вещахъ, что личность есть лишь постоянная иллюзія? Если оно такъ правдоподобно обманываетъ загипнотизированнаго, то почему довѣрять показаніямъ его въ нормальномъ состояніи?? Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно, что, — основательно или неосновательно,— матеріализмъ уже пользуетси этими фактами какъ опорою физіологической теоріи личности, а главное — какъ оружіемъ противъ основного принципа метафизической и даже здравонаучной психологіи, *самонаблюденія* или самосознанія. Главная печальная сторона дѣла въ томъ, что здѣсь ударъ направляется противъ самаго основанія метафизической психологіи, ея метода и источника, противъ достовѣрности свидѣ-

тельства самосознанія. Что осталось бы отъ спиритуализма, если-бы матеріализму удалось укрѣпиться и устроиться въ новой, удобной, боевой позиціи, предоставляемой ему гипнотизмомъ.

Такими же точно послѣдствіями угрожаютъ этому коренному принципу спиритуализма и вмѣстѣ съ тѣмъ другому его ученію,—*о свободѣ* и отвѣтственности, факты непреодолимыхъ внушеній, особенно *постгипнотическихъ*. Человѣкъ совершенно нормальный, въ бодрственномъ состояніи, считающій себя свободнымъ, какъ и всѣ, въ извѣстный назначенный ему день, часъ и даже минуту, приводитъ въ исполненіе совнѣ навязанныя ему идеи и совершаетъ дѣйствія нелѣпыя, ему противныя, и даже преступленія съ полнымъ сознаніемъ свободы,—точно такъ, какъ совершаются обычно имъ и всѣ другія дѣйствія, и не подозрѣвая, что дѣйствуетъ автоматически, какъ машина, и стремится къ цѣли *съ роковою необходимостью брошеннаго камня* подъ давленіемъ внушенной идеи. О чемъ свидѣтельствуетъ все это, какъ не о томъ, что показанія внутренняго сознанія ложны вообще и въ данномъ случаѣ въ частности? „Нельзя скрыть, говоритъ Бине въ виду этихъ фактовъ, что факты эти влекутъ послѣдствія, неблагопріятныя для ученія о свободѣ воли. Издавна психологи школы спиритуалистической въ качествѣ доказательства свободы воли ссылаются на обычное всѣмъ намъ чувство свободы въ моментъ совершенія произвольнаго дѣйствія. Исторія внушенныхъ дѣйствій показываетъ, чего стоитъ это субъективное чувство, которое возвысили на степень объективнаго доказательства, между тѣмъ какъ оно, можетъ быть, только иллюзія. Философы будутъ спрашивать, насколько слѣдуетъ довѣрять тому, что Лейбницъ называетъ „живымъ внутреннимъ чувствомъ свободы“, такъ какъ это чувство въ данномъ случаѣ можетъ насъ обманывать. Но здѣсь умѣстно вспомнить глубокое изреченіе Спинозы: „сознаніе нашей свободы есть только незнаніе причинъ, которыя заставляютъ насъ дѣйствовать“. Нужно согласиться, что это изреченіе вполнѣ примѣнимо къ дѣйствіямъ, совершаемымъ въ гипнотическомъ внушеніи; субъектъ считаетъ себя свободнымъ, пототу что онъ потерялъ память

о внушеніи, его направляющемъ... Намъ кажется, что гипнотическіе опыты доказываютъ, по крайней мѣрѣ, одинъ важный фактъ, а именно, что свидѣтельство внутренняго чувства нельзя назвать непогрѣшимымъ“ [1]. Бони выражаетъ ту же мысль еще рѣшительнѣе. Напомнивъ слова Либо, что въ гипнотическомъ внушеніи загипнотизованные дѣйствуютъ *съ фатальностью брошеннаго камня*, Бони продолжаетъ: „Я могу сказать загипнотизованому во время его сна: черезъ десять дней, въ такомъ-то часу, вы сдѣлаете то-то; я могу написать это на бумагѣ, отмѣтить число и запечатать ее. Въ назначенный день и часъ дѣйствіе будетъ выполнено: субъектъ поступаетъ точка въ точку такъ, какъ ему было внушено; дѣйствуя, *онъ будетъ убѣжденъ, что онъ свободенъ, что онъ поступаетъ такъ потому, что хочетъ этого, что онъ могъ-бы поступить иначе*; однако, если я попрошу его распечатать бумагу, онъ найдетъ, что тамъ за десять дней впередъ было предсказано дѣйствіе, которое онъ только совершилъ. *Слѣдовательно мы можемъ считать себя свободными и не быть, однако, таковыми.* На сколько же можемъ мы полагаться на свидѣтельство нашего сознанія, и не имѣемъ-ли мы права отвергнуть это свидѣтельство, разъ что оно можетъ такъ обманывать насъ? И что станетъ съ доводомъ въ пользу свободы воли, основаннымъ на имѣющемся у насъ чувствѣ свободы“ [2]?

Эти заявленія — прямой вызовъ психологическаго детерминизма спиритуализму, и было-бы пагубно для послѣдняго уклоняться отъ него. Надо отвѣчать, а для этого придется выполнить прежде нелегкую задачу разобраться между двумя противоположными направленіями въ научной литературѣ вопроса (о вмѣняемости дѣйствій, совершенныхъ въ гипнотическомъ внушеніи). Одни, какъ Бони и Бине, считаютъ власть внушенія надъ субъектомъ абсолютною, совершенно непреодолимою, другіе—относительною, и думаютъ, что исполняются дѣйствія лишь пріятныя субъекту, неидущія въ разрѣзъ съ его привычками, господствующими склонностями, характе-

---

[1] Цт. по кн. E. Méric. Le Merveilleux et la Science p. p. 368—369. [2] *Бони*, стр. 91—92.

ромъ [1], и поэтому стоятъ за вмѣняемость преступленій, совершенныхъ по внушенію: „лица, совершающія преступленія, какъ думаютъ, подъ неотразимою силою внушенія, въ дѣйствительности достаточно готовы бываютъ къ нему и ранѣе“, говоритъ *Кюллеръ* [2]. Даже тѣ, которые дѣлаютъ рѣшительные выводы изъ фактовъ противъ свободы, какъ Форель, въ противорѣчіе себѣ допускаютъ, что „слѣпое автоматическое послушеніе въ загипнотизированномъ никогда не бываетъ полнымъ, у внушеній всегда есть гравицы, которыя то съуживаются, то расширяются, и сверхъ того даже у одного и того же человѣка онѣ могутъ быть крайне измѣнчивы“ [3]. Вообще же всѣ согласно признаютъ общеизвѣстный фактъ, что загипнотизованные всегда почти сопротивляются непріятнымъ для нихъ внушеніямъ съ большею или меньшею энергіею и иногда сопротивляются удачно, т. е. приказаній не исполняютъ, чему обильные примѣры приводятся уже и у *Бони* [4]. Необходимо также будетъ для надлежащаго выполненія задачи подвергнуть тщательной провѣркѣ завѣренія гипнотизеровъ и ученыхъ въ томъ, что загипнотизованные совершаютъ навязанныя имъ дѣйствія съ обычнымъ сознаніемъ или чувствомъ свободы, и что происходящій въ ихъ душѣ психическій процессъ передъ совершеніемъ дѣйствія и во время его тождественъ со всякимъ нормальнымъ или обычнымъ процессомъ въ этихъ случаяхъ [5]. Въ этомъ завѣреніи лежитъ вся сила аргумента-

---

[1] См. *проф. А. Н. Гилярова* 171, 257—258 (здѣсь же указывается и литература вопроса).

[2] Dr. A. Cullerre. La thérapeutique suggestive et ses applications aux maladies nerveuses et mentales, à la chirurgie, a l'obstétrique et à la pedagogie. Paris. 1893, préf. VIII.

[3] Forel, p. 58 (см. § 6), ср. p. 100. [4] Бони, гл. VI; Forel, § 6; проф. А. Гилярова 171; Ménc, p. p. 373—375.

[5] Откуда и какими способами Бони, Бине и проч. узнали объ этомъ? По самому существу дѣла этотъ внутренній процессъ составляетъ тайну субъекта, тѣмъ болѣе недоступную другимъ, что для точной оцѣнки степени свободы субъекта всегда необходимо имѣть полное знаніе о его нравственномъ характерѣ. Внушенныя идеи могутъ совпадать съ наклонностями субъекта, и тогда его дѣйствія становятся свободнымъ; но какими критеріями располагаютъ Бине, Фере и др. къ различенію въ данномъ случаѣ дѣйствій свободныхъ отъ несвободныхъ? На это обстоятель-

ціи въ пользу детерминизма, желающаго опереться на факты гипнотизма. Если бы удалось ему оправдать себя, то за детерминизмомъ должно было бы признать полную побѣду; но по самой природѣ дѣла, такое оправданіе невозможно: *кто бо вѣсть отъ человѣковъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка живущій въ немъ?* (1 Кор. II, 11). Психологамъ и всѣмъ понимающимъ дѣло нѣтъ надобности напоминать, а тѣмъ болѣе разъяснять эту истину. Пусть не забываютъ ея защитники психологическаго детерминизма, стремящагося найти себѣ опору въ гипнотизмѣ!

2. Положительнаго значенія для религіи, тѣмъ болѣе—для христіанской, темная область гипнотическихъ явленій, конечно, не имѣетъ: свѣтъ не нуждается во тьмѣ, и лишь порожденіе тьмы, именующее себя матеріализмомъ, раціонализмомъ, или, короче, невѣріе ищетъ опоры въ тьмѣ и оружія для борьбы со свѣтомъ, т. е. съ религіею [1].

ство обращаетъ вниманіе и E. Méric въ своемъ прекрасномъ разборѣ возраженій противъ свободы на основаніи фактовъ гипнотизма (p. 89; 377). По тщательной провѣркѣ весьма сомнительнымъ становится завѣреніе ученыхъ, что субъекты чувствуютъ себя свободными: факты, приводимые уже у Бони, отрицаютъ это. Загипнотизованные свидѣтельствуютъ, что при выполненіи идеи ихъ что-то принуждало, давило ихъ волю, какъ посторонняя сила, а тяжелая внутренняя борьба передъ дѣйствіемъ, иногда сопровождаемая нервными припадками, говоритъ то же самое, что субъектъ подчиняется внушенію какъ внѣшней чуждой ему силѣ и не чувствуетъ себя свободнымъ, напротивъ—связаннымъ, несчастнымъ, больнымъ. На это также обращено вниманіе у Méric, 378, 379 (о логической ошибкѣ детерминистовъ, см. Ibid. 382, 437, 438).

[1] Притязанія на объясненіе внушеніемъ чуть-ли не всѣхъ главнѣйшихъ догматовъ христіанскихъ, какъ твореніе міра, воплощеніе и др., находимое у Шмидкунца (см. Schmidkunz p. 335 ff.), можно отмѣтить только какъ результатъ крайняго увлеченія суггестіонизмомъ до полной потери и той доли здраваго смысла, которая обязательна даже и въ нѣмецкихъ „любомудрахъ“... Можно, пожалуй, сдѣлать примѣненіе отсюда къ объясненію вліянія злыхъ духовъ на людей и происхожденія демономаніи или завладѣнія діаволомъ душою человѣка чрезъ вытѣсненіе и уничтоженіе его разума, свободы, *я*. Едва-ли кто будетъ отрицать возможность такого вліянія въ виду аналогичнаго ему въ гипнотическомъ внушеніи вліянія гипнотизера на субъектъ, его удивительной власти надъ его душою и тѣломъ, особенно—въ виду фактовъ умственнаго или непосред-

Съ давнихъ временъ медицина стремилась свести все загадочное и чудесное въ сферѣ человѣческой къ явленіямъ нервной системы въ ея особенныхъ патологическихъ состояніяхъ, видоизмѣняющихъ психическія и физіологическія функціи организма. Въ больныхъ нервахъ ей удавалось иногда найти ключъ къ объясненію многаго изъ того, что для воображенія простыхъ людей представляется чудомъ, дѣломъ волшебства, таинственныхъ силъ. Гдѣ суевѣрному воображенію чудилась игра темныхъ силъ, наука тамъ находила игру великой силы, пожалуй не менѣе таинственной,—нервовъ, дѣло „патологической магіи", гдѣ волшебникомъ является какая-то таинственная сила организма... Гипнотизмъ для патологическаго изъясненія „чудеснаго" теперь найденъ вполнѣ подходящимъ средствомъ въ особенности по сложности составляющихъ его нервныхъ патологическихъ явленій: здѣсь въ большемъ или меньшемъ видѣ разъигрываются таинственнымъ актеромъ организма всѣ типичныя зрѣлища нервныхъ разстройствъ съ ихъ магическими спутниками, такъ что здѣсь поэтому скрыта отгадка всѣхъ явленій въ области „патологической магіи". Такимъ образомъ, даже если бы гипнотизмъ и не давалъ новаго метода для патологическаго изъясненія чудеснаго, то и тогда его услуга врагамъ чудеснаго была бы очевидна: онъ облег-

---

ственнаго воздѣйствія въ такъ назыв. suggestion mentale (опыты Охоровича). Сходство идетъ далѣе. Какъ въ гипнотическомъ внушеніи власть гипнотизера не признается абсолютною и обусловливается соотвѣтствіемъ внушеній нравственному характеру субъекта, такъ и власть діавола надъ душою человѣка по ученію Св. Писанія не безпредѣльна и поддерживается его грѣховностью, ибо *кійждо искушается отъ своея похоти влекомь и прельщаемъ* (Іак. I, 14), такъ что посредствомъ борьбы съ похотью можно всегда оказывать противодѣйствіе внушеніямъ діавола, *противостать ему* (IV, 7), какъ противодѣйствуютъ субъекты гипнотизерамъ въ случаѣ непріятныхъ имъ внушеній... Наконецъ, власть діавола надъ душою человѣка и власть гипнотизера удивительное сходство имѣютъ и въ томъ отношеніи, что пріобрѣтаются одинаково угнетеніемъ личности, подавленіемъ его разума и свободы посредствомъ подчиненія его чувственности. Гипнотизеръ дѣйствуетъ на внѣшнія чувства, покоряя себѣ душу фиксаціею (дѣйствіемъ свѣта), однообразнымъ и медленнымъ шумомъ (напр. гонга), пассами, діаволъ покоряетъ себѣ душу человѣческую, *гипнотизуетъ ее* шумомъ и суетою міра сего, блескомъ и обольщеніемъ его...

чалъ бы и упрощалъ имъ трудъ, какъ compendium патологической магіи. Но мы увидимъ ниже, что гипнотизмъ даетъ въ руки имъ и новый методъ во внушеніи и чрезъ это получаетъ особенную цѣнность въ ихъ глазахъ.

Такъ-какъ для людей чуждыхъ религіи и богословію религія представляется сборникомъ таинственнаго и чудеснаго, то вмѣстѣ съ объясненіемъ чудеснаго адепты „патологической магіи“ кстати думаютъ покончить и съ религіею, и въ этомъ лежитъ объясненіе ихъ рвенія въ исполненіи взятой ими на себя задачи сдать въ архивъ чудеса. Съ особеннымъ жаромъ примѣняется патологическое изъясненіе къ чудесамъ религій, а изъ нихъ—именно религіи христіанской. Нѣкоторая часть чудесъ изъясняется изъ явленій, встрѣчающихся отдѣльно въ тѣхъ или иныхъ нервныхъ разстройствахъ, а другая—спеціально изъ внушенія. Очевидно, большій и спеціальный интересъ представляетъ послѣдняя группа.

Религіи невозможны безъ небесныхъ откровеній, безъ *видѣній*. Гипнотизмъ подтверждаетъ общепринятое въ невропатологіи объясненіе видѣній галлюцинаціями: здѣсь можно дѣлать опыты для провѣрки этого объясненія при помощи внушенія и воспроизводить по произволу передъ зрителями какія-угодно галлюцинаціи, даже самое состояніе „религіознаго экстаза“, для большаго закрѣпленія и популярнаго въ обществѣ патологическаго изъясненія *видѣній* (Дрэперъ, Лекки) [1].

Надобно-ли поколебать удивленіе предъ чудесною стойкостью мучениковъ первыхъ христіанъ во время гоненій, которая въ самыхъ мученическихъ актахъ приписывается высшей благодатной помощи и силѣ,—опять гипнотизмъ является на выручку съ его *аналгезіею* и *анестезіею* и т. п. [2].

Подобнымъ путемъ хотятъ объяснить даже нѣкоторыя от-

---

[1] См. Liebeault. Le sommeil et des états analogues. Paris 1866, p. p. 276—291, partie II-me, chp. VI (Apparitions et autres hallucinations). Кстати замѣтить, что авторъ избралъ въ эпиграфъ для этой книги изреченіе, хорошо выражающее общій смыслъ ея: C'est un grand ouvrier de miracle que l'esprit humain! (Essais de Montaigne liv. II, chap. XII).

[2] Skepto. Hypnotisme et les religions p. 12, проф. *А. Н. Гилярова*, стр. 178.

дѣльныя чудеса, о которыхъ повѣствуетъ Библія, напр. повѣствованіе о чудесномъ жезлѣ Аарона (Исх. VII), превращенномъ имъ въ змѣя передъ фараономъ. Очевидно, что сюда будетъ примѣнено объясненіе наблюдаемою въ гипнотизмѣ *каталепсіею* съ тоническимъ напряженіемъ мускуловъ, мгновеннымъ ихъ отвердѣніемъ или *одеревенѣніемъ*, а все чудо должно быть сведено къ ловкому фокусу быстраго гипнотизированія змѣи при помощи манипуляцій, секретъ которыхъ хорошо извѣстенъ и нынѣшнимъ псиллам̀ъ или заключителямъ змѣй Египта и Индіи и описывается, напр., у *Ренье* [1].

Въ гипнотизмѣ, какъ и въ естественномъ сомнабулизмѣ, констатирована загадочная способность субъектовъ *понимать иностранные языки* и говорить на *невѣдомыхъ никому языкахъ* [2]. Адепты психо-патологической магіи эксплуатируютъ это явленіе, кстати сказать далеко не изученное и почти совсѣмъ не объясненное, для объясненія чуднаго дара языковъ, такъ назыв. *глоссолаліи*, въ древне-христіанской первенствующей церкви, особенно временъ Апостольскихъ (Д. А. II, 1 ff.; X, 44 ff.; ср. XI, 15 ff.; XIX, 6; Мр. XVI, 17; 1 Кор. XII—XIV; въ Д. А. II, 4—λαλεῖν ἑτέραις γλώσσαις, въ Мр. XVI, 17— γλώσσαις λαλήσουσι [3]. Если бы гипнотическая глоссолалія состояла только въ пониманіи иностранной рѣчи и въ способности говорить на невѣдомыхъ языкахъ, то сопоставленіе ея

---

[1] Regnier. Hypnotisme et croyances anciennes p. 39—43. Авторъ однако, въ силу общей тенденціи книги своей, оспариваетъ общепринятое отношеніе этихъ фокусовъ восточныхъ жонглеровъ къ гипнотизму; о чудѣ съ жезломъ см. 40—41. Распространенность этого объясненія видна уже изъ того, что оно приводится иногда, для опроверженія и въ сочиненіяхъ богословскихъ, см., напримѣръ, въ кн. проф. А. П. Лопухина, *Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій* I—II. СПБ. 1889 г., т. 1, стр. 585.

[2] См. напр. у проф. Гиляров̀а, стр. 314—320.

[3] Проф. Гиляров̀а 314; Schmidkunz p. 332. Даже богословъ Делитчъ сближаетъ гипнотическій даръ языковъ съ библейской глоссолаліею, хотя и признаетъ отличія (Delitzsch. System der biblischen Psychologie. Aufl. 2-te Leipzig. 1861, pp. 364—365. Много прекрасныхъ замѣчаній о гипнотизмѣ съ библейско-богословской точки зрѣнія, кстати сказать, читатели здѣсь найдутъ въ §§ 14 и 16.

съ библейскою глоссолаліею ясно было бы неумѣстно, такъ какъ послѣдняя заключалась въ дарѣ рѣчи на иностранныхъ языкахъ; а потому задача богослововъ—апологетовъ на этотъ разъ была бы не трудною, предполагая, что ими твердо установлено указанное воззрѣніе на сущность библейской глоссолаліи. Но задача осложняется существованіемъ случаевъ, хотя и рѣдкихъ, говоренья на иностранныхъ языкахъ въ гипнотизмѣ, объясняемаго, обыкновенно, *гипермнезіею*, т. е. необыкновеннымъ возбужденіемъ памяти или воспоминанія въ нѣкоторыхъ нервныхъ разстройствахъ, когда оживаетъ въ ней давно забытое, напр. случайно въ дѣтствѣ слышанныя фразы и слова, вычитанное изъ книгъ на языкѣ, потомъ забытомъ, и т. п. (Карпентеръ, Рибо, Либо). Во всякомъ случаѣ, выполненіе лежащей здѣсь на богословахъ задачи сопряжено съ весьма большою пользою для богословія, для выясненія самой сущности библейской глоссолаліи, еще не вполнѣ, кажется, достигнутаго или прочно установленнаго [1].

Летаргія гипнотическая, какъ и каталепсія, точно также утилизируется невѣріемъ въ подкрѣпленіе общераспространен-

---

[1] Трудно даже перечислить всѣ мнѣнія по данному вопросу—такъ ихъ много, и въ то же время они противорѣчивы: согласно съ одними даръ языковъ *иныхъ* или *новыхъ*, чудесно сообщенный сначала въ день пятидесятницы апостоламъ, а затѣмъ въ первенствующей церкви и нѣкоторымъ вѣрующимъ, заключается въ способности говорить на иностранныхъ языкахъ, по другимъ—въ способности говорить возвышеннымъ слогомъ—архаизмами, идіотизмами и провинціализмами, напр.: языкомъ нисійскихъ оракуловъ древности (Блэкъ); для третьихъ—это даръ высокой одушевленной рѣчи, способной потрясать сердца; для четвертыхъ—это безсвязное и нечленораздѣльное лепетанье людей, охваченныхъ экстазомъ (Бардили, Эйхгорнъ); для пятыхъ—это неясная, безсвязная, непонятная рѣчь въ забытьи или въ полнотѣ и особенномъ возбужденіи души,—рѣчь на своемъ языкѣ, производящая впечатлѣніе новой (непонятной) рѣчи или разныхъ языковъ, вслѣдствіе различнаго измѣненія артикуляціи и интонаціи (Шульцъ, Мейеръ, Гильгенфельдъ, Шмидтъ) и мн. др. (См. литер. вопр. въ кн. Фаррара *Жизнь и труды св. ап. Павла* въ пер. А. И. Лопухина Спб. 1887, стр. 65—69; ст. Schmidt'a въ Real-Encyclopädie B. XVII („Zungenreden"); основательнымъ защитникомъ перваго мнѣнія у насъ является покойный ректоръ Моск. Дух. Акад. о. проф. А. В. Горскій въ своей *Истор. Евангельской и Церкви Апостольской* М. 1883. стр. 378—384.

наго раціоналистическаго объясненія библейскихъ разсказовъ о воскрешеніяхъ мертвыхъ и чуда воскресенія Христова.

Раціоналисты, не менѣе, чѣмъ медики, всегда дорожили фактами произвольной или искусственной и непроизвольной летаргіи, т. е. способности обмирать и оживать, и тщательно собирали ихъ для доказательства своего воззрѣнія на чудеса. Естественно, для нихъ цѣнность этихъ фактовъ возрастала со степенью глубины и полноты летаргіи приближающихъ ее къ смерти съ обычными ей охлажденіемъ тѣла, прекращеніемъ пульса и дыханія, разложеніемъ и трупнымъ запахомъ и т. п. [1]. И надо признать, что какъ древность, такъ и новое время даютъ не мало интересныхъ примѣровъ глубокой летаргіи и доказательствъ способности организма въ нѣкоторыхъ состояніяхъ и у нѣкоторыхъ субъектовъ къ обмиранію до грани, близкой къ смерти, и оживанію вслѣдъ затѣмъ при извѣстныхъ условіяхъ. Что давно было извѣстно искусство произвольнаго обмиранія или умѣнье погружаться въ гипнотическую летаргію, объ этомъ свидѣтельствуетъ *бл. Августинъ* (IV в.). Въ доказательство утерянной по грѣхопаденіи власти души надъ непослушными ей теперь органами тѣла, онъ сообщаетъ: „Извѣстно, что нѣкоторые, когда захотятъ, начнутъ и проливаютъ обильные слезы. Но гораздо невѣроятнѣе то, что въ недавнее время видѣли нѣкоторые братья своими собственными глазами. Былъ одинъ пресвитеръ, по имени Реститутъ, въ паріки Кальмской церкви. Когда бывало ему вздумается (а иногда просили его сдѣлать это другіе, желавшіе собственными глазами видѣть необыкновенное явленіе), онъ подъ чьи-либо звуки, подражающіе голосу плачущаго человѣка, до такой степени отвлекался отъ чувствъ и лежалъ совершенно похожимъ на мертваго, что не только ничего не чувствовалъ, когда его щипали или кололи, но и когда жгли огнемъ, не ощущалъ никакой боли, развѣ только впослѣдствіи, отъ раны. Что онъ оставался безъ движенія не потому, что владѣлъ такъ тѣломъ, а потому, что не чувствовалъ, доказывается тѣмъ,

---

[1] Утверждаютъ, что трупный запахъ обыченъ и въ глубокой летаргіи (См. проф. *А. Гилярова*, стр. 335).

что у него, какъ у мертваго, не оказывалось никакого дыханія. Голоса же людей, говорившихъ болѣе громко, онъ слышалъ, какъ разсказывалъ потомъ самъ, будто издалека“ [1]. Извѣстна способность нѣкоторыхъ обмирать посредствомъ задержки дыханія, каковою способностью владѣлъ, по сообщенію др. Чайна, англійскій полковникъ Тоузендъ (сообщеніе это, обычно, передается во всѣхъ гипнотическихъ сочиненіяхъ), и еще въ большей степени обладаютъ индійскіе факиры. Брэдъ собралъ не мало интересныхъ сообщеній о случаяхъ глубокой и продолжительной летаргіи факировъ, которые въ Индіи занимаются самогипнотизированіемъ, какъ профессіею. Погрузившись посредствомъ задержки дыханія въ летаргію, они, послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ приготовленій (напр. ноздри и уши залѣпляются воскомъ) погребаются какъ покойники, и въ условное время ихъ высвобождаютъ изъ могилы, и они возвращаются къ жизни иногда послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ и даже годовъ пребыванія въ могилѣ при помощи различныхъ средствъ, каковы, обливаніе горячею водою, втираніе мазей и масла въ грудь, вѣки, оконечности, прикладываніе горячихъ припарокъ къ темени и т. п.! Сообщенія о случаяхъ непроизвольной летаргіи, принадлежащія особенно писателямъ древняго времени, превосходятъ, повидимому, всякое вѣроятіе. „Плиній упоминаетъ о юношѣ, который спалъ непробуднымъ сномъ сорокъ лѣтъ. Философъ Епименидъ спалъ въ пещерѣ, по мнѣнію однихъ, сорокъ или сорокъ семь, а по другимъ—пятьдесятъ семь лѣтъ“ (!) и т. п. [2]. Однако, исключая замѣтное здѣсь преувеличеніе, остается доказанною истиною, что летаргія можетъ продолжаться съ перерывами и даже безъ перерывовъ цѣлые годы, такъ извѣстны случаи отъ четырехъ до пяти лѣтъ, съ исходомъ въ смерть или внезапнымъ пробужденіемъ, которое, надо замѣтить, обыкновенно не под-

---

[1] *Бл. Августинъ.* О градѣ Божіемъ, кн. XIV, гл. 24 (по русск. пер. „Библ. твор. св. отцевъ и учит. Церкви западной“, изд. при К. Д. А. ч. V, стр. 56 и д. Кіевъ 1882).

[2] По книгѣ А. Калмета *Тайны загробнаго міра.* Перев. со 2-го нѣм. изд. Москва 1877, I—III ч., ч. III, стр. 80.

дается никакимъ усиліямъ врачебнаго искусства. Интересные случаи этого рода сообщаются въ спеціальномъ гипнотическомъ журналѣ французскимъ др-мъ Берильономъ, гдѣ подробно демонстрируется одинъ случай четырехлѣтней летаргіи одной дѣвушки со смертнымъ исходомъ [1].

Очевидно, что всѣ факты этого рода произвольной и непроизвольной летаргіи для невѣрія, отрицающаго всеоживляющую Божественную силу въ воскрешеніи мертвыхъ, представляются настоящимъ кладомъ; но они по своей рѣдкости, малодоступности публикѣ и даже наукѣ не вполнѣ достигали бы даваемаго имъ назначенія, если бы своего подтвержденія и поддержки не находили въ гипнотизмѣ. Гипнотизмъ постоянно воспроизводитъ ихъ, хотя и въ миніатюрѣ, и так. образ. питаетъ и поддерживаетъ общераспространенное популярное объясненіе чудесныхъ воскрешеній и самаго воскресенія Христова летаргіею. Что касается самаго существа объясненія, то для нерасположенныхъ признавать чудо оно представляется простымъ естественнымъ выводомъ изъ вышеуказанныхъ фактовъ. „... Не слѣдуетъ ли“, спрашиваетъ одинъ авторъ, „искать въ гипнотизмѣ истолкованія... тайнъ смерти и воскресенія?...“ И отвѣчаетъ: „Ученіе о гипнотизмѣ не беретъ на себя и не считаетъ себя способнымъ выяснить эту тайну... Наученное длиннымъ рядомъ продолжительныхъ летаргій, оно скорѣе готово прозрѣвать жизнь тамъ, гдѣ обыкновенно чуютъ смерть, и не сразу даже признаетъ мертвецомъ и того, кто такимъ заявляетъ себя не только зрѣнію и осязанію, но даже и обоянію, такъ-какъ оно знаетъ, что ото всѣхъ (?) вообще летаргиковъ идетъ трупный запахъ [2]... Оно пользуется своимъ ав-

---

[1] Revue de l' Hypnotisme 1887 1-er Avril, № 10 (La léthargique de Thenelles, Dr. E. Berillon). Здѣсь приводятся случаи летаргіи *восьмилѣтней* съ перерывами (1875—1883) и съ 1698 днями патологическаго сна, при чемъ послѣдній разъ сонъ продолжался 15 мѣсяцевъ; затѣмъ случаи летаргіи въ 16—18 мѣс.; *пятилѣтней* съ перерывами и съ продолжительностью кризисовъ въ 8—17 дней...

[2] Весьма необходимо было бы подвергнуть спеціальной провѣркѣ это заявленіе (въ виду Io. XI) и для богослововъ и вѣрующихъ было бы интересно по этому случаю выслушать рѣшеніе компетентныхъ и добросовѣстныхъ докторовъ.

торитетомъ лишь для назиданія опрометчивости и суевѣрію, что не слѣдуетъ безъ разбора довѣряться обманчивымъ признакамъ смерти и приходить въ ужасъ предъ встающими изъ гроба, такъ какъ „мертвецы не встаютъ изъ могилъ“ [1]. И этотъ выводъ изъ ученія о гипнотизмѣ, оцѣнка котораго не входитъ въ мою задачу, на дѣлѣ и примѣняется уже къ объясненію евангельскаго повѣствованія о чудесныхъ воскрешеніяхъ и воскресеніи самаго Іисуса Христа [2]...

Обращаемся къ разсмотрѣнію второй группы чудесныхъ явленій, объясняемыхъ при помощи внушенія.

Для современнаго ума, заѣденнаго рефлексіею и сдѣлавшагося чуждымъ вѣрѣ, самая вѣра представляется уже чудомъ. Какъ вѣра, это духовное чудо, возникаетъ въ душѣ и что такое она по своей природѣ или существу? Къ удивленію нашему отвѣтъ на эти вопросы находятъ въ гипнотизмѣ; именно гипнотическое внушеніе оказывается пригоднымъ для разъясненія сущности и происхожденія вѣры, а въ дѣйствительности, необходимо замѣтить, лишь для оправданія и укрѣпленія господствующаго въ обществѣ, чуждомъ вѣрѣ, предразсудка о противоположности или естественномъ антагонизмѣ между вѣрою и разумомъ, обратно-пропорціональномъ отношеніи между ними. „Три центральныя истины“, читаемъ мы, „лежатъ въ основаніи (гипнотическихъ фактовъ): 1) что возможно духомъ дѣйствовать на тѣло, 2) что для воспріятія духовнаго воздѣйствія необходимо въ него увѣровать, и 3) что эта вѣра бываетъ наиболѣе полной въ состояніи умственнаго омраченія. Но... развѣ нова истина, что вѣра творитъ чудеса? И развѣ не всѣмъ извѣстно, что (безотвѣтная?) вѣра кончается тамъ, гдѣ начинается разумъ, и что разумъ гонятъ тамъ, гдѣ желаютъ (слѣпой?) вѣры?“ [3] Человѣкъ, никогда въ собственной своей душѣ не ощущавшій вѣры и всюду поносящій ее, также въ этомъ родѣ повѣствуетъ о сущности вѣры: „то, что называютъ „вѣрою“, говоритъ онъ,

---

[1] Проф. А. Гилярова стр. 334—335 (Многоточіе означ. пропуски).
[2] См., напр., Skepto pp. 33, 34, 54 f., 57 f., 64 f.f.
[3] Проф. *А. Н. Гилярова* стр. 398.

есть особое состояніе мозга, въ которомъ, вслѣдствіе длиннаго ряда внушеній, извѣстныя свойства его уничтожены или извращены такимъ образомъ, что „чувство контроля“ (?) отчасти ослаблено и нейтрализовано, какъ это бываетъ въ гипнотическомъ внушеніи, въ исторіи и столь различныхъ формахъ безумія“ [1].

Впрочемъ, важнѣе объясненія гипнотическимъ внушеніемъ, касающіяся дѣйствительныхъ чудесъ. Изложу то, что удалось встрѣтить изъ этого въ гипнотической литературѣ: объясненіе чудесной силы *благословенія* и *проклятія*, *пророческихъ предсказаній* (даже въ Ветх. Завѣтѣ), повѣствованія *о мѣдномъ зміѣ* и особенно всѣхъ *чудесныхъ исцѣленій* древняго и нов вѣйшаго времени, обязанныхъ дѣйствію религіозной вѣры.

Сила благословенія, а равно проклятія теперь объясняется дѣйствіемъ самовнушенія и внушенія. Необходимо имѣть въ виду, чтобы понять raison d'être и значеніе такого объясненія, два обстоятельства: 1) внушеніе и самовнушеніе, что въ сущности то же, оказываютъ огромное дѣйствіе на тѣло и на душу, т. е. на всю человѣческую природу, а потому естественно ихъ дѣйствіе простирается чуть-ли не на всю сферу явленій въ области человѣческой жизни; 2) внушеніе и самовнушеніе, по ученію психологической Нансійской школы дѣйствуютъ не въ одномъ гипнотизмѣ и другихъ ему подобныхъ ненормальныхъ состояніяхъ, но и въ повседневной обычной жизни,—во всѣхъ безчисленныхъ проявленіяхъ интеллектуальнаго взаимнаго воздѣйствія людей другъ на друга, власти—съ одной стороны, умственнаго подчиненія и рабства—съ другой, вообще же—постоянной гипнотизаціи (ораторъ—толпа, авторъ—читатели, актеръ—зрители и т. п.). И такъ, для вреднаго и пагубнаго воздѣйствія какого-нибудь пустого слова злоднаго врага достаточно, чтобы оно воспринято было съ вѣрою въ его силу глубоко—потрясенною суевѣрною душою человѣка даже въ полномъ здоровьи, и наоборотъ,—и мы получимъ полное понятіе о проклятіи и благословеніи. Извѣстно, что въ простонародіи такъ наз. „колдуны“ изъ этого

[1] Skepto (Berillon) p. 39 f.

свойства внушенія дѣлаютъ себѣ своего рода профессію, нагоняя страхъ на простяковъ, а иногда—и болѣе того угрозами „присадить килу“ и т. п. Либо сообщаетъ достаточно другихъ фактовъ въ подтвержденіе этой своей теоріи благословенія и проклятія и мы отсылаемъ къ нему [1].

Не трудно замѣтить, что внушеніе весьма легко можетъ быть примѣнено къ объясненію предсказаній или, обобщая явленія, дара предвидѣнія и пророчества. Когда нѣкоторые больные съ точностью до минуты объявляютъ близкимъ о своей смерти, напр., и ихъ предсказаніе сбывается, это значитъ, что по другимъ причинамъ они сами себѣ *внушили смерть*, увѣровали въ ея неизбѣжность. И мы видимъ, что такое употребленіе изъ внушенія уже и дѣлается. „Предвидѣніе какого-либо событія“, говоритъ тотъ же Либо, „или перемѣны въ организмѣ у другихъ или у себя есть всего чаще дѣйствіе внушенія (напр.) во снѣ или аналогичныхъ состояніяхъ, — дѣйствіе, обнаруживающееся потомъ въ точно указанное время спящимъ ли лицемъ, или какимъ-нибудь другимъ“ [2]. Когда предвѣдѣніе касается другихъ, оно есть внушеніе; когда относится къ самому себѣ, оно — самовнушеніе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ „всецѣлая вѣра лицъ въ то, что имъ предсказываютъ или въ чемъ ихъ увѣряютъ, есть причина предсказываемаго результата“ [3]. „Предвидѣть или предчувствовать какое-либо событіе, касающееся другихъ или себя самого, не значитъ имѣть предвѣдѣніе будущаго, отгадывать его; это значитъ однимъ дѣйствіемъ своей мысли развивать въ своемъ организмѣ на послѣдующее, точно опредѣленное время, то, что безсознательно внушили себѣ, или, это—значитъ рождать въ организмѣ другихъ мысль о предсказанныхъ измѣненіяхъ, овладѣвая ихъ умомъ и опредѣляя этимъ въ нихъ на будущій, точно указанный, моментъ измѣненія органически, въ смыслѣ идеи, имъ внушенной“ [4]. Что касается собственно библейскаго профетизма, то попытку его объясненія этимъ способомъ

---

[1] Liébeault. Le sommeil et des états analogues, partie I-me chp. IX, p 163 f.: cp. Schmidkunz, pp. 329, 332. [2] Ibidem. p. 176. [3] Ibid. 163. [4] Ibidem.

находимъ у одного Шмидкунца. Сущность его разсужденій кратко сводится къ слѣдующему, какъ кажется. Пророчества, хочетъ увѣрить читателя авторъ, — это народно-политическія pia desideria, облекавшіяся народною фантазіею по законамъ психологіи, въ конкретныя и законченныя картины будущаго ихъ исполненія: чего желаешь и во что вѣришь, того и ждешь съ вѣрою. Съ другой стороны, „событіе, наступленіе котораго желаютъ, легче совершается, если при томъ его предсказываютъ“ (люди высокаго энтузіазма, съ увлекательною и сильною рѣчью, какъ пророки...) [1]. Здѣсь мы имѣемъ дѣло, такимъ образомъ, съ чѣмъ-то въ родѣ *коллективнаго* (народнаго) *внушенія* или самовнушенія (Autosuggestion).

Естественнымъ переходомъ къ разсмотрѣнію объясненія религіозныхъ чудесныхъ исцѣленій можетъ послужить объясненіе цѣлебнаго дѣйствія мѣднаго змія въ пустынѣ, при помощи того же принципа внушенія, у *Ренье*. По его толкованію, Моисей помѣстилъ на концѣ шеста мѣдное изображеніе одной изъ ядовитыхъ змѣй, причинявшихъ даже своимъ отвратительнымъ видомъ болѣзнь—(конвульсіи), сдѣлавшуюся, при заразительности нервныхъ болѣзней вообще, эпидемическою среди евреевъ. „Въ дѣйствительности вѣра, которую внушало его слово и это напряженное вниманіе (когда смотрѣли на змѣя), могущественно дѣйствовали на души и обусловливали цѣлебныя впечатлѣнія на нее“. Къ этому ихъ дѣйствіе, можетъ быть, усиливалось вынесеннымъ евреями изъ Египта суевѣріемъ, которое состояло въ вѣрѣ въ доброе и злое вліяніе змѣй, за это пользовавшихся религіознымъ почитаніемъ [2]. Здѣсь уже выступаетъ отчасти принципъ объясненія чудесныхъ исцѣленій вѣрою, какъ ихъ естественнымъ факторомъ; но онъ здѣсь сопровождается добавочными соображеніями, и потому

---

[1] Schmidkunz, p. 330.

[1] Regnier. Hypnotisme et croyances anciennes p. 32 (см. 31-32). Нельзя признать это объясненіе оригинальнымъ и новымъ, неизвѣстнымъ въ богословіи: ср. Wiener. Biblisches Realworte buch B. II. (Arte Schlange, cherne).

мы не получаемъ въ данномъ случаѣ *типическаго* объясненія исцѣленій дѣйствіемъ одного внушенія, или самовнушенія, или же, короче, вѣры. Само собою понятно, что въ виду очевидной важности предмета, особенно въ религіозномъ отношеніи, необходимо нѣсколько долѣе остановить вниманіе на гипнотическомъ объясненіи чудесныхъ исцѣленій и съ возможною краткостью разсмотрѣть его отдѣльно.

V.

Кабанисъ весьма энергично и какъ нельзя лучше выражаетъ общеизвѣстный фактъ огромнаго вліянія души на тѣло, когда пишетъ: „Огромное вліяніе того, что называютъ *нравственною природою*, на то, что называютъ *физическою природою*, есть общій и несомнѣнный фактъ; безчисленные примѣры ежедневно подтверждаютъ его, и всякій человѣкъ, сколько-нибудь способный къ наблюденію, въ самомъ себѣ тысячи разъ находилъ его подтвержденіе.

Многіе физіологи и моралисты собрали доказательства, болѣе всего способныя показать самымъ осязательнымъ образомъ это могущество мыслей и страстей надъ различными органами и надъ различными отправленіями живаго организма. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы не могъ присоединить какого-либо новаго факта къ собраннымъ наблюденіямъ. Самые невѣжественные и легковѣрные люди говорятъ о дѣйствіи воображенія“ [1].

Всякій по собственному опыту знаетъ великую власть души надъ тѣломъ въ различныхъ ея состояніяхъ—сознанія, чувства и воли, оказывающихъ возбуждающее, ослабляющее и видоизмѣняющее дѣйствіе на чувствительность, движенія и растительныя функціи организма. Въ этомъ отношеніи особенно хорошо извѣстно каждому угнетающее и болѣзнетвор-

---

[1] Кабанисъ. *Отношенія между физическою и нравственною природою человѣка.* Перев. съ франц. П. А. Бибикова. Въ I—II т.т. Спб. 1866, т. II, стр. 362.

ное дѣйствіе горя, страха, гнѣва и т. п., и противоположное дѣйствіе радости, спокойствія, добродушія и пр. спутниковъ здоровья, а также, въ частности, цѣлебное вліяніе на больной организмъ, его выздоровленіе, живого довѣрія къ врачу и его опытности. Св. Писаніе признаетъ и выражаетъ эту истину власти души надъ тѣломъ въ словахъ Премудраго: *Не предавай сердца твоего печали... Ибо отъ печали бываетъ смерть, и печаль сердечная истощитъ силу* (Сир. XXXVIII, 20, 18). По мнѣнію Св. *Іоанна Златоустаго* красота и жизнь тѣла зависятъ отъ души, которая „даетъ ему жизнь“ и „поддерживаетъ его“. Какъ-бы въ поясненіе изреченія Спраха онъ говоритъ: „Если душа радуется, то розы разсыпаетъ по ланитамъ; если печалится, то, отъемля всю красоту у тѣла, все оное облекаетъ въ черную одежду. И если постоянно находится въ веселомъ состояніи, то и тѣло бываетъ въ безболѣзненномъ состояніи; если же находится въ печали, то и тѣло бываетъ слабѣе и безсильнѣе паутины“ [1]. *Бл. Августинъ* знаетъ о еще большемъ могуществѣ души предъ тѣломъ и приводитъ извѣстные ему примѣры его, граничащіе съ областью чуднаго. „Знаемъ мы“, говоритъ онъ, „у нѣкоторыхъ людей физическія свойства весьма отличныя отъ обыкновенныхъ, и по рѣдкости своей удивительныя: люди эти дѣлаютъ по своему желанію изъ тѣла нѣчто такое, чего другіе рѣшительно не могутъ и чему по слухамъ едва вѣрятъ. Есть напримѣръ такіе, которые движутъ ушами, или отдѣльно каждымъ, или обоими вмѣстѣ. Есть такіе, которые, держа голову неподвижно, весь головной покровъ, насколько

---

[1] *Св. І. Златоуста* Бес. на ев. Мѳ. XXIV, по пер. М. 1839, стр. 109—110. Это библейское воззрѣніе на взаимное отношеніе между тѣломъ и душою находитъ себѣ прекрасное выраженіе и истолкованіе въ слѣдующемъ разсужденіи *проф. Д. Ѳ. Голубинскаго:* «жизненные процессы совершаются до тѣхъ поръ въ тѣлѣ, пока находится въ немъ душа, но они прекращаются по разлученіи души съ тѣломъ. Отсюда очевидно выходитъ такое слѣдствіе: по опредѣленію Господа Бога, дающаго *всему жизнь и дыханіе и все* (Дѣян. XVII, 25), душа есть начало возбуждающее въ тѣлѣ процессы, которыми поддерживается жизнь, начало движущее и оживляющее» (изъ ст. «Чѣмъ держится земля въ пространствѣ», *Душеп. Чтен.* 1894 г. кн. X).

онъ занятъ волосами, спускаютъ на лобъ—и поднимаютъ, когда хотятъ. Есть такіе, которые, проглотивъ невѣроятное количество, и разнообразныхъ, вещей, и дотронувшись тихонько до груди, вынимаютъ какъ изъ мѣшка все, что угодно, проглоченное въ самомъ нетронутомъ видѣ. Нѣкоторые подражаютъ голосамъ птицъ, животныхъ и извѣстныхъ людей до такой степени вѣрно и выразительно, что рѣшительно нельзя было бы отличить, если бы они дѣлали это не на глазахъ. Иные издаютъ по произволу низомъ безъ всякаго смрада такіе многоразличные звуки, что кажется, будто они поютъ этою частію. Я лично зналъ человѣка, который потѣлъ, когда хотѣлъ. Извѣстно, что нѣкоторые, когда захотятъ, плачутъ и проливаютъ обильныя слезы“ [1]. „Душа легче повелѣваетъ тѣломъ, чѣмъ сама собою“, говоритъ Бл. Августинъ [2]. Конечно, изъ собственнаго опыта такіе яркіе и рѣзкіе примѣры вліянія психическаго не всякій можетъ почерпнуть, и въ этомъ случаѣ полезно обратиться къ сборникамъ классическихъ примѣровъ его въ медицинскихъ и психологическихъ сочиненіяхъ, о существованіи которыхъ упоминаетъ Кабанисъ. Въ этомъ отношеніи заслуженною и выдающеюся извѣстностью въ литературѣ теперь пользуется книга англійскаго ученаго *Хэкъ Тьюка* [3], соединяющая въ себѣ почти всѣ классическіе примѣры вліянія духа на тѣло, разсѣянные по разнымъ медицинскимъ и инымъ сочиненіямъ, съ научнымъ психологическимъ и физіологическимъ освѣщеніемъ ихъ. Здѣсь съ большою разборчивостью собрано и предлагается нашему вниманію множество примѣровъ разнообраз-

---

[1] *Бл. Августина* О градѣ Божіемъ, кн. XIV, гл. 24 (по пер. К. Д. А. 188?, ч. V, стр. 56).

[2] Ibidem гл. 23 (стр. 53). Онъ высказываетъ мысль, по поводу вопроса, о способѣ размноженія людей въ раю, о большей власти души надъ тѣломъ до грѣхопаденія, чѣмъ какая возможна теперь.

[3] Хэкъ Тьюкъ *Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка.* Пер. П. Викторова, Москва 1888. Собраніе подобныхъ же фактовъ можно найти въ другихъ книгахъ, какъ: Liebeault Sommeil et des états analogues; Thérapeutique suggestive, son mécanisme etc. Paris 1891, pp. 17—37; Perty Die mysti-

наго поразительнаго вліянія души на тѣло, какъ *патологическаго* такъ и *терапевтическаго*,—вліянія *сознанія*, *чувства* и *воли* на мускульную систему и органическія растительныя функціи, какъ питаніе, кровообращеніе, дыханіе и проч.; а въ заключеніе книга увѣнчивается цѣльнымъ трактатомъ по *психотерапіи* (леченіе психическимъ вліяніемъ) въ видѣ вывода изъ предложенныхъ фактовъ.

Огромно дѣйствіе *чувства* въ разныхъ его состояніяхъ (аффектахъ, эмоціяхъ), на тѣло, то вредное, то благопріятное. Гнѣвъ, испугъ, страхъ, даже радость могутъ причинить разнообразныя страданія, какъ параличи, контрактуры, нѣмоту и т. п., и даже убить человѣка. Но въ болѣзненномъ состояніи они, особенно гнѣвъ и испугъ, имѣютъ обратное, т. е. цѣлебное, дѣйствіе, и часто болѣзнь здѣсь излѣчивается тѣмъ, что ее причинило. „Страхъ", говоритъ Хэкъ Тьюкъ, „самое дѣятельное изъ нашихъ психическихъ средствъ" [1]. Испугомъ и страхомъ вылѣчиваются: *эпилепсія*, [2] *коклюшъ*, [3] *астма*, [4] *подагра*, [5] *водянка*, [6] также—*лихорадка* [7]. Извѣстны случаи излѣченія тяжелыхъ болѣзней, какъ брюшная водянка, отъ одного страха предстоящей операціи, неожиданно предлагавшейся больнымъ; [8] что еще удивительнѣе,—возвращенія къ жизни приговоренныхъ къ смерти отъ одного внезапнаго страха смерти.

Интересенъ случай излѣченія *нѣмоты* гнѣвомъ, приводимый у Либо. Одинъ охотникъ дѣлается нѣмымъ. Относя причину своего несчастія къ женѣ, которую онъ считалъ колдуньею, онъ при видѣ ея пришелъ въ бѣшенство настолько

---

schen Erscheinungen (op. cit) I, 56—66; Schubert Seschichte der Seele (cit) B. II, § 61, pp. 666—702; Moor The Power of Soul over the Body Lond. 1848, Padioleau Medicine morale 1864: Carpenter Principles of Mental Physiology (op. cit) ch. XIX, pp. 677—690; особеннаго вниманія богословъ заслуживаетъ Dr. P. Regnard Sorcellerie, magnetisme, morphinisme etc. (op. cit), chp. Les miracles de Saint Médaid.

[1] *Хэкъ Тьюкъ* стр. 336. [2] *Тамъ-же* стр. 318. [3] Стр. 319. [4] Стр. 330. [5] Стр. 338. [6] Стр. 336, 337.

[7] Schubert B. II, p. 685; она же излѣчивается *гнѣвомъ* и *радостью*—ibid. [8] Хэкъ Тьюкъ стр. 337.

сильное, что снова получилъ даръ рѣчи. [1] Сообщаются также случаи излѣченія *радостью*, напр. отъ *водобоязни*, *лихорадки*, [2] даже облегченія *чахотки*, пріостановки легочнаго процесса. „Одинъ литераторъ, дошедшій до сильной степени чахотки, пошелъ посовѣтоваться къ врачу. Въ это время онъ добился важнаго литературнаго успѣха и имѣлъ еще другія причины быть довольнымъ; поэтому онъ сильно радовался. Физическимъ дѣйствіемъ этого событія было то, что страданіе легкихъ остановилось и надолго осталось въ одномъ положеніи“ [3].

Вообще всякому хорошо извѣстно благотворное вліяніе, производимое всѣмъ тѣмъ, что возбуждаетъ чувства надежды, довольства и радости вокругъ больного. А потому нерѣдки въ практикѣ случаи выздоровленія совсѣмъ приготовленныхъ и приговоренныхъ къ смерти лицъ, сдѣлавшихъ завѣщаніе и устроившихъ свои дѣла, подъ вліяніемъ именно чувства довольства и облегченія, испытаннаго вслѣдствіе составленія завѣщанія и успѣшнаго устройства дѣлъ [4].

Извѣстно также каждому важное значеніе въ болѣзняхъ силы воли. Энергическое сопротивленіе болѣзни и рѣшимость ей не поддаваться, настойчивое самоувѣреніе въ здоровьи и отрицаніе болѣзни, упорное сосредоточеніе вниманія на посторонникъ предметахъ—все это содѣйствуетъ не только временному прекращенію и ослабленію симптомовъ болѣзни, но и полному ея излѣченію. Паскаль освободился отъ тяжелой зубной боли тѣмъ, что, въ началѣ ея, взялся за разрѣшеніе геометрической задачи; кончивъ ее, онъ не ощущалъ боли.

Кантъ успѣшно примѣнялъ этотъ „моральный“ методъ лѣченія къ своимъ болѣзнямъ. Одинъ стоикъ въ присутствіи Помпея доказывалъ, что страданіе не есть зло, и къ словамъ присоединилъ и наглядный примѣръ, одержавши верхъ надъ сильнѣйшимъ приступомъ подагры, при этомъ съ нимъ слу-

---

[1] Liébeault Thér. syggestive p. 29. [2] Schubert p. 686 ср. 685, а Liébeault кромѣ того сообщаетъ объ излѣченіи этимъ путемъ *водянки* и *невралгіи* (Thérapeutique suggestive p.p. 28. 29). [3] Хэкъ Тьюкъ стр. 336. [4] *Тамъ же*, стр. 340—341.

чившимся; впослѣдствіи, благодаря его упражненіямъ въ терпѣніи, подагра исчезла. Этотъ методъ лѣченія рекомендовали давно еще многіе извѣстные врачи, какъ Кабанисъ, Гуфеландъ, Фейхстерслебенъ [1]. Хэкъ Тьюкъ, относящійся сюда же, сообщаетъ нѣсколько случаевъ излѣченія болѣзней подъ вліяніемъ силы воли и твердаго имъ сопротивленія, каковы: *водобоязнь*, *выворотъ лѣвой ноги* у истеричной и *холера*. Леченіе истеричной не поддавалось обычнымъ пріемамъ спеціальной ортопедіи. „Но психическія средства совершили выздоровленіе въ нѣсколько минутъ. Больная пожелала пользоваться своей ногой какъ здоровой—и сдѣлала это, отправившись танцовать на балъ“ [2]. Извѣстный Эд. Ирвингъ въ своихъ проповѣдяхъ распространялъ мнѣніе, что „болѣзнь есть грѣхъ, и что вѣрующій долженъ избѣгать ее“. Какъ это дѣлать, онъ показалъ на себѣ самомъ замѣчательною борьбою съ холерою, съ нимъ приключившеюся. Не смотря на сильное развитіе ея (рвота и корчи), онъ вышелъ на каѳедру говорить проповѣдь; говорилъ около часу и въ концѣ почувствовалъ облегченіе, а чрезъ нѣсколько времени и совсѣмъ поправился [3]. Кабанисъ хорошо объясняетъ благотворное дѣйствіе силы воли въ болѣзняхъ, когда говоритъ: „намъ хорошо извѣстно, что вниманіе косвенно можетъ видоизмѣнять мѣстное состояніе органовъ, такъ какъ безъ него поврежденія весьма важныя не производятъ часто ни боли, ни воспаленія, имъ свойственныхъ, и что, напротивъ, усиленное вниманіе къ самымъ бѣглымъ ощущеніямъ можетъ сообщить имъ важное значеніе или даже иногда повлечь за собою настоящія ощущенія безъ дѣйствительной внѣшней причины или объекта, ихъ обусловливающаго“ [4], какъ у ипохондриковъ. Въ этомъ случаѣ, по мѣткому выраженію Либо, отрицать боль, значитъ разрушать ее, не давая ей пищи, которую она часто находитъ во вниманіи [5]. Власть духа надъ тѣломъ посредствомъ силы воли идетъ еще дальше: сообщаютъ еще случаи, когда этимъ способомъ умирающіе отсрочивали свою смерть.

---

[1] Liébeault Thérapeutique suggestive pp. 19—23; ср. *Хэкъ-Тьюкъ*, стр. 349—353. [2] *Хэкъ-Тьюкъ*, стр. 352. [3] *Хэкъ-Тьюкъ*, стр. 352—353. [4] У Liébeault p. 21 (Thérap. suggest). [5] Ibidem, p. 23.

Блестящій примѣръ того, какую невѣроятную власть можетъ имѣть надъ тѣломъ, уже умирающимъ, твердая воля, далъ король Мароккскій Мулей Малюкъ, который, уже лежа на смертномъ одрѣ въ самый день смерти, собралъ послѣднія силы для защиты своего государства противъ португальцевъ и на носилкахъ впереди своего войска выступилъ на встрѣчу врагу. Замѣтивъ, что его войско подается, умирающій Мулей Малюкъ въ сильномъ волненіи задвигался и упалъ съ носилокъ. Указавши на враговъ, онъ приказалъ положить себя на носилки и испустилъ послѣдній вздохъ въ то время, когда мароккцы, замѣтно, стали одолѣвать врага [1].

Наибольшая доля того, что называется психическимъ вліяніемъ, падаетъ на *воображеніе*, и примѣрами чудесной цѣлительной силы именно воображенія изобилуютъ медицинскія и иныя книги [2]. Дѣйствіемъ именно этой силы воображенія или *вѣры* въ исцѣленіе (по Карпентеру expectant attention) хотятъ объяснить всѣ чудесныя исцѣленія при помощи религіозной вѣры. Эту чудесную силу воображенія полагаютъ также въ качествѣ терапевтическаго агента всѣхъ исцѣленій и всякаго успѣшнаго лѣченія внѣ религіозной вѣры, которымъ сознательно и безсознательно пользовались и пользуются вездѣ знахари, цѣлители ѳавматурги (какъ служители Эскулапа въ храмахъ, посвященныхъ ему); въ ней именно получаютъ свою силу разнаго рода талисманы, амулеты, фетиши, заклинанія, заговоры и т. п. средства народной медицины, изобрѣтенной обманомъ, легковѣріемъ и суевѣріемъ. „Какимъ могущественнымъ, чудеса творящимъ, дѣятелемъ является человѣческое воображеніе! восклицаетъ Бернгеймъ. На немъ-то основана терапевтическая сила талисмановъ и амулетовъ. „Начиная съ камней“, говоритъ Шарпиньонъ, „привѣшивавшихся къ нагруднику еврейскаго первосвященника и къ поясу жрецовъ Сибелы; начиная съ камней съ изображеніями жука,

---

[1] Schubert pp. 696—697.

[2] См. указанія на литературу и примѣры у Бернгейма *о гипнотическомъ внушеніи и о примѣненіи его къ леченію болѣзней*, стр. 8; Carpenter pp. 682—688; Perty I, 63—66.

руки, круга, носившихся на шеѣ всѣми жителями Востока, Греками и Римлянами, до камней нашихъ современныхъ дамъ,— всѣ эти предметы изображаютъ собою магическій талисманъ и таинственную силу". Парацельсу, прибавляетъ далѣе этотъ авторъ, „этому великому партизану таинственнаго, извѣстны были причины вліянія амулетовъ и подобныхъ вещей, ибо имъ написаны были слѣдующія правдивыя слова: „пусть предметъ вашей вѣры будетъ дѣйствительный или ложный, послѣдствія для васъ будутъ одни и тѣже; такимъ образомъ, если вѣра моя въ статую св. Петра будетъ такая-же, какъ вѣра въ самого св. Петра, я достигну тѣхъ же эффектовъ, какихъ достигъ бы вѣрою въ самого св. Петра; здѣсь дѣло идетъ о суевѣріи. Совсѣмъ тѣмъ—чудеса творящая вѣра, все равно, истинная-ли эта вѣра, или ложная, она чудеса творить будетъ всегда" [1]. „Но между всѣми моральными причинами, которыя съ помощью воображенія приводятъ въ дѣйствіе мозговой механизмъ возможныхъ исцѣленій, продолжаетъ Бернгеймъ, ни одна не является столь дѣятельной, какъ религіозная вѣра",—[2] и затѣмъ анализируетъ случаи религіозныхъ исцѣленій, особенно въ Лурдѣ. То, что здѣсь разумѣется подъ вѣрою, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ религіозному и богословскому понятію о ней, и съ полнымъ удобствомъ можетъ быть отождествлено съ воображеніемъ, и это должно всегда имѣть въ виду, чтобы правильно понимать предлагаемыя намъ объясненія чудесныхъ исцѣленій. Вѣровать здѣсь всегда значитъ имѣть увѣренность въ выздоровленіи, вызванную воображаемыми, а не дѣйствительными причинами, совершенно недостаточными для выздоровленія. При этомъ, конечно, предполагается, будто прибѣгающіе съ вѣрою къ Божественной помощи непремѣнно имѣютъ такую увѣренность въ своемъ выздоровленіи, и она то именно, а не Божественная сила, совершаетъ исцѣленіе больного, а Божественная сила, такимъ образомъ, въ воображеніи адептовъ психологической теоріи

---

[1] *Бернгеймъ*, стр. 1—2, 7; ср. Skepto p. 92; A. Cullerre Thérapeutique Suggestive, p. 13 f.

[2] *Тамъ же*, стр. 10 и д.

чуда превращается въ воображаемую причину. Мысль о Божествѣ можетъ имѣть лишь постольку значеніе, поскольку вызываетъ и питаетъ увѣренность въ исцѣленіи; но, какъ видѣли, эту увѣренность невѣжество и легкомысліе могутъ связывать съ пустыми и безразличными предметами, съ амулетами, заговорами и т. п. Таковъ смыслъ цитаты, взятой Бернгеймомъ изъ Парацельза. Приводимыя имъ же слова стариннаго автора XVI в. *Петра Помпоначчи* (изъ Милана) еще лучше уясняютъ дѣло. Онъ говоритъ: „легко понять чудесныя послѣдствія, могущія произойти отъ довѣрія и воображенія, особенно, когда они обоюдны между больнымъ и тѣмъ лицомъ, которое на него вліяетъ. Исцѣленія, приписываемыя нѣкоторымъ реликвіямъ, суть дѣйствія этого довѣрія и этого воображенія. Злые языки и философы знаютъ, что если бы на мѣсто костей святыхъ были положены кости всякаго другого скелета, больные тѣмъ не менѣе выздоровѣли-бы, если-бы вѣрили, что приближаются къ истиннымъ реликвіямъ“ [1]. Другими словами, причина исцѣленій полагается не внѣ субъекта, не въ Божественной силѣ, но въ самомъ субъектѣ, въ благотворномъ физическомъ вліяніи вѣры на больной организмъ, и исцѣленіе совершается не *за* вѣру, но *самою вѣрою*. Поэтому гдѣ адепты психологической теоріи находятъ на лицо вѣру и слѣдующее за нею исцѣленіе, тамъ они причину исцѣленія и полагаютъ въ этой самой вѣрѣ, а не внѣ ея, не боясь, вѣроятно, впасть въ извѣстныя заблужденія по формулѣ post hoc, ergo propter hoc... Несомнѣнно, существуетъ категорія исцѣленій или лучше излѣченій силою психическаго вліянія воображенія, и ею только одною, но невѣрующіе врачи безъ околичностей и безъ всякихъ основаній прямо отождествляютъ съ этою категоріею явленій другую, — исцѣленія религіозныя, нигдѣ не дѣлая даже и попытки доказать право на это. Очевидно, теорія принимаетъ напередъ безповоротно рѣшеннымъ дѣломъ, что нѣтъ категоріи, принимаемой вѣрующими, и что здѣсь post hoc, ergo propter hoc совпадаетъ съ истиною.

---

[1] *Хэкъ-Тьюкъ*, стр. 328—329; *Бернгеймъ* 2.

Все это необходимымъ считаю высказать здѣсь не для опроверженія этой теоріи, а для ея уясненія, ознакомленія съ нею. Теорія эта опирается, конечно, на хорошо удостовѣренные факты исцѣленій вѣрою, какъ естественнымъ психическимъ только агентомъ, какъ воображеніемъ, но я хочу поставить на видъ шаткость этой опоры, ея недостаточность безъ предварительнаго оправданія теоріею права подводить всѣ факты подъ одну категорію. Что касается самаго вліянія воображенія на организмъ, то оно доказанный и несомнѣнный фактъ, свидѣтельствуемый каждому и собственнымъ опытомъ и выступающій еще очевиднѣе въ классическихъ случаяхъ, приводимыхъ въ медицинскихъ и другихъ сочиненіяхъ. Больна, должна была, напр., принять прописанное ей лѣкарство и не принявъ уснула; во снѣ ей пригрезилось, что лѣкарство это принято, и это воображаемое лѣкарство оказало дѣйствіе, какъ и настоящее, — и больная выздоровѣла [1]. Хэкъ Тьюкъ приводитъ примѣры излѣченія *скорбута*, *бородавокъ*, *лихорадки* и *ревматизма* дѣйствіемъ одного воображенія, такъ какъ примѣнялись средства совершенно пустыя и безразличныя (по отношенію къ бородавкамъ достаточными оказывались такъ называемыя симпатическія средства, въ существѣ напоминающія *чары*, или же одно словесное внушеніе, увѣреніе въ исчезновеніи болѣзни) [2]. Особенно хорошо такому методу лѣченія поддается перемежающаяся лихорадка: „Волшебныя чары излѣчивали лихорадки, пишетъ одинъ врачъ, когда употреблялись съ глубокимъ убѣжденіемъ, что это наилучшее средство отъ нихъ. Я склоненъ думать, что и паутина, принятая противъ лихорадки, можетъ вылѣчить ее“, — и далѣе говорится объ успѣшномъ употребленіи этого средства въ одномъ случаѣ [1]. Бернгеймъ приводитъ случаи излѣченія паралича и афоніи психотерапевтическою силою воображенія. Одинъ врачъ вздумалъ примѣнить къ больному параличемъ языка, неподдававшимся никакому лѣченію, дѣйствіе инструмента „соб-

---

[1] *Хэкъ Тьюкъ* стр. 329 и т. д. [2] *Тамъ же* 330—331, 332 f. 337—339, 361—364. [3] *Хэкъ Тьюкъ* стр. 338 f.

ственнаго изобрѣтенія, отъ котораго онъ ожидалъ превосходныхъ результатовъ. Прежде, чѣмъ приступить къ операціи, онъ ввелъ больному въ ротъ карманный термометръ. Больной вообразилъ, что это и есть спасительный инструментъ, и по истеченіи нѣсколькихъ минутъ, полный радости, вскричалъ, что онъ можетъ уже вновь свободно владѣть своимъ языкомъ. Между моими наблюденіями я тоже могу сообщить о фактѣ подобнаго же рода. Одна молодая дѣвушка, поступившая ко мнѣ въ клинику, страдала почти 4 недѣли полной нервной афоніей. Высказавъ этотъ діагнозъ, я говорю ученикамъ моимъ, что нервная афонія иногда мгновенно уступаетъ электризаціи, которая можетъ дѣйствовать просто своимъ внушеннымъ вліяніемъ. Я посылаю за индуктивнымъ аппаратомъ и прежде, чѣмъ къ нему прибѣгнуть, я намѣреваюсь испытать простое внушеніе посредствомъ увѣренія. Я прикладываю свою руку къ ея гортани, произвожу по ней нѣкоторыя движенія и говорю: „Теперь вы можете уже говорить громко“. Чрезъ мгновеніе я заставляю ее послѣдовательно произносить: а, потомъ в, затѣмъ Marie. Она продолжаетъ отчетливо говорить: афонія исчезла“ [1]. Вообще, терапія безразличныхъ средствъ особенно наглядно именно доказываетъ психотерапевтическое значеніе воображенія. Таковыми являются магнитотерапія (лѣченіе прикладываніемъ магнитовъ), металлотерапія и тракторизмъ (прикладываніе металлическихъ снарядовъ Perkins'a). Хэкъ Тьюкъ дѣйствіе тракторизма во многихъ случаяхъ излѣченія ревматизма приписываетъ воображенію [2], а *Бернгеймъ* точно также объясняетъ дѣйствіе магнитотерапіи и металлотерапіи [3]. Особенно удачными представляются примѣры, приводимые Либо въ доказательство цѣлительной силы воображенія. „Одна изъ моихъ старыхъ кліентокъ страдала сильною зубною болью, которую не успокоивали никакія средства, пока отъ кого-то не получила однажды слѣдующаго рецепта: каждый понедѣльникъ обрѣзывать себѣ ногти... Едва лишь она начала примѣнять это средство, какъ, о чудо, болѣзнь ея исчезла!

---

[1] *Бернгеймъ* стр. 9. [2] *Хэкъ Тьюкъ* стр. 359—365 ср. 354—357. [3] *Бернгеймъ* стр. 2—6.

Съ того времени она заботливо продолжала это лѣченіе и, хотя почти всѣ зубы были испорчены, она уже 22 года ими не страдала“ [1].

Наконецъ, значеніе вѣскаго доказательства и наглядной иллюстраціи цѣлительной силы воображенія слѣдуетъ, безъ всякаго сомнѣнія, приписать достовѣрнымъ разсказамъ о разныхъ древнихъ и новыхъ цѣлителяхъ. Въ старину, да и теперь зачастую въ простонародьѣ, эту необыкновенную способность приписывали дѣйствію діавола и въ цѣлителяхъ видѣли колдуновъ; иногда общій народный голосъ считалъ ее даромъ Божіимъ. Но документированныя исторіи нѣкоторыхъ цѣлителей, какъ знаменитый ирландецъ *Гритрексъ* XVII в. и *Гасснеръ*, католическій священникъ XVIII в., даютъ ясныя указанія относительно истинной природы и естественнаго характера этого рода исцѣленій (возложеніемъ рукъ, словеснымъ внушеніемъ и т. п.) [2]. Любопытную страницу въ исторіи естественнаго цѣлительства занимаютъ такъ называемыя: „исцѣленія королевскимъ прикосновеніемъ“ въ старой Англіи и Франціи. По упорному общенародному повѣрію даръ цѣлебный принадлежалъ каждому королю, какъ одна изъ прерогативъ его королевскаго положенія, а прикосновеніе больныхъ къ королю было обычнымъ народнымъ правомъ; поэтому отказъ Вильяма III въ этомъ правѣ больнымъ его подданнымъ, какъ сообщаетъ Маколей въ своей „Исторіи“, произвелъ большое волненіе въ народѣ и въ научныхъ сферахъ, а богословамъ и ученымъ врачамъ того времени это послужило поводомъ серьезнаго обсужденія вопроса о „чудесныхъ свойствахъ королевской руки“. Какъ тѣ, такъ и другіе приводили доводы въ пользу народной вѣры. Излѣченія королевскимъ прикосновеніемъ были такъ многочисленны и мгновенны, что они не могли, какъ думали врачи, быть отнесены къ есте-

---

[1] Liébeault Thérapeutique suggetive p. 25, см. 23—25.

[2] Такого рода документированныя свѣдѣнія о Гритрексѣ и Гасснерѣ см. у Louis Figuer Histoire du Merveilleux t. III, p. p. 128—144, извлеченія отсюда см. у проф. *А. Н Гилярова* стр. 308—314; ср. *Бернгейма* стр. 7.

ственной причинѣ. Оказалось, что Карлъ II въ теченіе своего царствованія совершилъ около ста тысячъ прикосновеній, а Іаковъ, въ одно изъ своихъ путешествій, одновременно въ Честерскомъ соборѣ „прикоснулся“ (touched) до восьми сотъ лицъ [1]. Для выясненія природы разсматриваемаго цѣлительства прекрасно можетъ служить сообщеніе извѣстнаго нашего публициста — славянофила *И. С. Аксакова* объ исцѣленіяхъ кликушъ, совершенныхъ имъ самимъ въ Курскѣ, на коренной ярмаркѣ 1854 г. И. С. Аксаковъ пишетъ отцу (въ 3 т. переписки): „въ прошедшую пятницу, когда я часа два толпился въ народѣ, ожидая крестнаго хода, терзали мой слухъ безпрерывные клики кликушъ въ разныхъ концахъ площади... Прошелъ цѣлый часъ. Кликуши не умолкали. Мнѣ стало ихъ очень жалко, особенно одну, стоявшую невдалекѣ: цѣлый часъ мучиться такимъ образомъ—очень тяжело... Мнѣ пришло въ голову, что не умѣютъ взяться, чтобы прекратить этотъ нервическій припадокъ, что, можетъ быть, мнѣ бы и удалось, и хотя я долго не рѣшался выступить предъ толпу зрителей, однако-жъ мнѣ показалось просто грѣшно не попробовать, и, побѣдивъ свою застѣнчивость, я пробился сквозь толпу къ кликушѣ, которая,—женщина лѣтъ 45—и кричала, и молола всякій вздоръ, и прыгала, и хохотала стоя. Сначала, подойдя къ ней, я погрозилъ ей пальцемъ и приказалъ замолчать. Она вытаращила на меня глаза и снова принялась за свое. Я взялъ ее за голову, сталъ ее гладить, ласкать всякими словами, успокоивать и крестить. Она становилась тише, тише, наконецъ утихла; я продолжалъ ее крестить; она тихо заплакала, потомъ вздохнула и сама стала креститься, а съ нею вмѣстѣ и вся толпа. Потомъ благодарила меня отъ души. Я сдалъ ее сыну и велѣлъ вывести на просторъ. Все это происходило очень быстро, потому что я самъ былъ очень взволнованъ. Только оглянувшись, замѣтилъ я, какое дѣйствіе все это произвело въ народѣ. Толпа разступилась передо мной съ такимъ почтеніемъ, что я готовъ былъ провалиться сквозь землю и искренно испугался, чтобы не сочли меня за какого-

[1] См. у Carpenter'a p. 685—689, ср. *Хэкъ-Тьюка* стр. 343—345.

нибудь одареннаго даромъ изгонять бѣсовъ. „Батюшка—вотъ эту! батюшка — вотъ эту!“ послышалось въ толпѣ и съ разныхъ сторонъ потащили ко мнѣ этихъ несчастныхъ. „Подите прочь,—кричалъ я,—я вѣдь такой же, какъ и всѣ“... Но дѣлать было нечего и совѣстно съ другой стороны стало мнѣ не попробовать успокоить и другую, которая кричала, указывая на меня: „вотъ, вотъ, кто мнѣ поможетъ!“ И. С. Аксакову въ этотъ же день пришлось успокоить еще нѣсколько кликушъ, находившихся въ самомъ неистовомъ припадкѣ [1].

Всѣ приведенные и имъ подобные факты, конечно, говорятъ объ огромной роли психическаго вліянія вообще и воображенія особенно въ лѣченіи болѣзней. Какое употребленіе сдѣлали изъ нихъ медицина и шарлатанство, мы видѣли. Но не одни врачи и знахари-цѣлители воспользовались ими, — своеобразное примѣненіе издавна давалось имъ въ области богословія отрицательною раціоналистическою критикою: они служили опорою естественной теоріи библейскихъ чудесъ, или однимъ изъ способовъ ихъ естественнаго объясненія. Что въ чудесахъ Іисуса Христа не поддавалось естественному физическому объясненію по способу Павлюса, или же мнѳическому по способу Штрауса, то находили удобнымъ относить на долю психическаго вліянія, и эта доля оказывается весьма большою. Психическимъ воздѣйствіемъ объясняются всѣ исцѣленія бѣсноватыхъ, которые для раціоналистовъ-богослововъ только истерическіе больные, и большинство другихъ исцѣленій (у Штрауса, напр., замѣтно колебаніе по отношенію къ исцѣленіямъ нѣмыхъ, глухихъ, слѣпыхъ и прокаженныхъ). Для такого объясненія раціонализмъ приводитъ основанія какъ фактическія изъ разсмотрѣнной нами области, такъ и теологическія, библейско-экзегетическаго характера. Важнѣйшее въ послѣднемъ отношеніи соображеніе встрѣчается почти у всѣхъ богослововъ и формулируется одинаково. Согласно общему среди евреевъ вѣрованію Мессія долженъ былъ обладать необыкновенною чудодѣйственною силою, и потому чудеса разсматривались какъ одинъ изъ важнѣйшихъ призна-

[1] Извлеч. изъ газеты «*День*» 1893 г № 1646.

ковъ царствія Божія. І. Христосъ раздѣлялъ это общее народное вѣрованіе и самъ признавалъ въ Себѣ эту силу. Но обстоятельство это раціонализмъ эксплуатируетъ въ пользу свою, а какъ—достаточно напомнить здѣсь приводившіяся ранѣе слова Помпоначчи: „Легко понять чудесное дѣйствіе, какое оказать могутъ вѣра и воображеніе, въ особенности когда эти послѣднія взаимно бываютъ какъ у больныхъ, такъ и у того, который на нихъ дѣйствуетъ...“

Теорія съ психическимъ или, точнѣе, съ психофизіологическимъ изъясненіемъ чудесъ принадлежитъ выдающимся богословамъ и корифеямъ раціонализма: ее раздѣляютъ Павлюсъ, Штраусъ, Шлейермахеръ, Газе, Ренанъ, Шенкель, Неандеръ, Ротэ, Кеймъ, Гриммъ, Аммонъ и др. [1]; однимъ словомъ ее вполнѣ можно признать популярною въ средѣ такъ наз. отрицательной критики, и къ сожалѣнію обстоятельства складываются въ ея пользу какъ нельзя болѣе. Если популярность психофизіологической теоріи прежде основывалась на блестя-

---

[1] См. въ соч—іяхъ: Dr Paulus Leben Iesu als Grundlage einer reinen Geschichte des Urchristenthums. 2 Bde 1828 и Exegetisches Handbuch über die drei ersten Evangelien. 3 Bde 1830—1833; Keim Geschichte Iesu von Nazara. 3 Bde, Zurich 1871, pp. 159—161 (допускаетъ и другіе факторы въ исцѣленіяхъ), Dr. Strauss Das Leben Iesu 6-te Aufl Bonn 1891, B. I, 337—340, B. II, 134—182; Ammon Die Geschichte des Leben Iesu 2 Bde. Leipzig 1842, Dr. Neander Das Leben Iesu Christi. Gotha 1874, p. 176 ff.; E. Renan Vie de Iésus. Paris 1863, pp. 259—261, 261 ff.; Dr. K. Hase Geschichte Iesu. Zweite Aufl. Leipzig 1891, pp. 425—432 (сжато и полно излагается аргументація теоріи); о *Шлейермахерѣ* можно см. свящ. Т. Буткевича *Жизнь Господа нашего Іисуса Христа*. Москва 1883, стр. 329—332 (нѣчто въ родѣ опыта критики психо-физіологической теоріи.); Grimm Die Glaubwurdigkeit der evangelischen Geschichte. Iena 1845, pp. 87—104, 104—108, 108—112, 112—117. Необходимо замѣтить, что въ началѣ этого столѣтія, когда цѣлебную силу гипнотизма, извѣстнаго тогда подъ именемъ мессеризма или животнаго магнетизма, объясняли дѣйствіемъ произвольной и непроизвольной передачи магнитной силы отъ магнетизера медіуму, и исцѣленія евангельскія сообразно съ этимъ объяснялись на почвѣ этой теоріи животнаго магнетизма, особ. у Weisse Die evangelische Geschichte 2 Bde Leipzig 1838 (о другихъ см. у Keim'a II, 157; Winer'a I, 572 A. Jesus); опроверженіе вообще психо-физіологической теоріи съ богословской точки зрѣнія находимъ у B. Weiss Das Leben Iesu 2 Bde. Berlin 1888, B. I, 446—455.

щихъ именахъ ея представителей, то теперь содѣйствуетъ ея широкому распространенію или популярности медицинская наука въ лицѣ такихъ выдающихся корифеевъ ея, какъ Шарко. И въ медицинѣ, именно—терапіи, въ настоящее время, какъ мнѣ приходилось ранѣе замѣтить, совершается значительный переворотъ, можно сказать, важная реформа, вслѣдствіе общаго и рѣшительнаго признанія господствующаго значенія и особенныхъ правъ за принципомъ психическаго вліянія въ терапіи, признанія если не высшаго, то одинаковаго значенія за *психотерапіею* наряду съ матеріальною или *физическою терапіею*, терапіею лѣкарственныхъ веществъ (la thérapeutique des remèdes). „Власть мысли надъ тѣломъ выше даже дѣйствія самыхъ сильныхъ лѣкарствъ“ (le pouvoir de la pensée est supérieur même à l'action des remèdes les plus héroïques)—вотъ заявленіе Либо, весьма вѣрно отражающее господствующую тенденцію и направленіе современной терапіи [1]. „Теперь уже доказано, что духъ болѣе властно вліяетъ на тѣло, чѣмъ тѣло на духъ. Мы, медики, волей неволей должны сознаться, что болѣе 50% терапевтическихъ эффектовъ въ лѣченіи больныхъ нужно отнести на результатъ вѣры больного во врача, на результатъ внушенія и т. д., а если это такъ, то и задача терапіи или лѣченія въ нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ должна уже лежать не только въ разработкѣ физико-механической и химической терапіи, не только въ изученіи вліянія вещественныхъ медикаментовъ на организмъ, но еще кромѣ того, въ обширной и еще непочатой, какъ слѣдуетъ, области психическихъ вліяній“ — вотъ другое заявленіе медика, вѣрно изображающее положеніе дѣла [2]. Не ясно ли, что медики подаютъ здѣсь руку богословамъ-раціоналистамъ въ употребленіи или, лучше, злоупотребленіи, какое они дѣлаютъ изъ принципа психическаго вліянія въ объясненіи чудесъ? Но настоящимъ торжествомъ своимъ въ медицинѣ самое

---

[1] Liébeault Sommeil et des états analogues p. 341; ср. 479 f., 513—514; Thérapeut. suggestive p. 19.

[2] Др. мед. Н. Я. Пясковскаго. *Гигіена и мораль*. Публичная лекція 2 апр. 1894 г. Курскъ 1894, стр. 11—12.

начало это обязано не чему иному, какъ именно гипнотизму. Очевидно, что и въ богословіи психофизіологическое изъясненіе чудесныхъ исцѣленій или отрицаніе чуда не замедлитъ обосноваться на почвѣ фактовъ гипнотизма, ему благопріятствующихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что также очевидно, неизбѣжнымъ станетъ серьезное вниманіе богослововъ къ гипнотизму, на почвѣ котораго имъ придется считаться съ раціонализмомъ.

Гипнотизмъ даетъ въ высшей степени наглядное, убѣдительное и общедоступное доказательство необыкновенной власти духа надъ тѣломъ и средство къ экспериментальному изученію природы и способовъ дѣйствія ея въ различнаго рода органическихъ внушеніяхъ, съ одной стороны—патологическихъ (какъ контрактуры, параличи, нарывы, стигматы), съ другой въ терапевтическихъ или въ такъ называемой *гипнотерапіи* (лѣченіи болѣзней внушеніемъ), представляющей собою лишь одинъ изъ пріемовъ или видовъ психотерапіи. Психическое вліяніе и ранѣе, конечно, можно было изучать какъ по собственному опыту, такъ и въ классическихъ фактахъ его, заносившихся въ лѣтописи медицины. Но въ гипнотизмѣ оно стало доступнѣе для изученія и кромѣ того проявляется въ болѣе поразительныхъ формахъ, благодаря примѣненію къ этой цѣлебной силѣ правильныхъ терапевтическихъ методовъ. Кто сомнѣвается въ громадной цѣлебной силѣ вѣры, тотъ обличенъ будетъ воочію совершающимся въ многочисленныхъ гипнотерапевтическихъ клиникахъ, какъ клиника Шарко въ Парижѣ, знаменитый Сальпетріеръ, клиника Бернгейма въ Нанси, Ветерштранда въ Стокгольмѣ, Ванъ-Эйдена въ Амстердамѣ и т. д. Отовсюду стекаются сюда во множествѣ разнаго рода больные, особенно паралитики, хромые, слѣпые, скорченные, глухіе, нѣмые, истеричные, даже чахоточные,—и одни получаютъ облегченіе, а другіе—совершенное исцѣленіе!.. У *Бернгейма* изъ общаго числа 105 случаевъ, о которыхъ онъ дѣлаетъ сообщеніе въ одной книгѣ („О гипнотическомъ внушеніи“ и т. д.) 93 случая—полнаго выздоровленія или исцѣленія, 10—улучшенія, 2—съ неизвѣстными результатами; а изъ 170 случаевъ по сообщенію другой книги (Hypnotisme, Suggestion et Psychothérapie) 131 приходится на долю полнаго

выздоровленія; у Rengier'a на общее число случаевъ 208 падаетъ 73 исцѣленій, 83—улучшенія, 47—значительныхъ, 36—легкихъ, 40—безъ результатовъ, 12—съ неизвѣстными результатами; у *Льюиса* на 128 приходится 67 исцѣленій, 51—облегченій, 10—безъ результата; у *Ванъ-Эйдена* на 414 показано 100 случаевъ полнаго выздоровленія, 190 улучшеній, 92—легкихъ, 98—значительныхъ, 71—безъ результата, 53—съ неизвѣстнымъ результатомъ [1]. Веттерштрандомъ опубликовано о 718 случаяхъ примѣненія внушенія къ леченію самыхъ разнообразныхъ болѣзней. Оно дало у него самые блестящіе результаты, т. е. *радикальное излѣченіе*, въ примѣненіи къ такимъ болѣзнямъ, какъ: головныя боли, невралгіи, безсонница, эпилепсія психическаго происхожденія, хорея, заиканье, неврастенія или общая нервная слабость, легкіе психозы или функціональные психическіе неврозы, истерія, алкоголизмъ, морфинизмъ, бѣлп и проч.; *улучшеніе*—въ ревматизмахъ, параличахъ органическаго происхожденія, въ чахоткѣ даже и въ др. болѣзняхъ [2].

На какія же болѣзни вообще простирается успѣшное дѣйствіе гипнотерапіи? По своему происхожденію болѣзни въ патологіи дѣлятся на двѣ главныя группы: на *органическія* и *симптоматическія* или *функціональныя*. Органическія возникаютъ вслѣдствіе анатомическаго и физико-химическаго видоизмѣненія въ органахъ тѣла, нарушенія въ питаніи тканей его, измѣненія ихъ свойствъ (напр. состава крови, лимфы и т. п.); это болѣзни самыхъ органовъ, таковы напр. ракъ, чахотка, проказа и проч. *Симптоматическими* болѣзнями называются такія, при которыхъ не замѣчается никакихъ матеріальныхъ измѣненій въ тѣлѣ, каковы, напр., истерическія невралгіи, судороги, анестезія и т. п. Въ этихъ случаяхъ соотвѣтствующій извѣстной функціи органъ здоровъ, но разстройство касается именно его функціи или отправленія, зависящаго отъ чувствительныхъ и двигательныхъ нервовъ. Вслѣд-

[1] См. о статистикѣ гипнотерапіи у Cullerr'a, pp. 42 f.

[2] См. Dr. Otto Wetterstrand. *Гипнотизмъ и его примѣненіе къ практической медицинѣ*. Пер. съ нѣм. С. П. Даль. Москва 1893, напр.: стр. 35, 54, 70, 93.

ствіе различныхъ причинъ, иногда неизвѣстныхъ, вслѣдствіе какихъ-нибудь психическихъ вліяній, отраженнаго симпатическаго дѣйствія болѣзни въ какомъ-нибудь органѣ, или поврежденій въ соотвѣтствующихъ нервныхъ центрахъ дѣятельность нервовъ можетъ быть неправильною, то слишкомъ возбужденною, то слишкомъ слабою, или же совсѣмъ прекратиться временно, а иногда навсегда. Такъ при совершенно здоровомъ состояніи глаза зрительный нервъ при извѣстныхъ условіяхъ перестаетъ функціонировать, т. е. проводить впечатлѣнія въ головной мозгъ,—и получается *амавроз*ъ, т. е. слѣпота (если слѣпота происходитъ вслѣдствіе анатомическаго поврежденія органа зрѣнія, или атрофіи нерва зрительнаго, то она является уже болѣзнью не нервною, но органическою). Зрительный нервъ функціонируетъ, допустимъ, слабо—и вотъ готовъ новый „неврозъ“—*амбліопія* (слабость зрѣнія, весьма обычная у истеричныхъ). Если разстраивается функціональная дѣятельность чувствительныхъ нервовъ, то происходятъ разстройства въ области чувствительной, какъ слѣпота, глухота, невралгіи, геміанестезія и т. д.; если неправильно функціонируютъ нервы двигательные, то это влечетъ за собою разстройства въ области двигательной, какъ двигательные параличи разнаго рода, контрактуры всевозможныхъ формъ и т. п. Если двигательный нервъ перестаетъ функціонировать, то происходитъ параличъ; если нервы мускуловъ произвольнаго движенія почему-нибудь не подчиняются болѣе нашей волѣ—мы получаемъ новый неврозъ въ родѣ хореи, конвульсій клоническихъ и тоническихъ и т. п. Изъ сказаннаго совершенно понятно, почему симптоматическія болѣзни извѣстны также подъ названіемъ функціональныхъ нервныхъ разстройствъ или просто неврозовъ; это все болѣзни не самыхъ органовъ, но разстройства въ соотвѣтственной имъ части нервной системы динамическаго характера. Изъ сказаннаго такъ же и для неспеціалистовъ можетъ быть до нѣкоторой степени ясно, что сфера неврозовъ или болѣзней нервнаго происхожденія должна быть очень обширною, а также и то, что въ діагнозѣ болѣзней весьма возможны ошибки, т. е. смѣшеніе органическихъ болѣзней съ нервными и всего чаще, нервныхъ съ органическими, какъ

напр. засвидѣтельствованы случаи смѣшенія опухолей истерическаго происхожденія съ опухолями раковыми (Шарко). Такимъ образомъ, вышепоставленный вопросъ касательно сферы примѣненія гипнотерапіи и объ ея границахъ или *о границахъ цѣлебной силы внѣ* сводится къ болѣе частному вопросу: какія изъ двухъ указанныхъ группъ болѣзней и въ какой степени подлежатъ вѣдѣнію гипнотерапіи и психотерапіи вообще? Современная медицина, во главѣ съ проф. Шарко, единогласно высказывается въ пользу функціональныхъ нервныхъ разстройствъ и въ границахъ только ихъ приписывается психотерапіи полный успѣхъ, хотя не отрицается пользы ея и въ органическихъ болѣзняхъ; но въ то время, какъ гипнотерапія въ области неврозовъ празднуетъ полный тріумфъ свой, т. е. даетъ совершенное исцѣленіе, въ области органическихъ болѣзней она одерживаетъ незначительныя частичныя побѣды, дѣйствуя не прямо на болѣзнь, а на ея симптомы, т. е. улучшая болѣзнь, но не устраняя ея. Разумѣется, здѣсь, въ рѣшеніи вопроса о предѣлахъ гипнотерапіи, существуетъ много оттѣнковъ и направленій, такъ одни, какъ школа Шарко, съуживаютъ область гипнотерапіи и ограничиваютъ ее исключительно неврозами, да и здѣсь не безъ оговорокъ (признаютъ ее въ иныхъ случаяхъ даже вредною), а другіе стараются какъ можно болѣе раздвинуть границы ея, какъ школа Нансійская Бернгейма и Либо. Но всѣ сходятся въ одномъ пунктѣ,— въ признаніи особеннаго значенія и пригодности психотерапіи въ области неврозовъ, часто не поддающихся обычнымъ средствамъ медицины, гдѣ, по выраженію Бернгейма, въ нѣкоторыхъ случаяхъ внушеніе творитъ чудеса. Приведемъ мнѣнія по этому вопросу, принадлежащія выдающимся ученымъ врачамъ. „Терапевтическая область гипнотическаго внушенія среди функціональныхъ разстройствъ нервной системы, говоритъ *Крафтъ—Эбингъ*, безгранична... Я считаю гипнотическое внушеніе драгоцѣннымъ обогащеніемъ терапіи функціональныхъ нервныхъ разстройствъ“. [1] „И такъ, заключаетъ

---

[1] Dr. Крафтъ—Эбингъ Экспериментальное изслѣдованіе въ области гипнотизма. Пер. со 2 нѣмец. изд. Спб. 1881, стр. VII, 86.

свое изслѣдованіе *Веттерштрандъ*, на вопросъ—какія же болѣзни лучше всего поддаются лѣченію внушеніемъ?—отвѣтомъ будетъ: функціональныя нервныя разстройства. Эта область является настоящимъ тріумфомъ психотерапіи... Функціональныя нервныя болѣзни составляютъ преобладающую часть заболѣваній, представляющихся въ каждодневной практикѣ, и здѣсь, какъ сказано, психотерапія встрѣчаетъ благодарнѣйшую почву для своего примѣненія. Всѣ до сихъ поръ употреблявшіеся методы леченія этихъ болѣзней, описанныя, напр., въ новѣйшей лежащей въ данный моментъ передъ нами работѣ (Robson Roose), не даютъ особенныхъ результатовъ, увеличивая этимъ значеніе психотерапіи. Кромѣ того она находитъ себѣ примѣненіе при многихъ своеобразныхъ психическихъ состояніяхъ, которыя вмѣстѣ съ de Long'омъ можно назвать функціональными психическими неврозами. При всѣхъ болѣзняхъ, сопровождающихся ослабленіемъ воли, гдѣ требуется укрѣпленіе ея, психотерапія можетъ оказать громадныя услуги“ [1]. *Кюллеръ* держится мнѣнія, что „гипнотическое внушеніе найдетъ себѣ особенное примѣненіе въ функціональныхъ неврозахъ. Здѣсь безъ всякаго сомнѣнія его настоящая область“ [2]. Школа Нансійская, во главѣ съ Бернгеймомъ и Либо, расширяетъ область психотерапіи, доказывая ея пригодность и въ органическихъ болѣзняхъ. По Бернгейму она находитъ себѣ примѣненіе не только „въ истеріи, въ неврозахъ, въ чисто функціональныхъ нервныхъ болѣзняхъ“, но и въ „органическихъ страданіяхъ нервной системы, въ случаяхъ хроническаго сочленоваго ревматизма, желудочныхъ страданій и проч.“ [3] Въ этомъ случаѣ однако не утверждается, чтобы внушеніе дѣйствовало прямо на больной органъ. Оно дѣй-

---

[1] Веттерштрандъ стр. 358.

[2] Cullerre p. 53, см. литер. вопр. 55—52; ср. Dr. Sallis'a *Гипнотическія внушенія, ихъ сущность, клиническое и судебно-медицинское значеніе*. Пер. съ нѣм. д-ра Шмигельскаго. Ѳеодосія 1888, стр. 32 и д.; Проф. O. Rosenbach'a *О психическомъ лѣченіи внутреннихъ болѣзней*. Пер. съ нѣм. Спб. 1892, стр. 11—14.

[3] Бернгеймъ стр. 295; а Либо см. Le sommeil etc. p. 328, 450.

ствуетъ на органъ не прямо, а чрезъ посредство его функцій: дѣйствуя благотворно на функціи, внушеніе тѣмъ самымъ содѣйствуетъ выздоровленію и самого органа (стр. 295—300). Собственно, и обычная матеріальная терапія состоитъ не столько въ прямомъ дѣйствіи на органъ, сколько на его функціи. „Наши обыкновенныя терапевтическія средства, говоритъ Бернгеймъ, заключаются въ томъ, чтобы поставить организмъ въ наилучшія условія, при которыхъ можетъ совершиться restitutio ad integrum; мы прекращаемъ боль, измѣняемъ функцію, ставимъ данный органъ въ состояніе покоя, успокаиваемъ лихорадку, замедляемъ пульсъ, вызываемъ сонъ, усиливаемъ секреторную и экскреторную дѣятельность и, поступая такимъ образомъ, мы даемъ возможность исцѣлительницѣ природѣ или, говоря языкомъ современнымъ, мы даемъ возможность дѣйствію силъ и свойствъ, присущихъ біологическимъ элементамъ, выполнять свою работу. Находящіеся въ нашемъ распоряженіи терапевтическіе агенты суть не что иное, какъ функціональныя лѣчебныя средства. Внушеніе также представляетъ могучее функціональное лѣчебное средство“ [1]. Въ этомъ то именно и заключается его терапевтическое значеніе. Конечно, примѣненіе внушенія въ органическихъ болѣзняхъ не всегда возможно,—оно невозможно въ случаѣ полнаго разрушенія органа, потому что тогда у него прекратились бы и функціи; такъ никакимъ внушеніемъ нельзя возвратить двигательной способности въ гемиплегіи при полномъ разрушеніи геморрагіею внутренней бѣлой капсулы. „И внушеніе, какъ и другія медицинскія средства, не возстановитъ функціи, необходимый органъ которой не существуетъ уже [2]. Но внушеніе при частичномъ разрушеніи органа, напр. если геморрагія пощадила нѣкоторыя проводящія волокна, недѣйствующія по недостатку стимула, можетъ получить значеніе. Бернгеймъ не претендуетъ на полное и совершенное исцѣленіе органическихъ болѣзней внушеніемъ. „Я констатирую только на основаніи наблюденія, говоритъ онъ, что внушенная

---

[1] *Бернгеймъ* стр. 296 [2] *Бернгеймъ* стр 297.

терапія оказывается иногда несомнѣнно полезною въ подобнаго рода болѣзняхъ“ [1]. Далѣе Бернгеймъ примѣрами поясняетъ пользу внушенія въ органическихъ болѣзняхъ, доставляемую возстановленіемъ нарушенной функціи органа и смягченіемъ боли въ немъ (стр. 299). Онъ ссылается на Дельбёфа, который „путемъ остроумныхъ опытовъ показалъ, что рана отъ ожога, напр., вызываетъ меньшую воспалительную реакцію, и рубцуется скорѣе, если предварительно сдѣлать ее нечувствительною при помощи внушенія“. „Боль“, говоритъ этотъ выдающійся психологъ, „заставляетъ пациента думать о своей болѣзни; думая же о болѣзни, онъ этимъ усиливаетъ ее. Гипнотизмъ, разсѣевая это вниманіе, оказываетъ этимъ вліяніе, противоположное вліянію боли; онъ ослабляетъ болѣзнь тѣмъ, что отвлекаетъ отъ нея наше вниманіе“ [2]. Бернгеймъ резюмируетъ свою теорію въ слѣдующихъ словахъ: „внушеніе лѣчитъ болѣзнь, вліяя на какой-либо изъ ея симптомовъ; прекращеніе болѣзненнаго симптома благотворно можетъ отразиться и на весь патологическій процессъ, всѣ элементы котораго находятся во взаимной между собою зависимости. А въ чемъ иномъ состоитъ обычная терапія? Опіумъ, хининъ, салициловая соль, фрикціи, отвлеченія, мушки, массажъ, электричество лѣчатъ-ли какъ нибудь иначе болѣзнь, какъ своимъ вліяніемъ на ея болѣзненные симптомы? Много ли у насъ медицинскихъ средствъ, которыя обладали бы свойствомъ прямо измѣнять матеріальное поврежденіе? Только возстановленіе функціи ведетъ къ органическому возстановленію, если послѣднее возможно“ [3]. Таковы предѣлы психотерапіи въ теоріи Бернгейма. Всѣ другіе только повторяютъ и развиваютъ основную мысль ея, высказанную такъ ясно и, повидимому, убѣдительно. *Веттерштрандъ*, напр., нашелъ полезнымъ примѣненіе внушенія въ наружныхъ механическихъ поврежденіяхъ органовъ, какъ ушибы, вывихи, травматическіе синовиты и т. п., „вообще поврежденія, сопровождающіяся сильными болевыми ощущеніями. Уничтожая послѣднія помощью гипнотическаго внушенія, мы такимъ образомъ устраняемъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ болѣзни

[1] *Тамъ же* стр. 298. [2] Стр. 299 и далѣе. [3] Стр. 300.

и, благодаря этому, нарушенная функція быстро, иногда даже моментально, возстановляется", и далѣе это поясняется примѣрами изъ гипнотической практики [1]. *Хэкъ Тьюкъ* думаетъ, что „душевное вліяніе имѣетъ наклонность дѣйствовать на тяжелыя и ясно опредѣленныя органическія болѣзни „чрезъ посредство душевнаго настроенія, которое „могущественно вліяетъ на кожу, почки и кишки" [2]... Такимъ образомъ школа Нансійская широко раздвигаетъ область гипнотерапіи, распространяя ее, какъ Бернгеймъ, даже на болѣзни съ органическимъ поврежденіемъ нервныхъ центровъ. Школа Шарко, напротивъ, ограничиваетъ примѣненіе гипнотизма исключительно областью истеріи, на почвѣ которой обыкновенно развиваются разнообразные неврозы. Кюллеръ объясняетъ мнѣніе Бернгейма ошибками въ діагнозѣ болѣзней истерическаго происхожденія, весьма часто поддѣлывающихся подъ органическія, какъ установлено это проф. Шарко [3]. Истерія—вотъ единственная область, гдѣ оказываетъ полное свое патологическое и цѣлебное дѣйствіе внушеніе или вѣра! Въ дѣйствительности однако и школа Шарко ничуть не менѣе Нансійской расширяетъ область внушенія на практикѣ, когда дѣло касается объясненія чудесныхъ исцѣленій. Пользуясь вышеуказанною трудностью діагноза истерическихъ болѣзней, почти совершеннымъ отсутствіемъ точныхъ критеріевъ вообще для различенія болѣзней нервныхъ и органическихъ, прикрываясь, наконецъ, неопредѣленностью, неясностью ученія объ истеріи, еще неразгаданной и неразъясненной въ медицинѣ, школа Шарко имѣетъ

---

[1] *Веттерштрандъ* стр. 149—150, obs. 126—128; такимъ же образомъ внушеніе значительно облегчало и улучшало состояніе больныхъ чахоткою см. стр 105—111.

[2] Хэкъ Тьюкъ *Духъ и тѣло* стр. 385; ср. В. Вундта *Гипнотизмъ и внушеніе* стр. 71, гдѣ авторъ говоритъ въ пользу чрезвычайной важности новаго терапевтическаго метода во внушеніи. Этотъ методъ цѣнность свою имѣетъ не только въ одной области органическихъ болѣзней: „дѣйствіе внушенія, говоритъ Вундтъ, на выдѣлительные и сосудодвигательные процессы все же оказываетъ такое вліяніе на функціи питанія, которое по своимъ послѣдствіямъ простирается гораздо дальше этой области прямого функціональнаго воздѣйствія". Заявленіе это важно какъ голосъ человѣка ученаго, чуждаго увлеченію гипнотизмомъ, хотя и неспеціалиста въ вопросѣ.

[3] *Cullerre* p. 36—37.

полную возможность и право съ своей точки зрѣнія объявлять по произволу органическія болѣзни нервными или истерическими, какъ это и дѣлается [1]. Адепты этой школы непосвященнымъ въ тайны ея медицины даютъ основанія подозрѣвать, что на дѣлѣ они располагаютъ лишь однимъ рѣшительнымъ критеріемъ для отличенія органическихъ разстройствъ отъ нервозовъ: всякая болѣзнь, исцѣленная внушеніемъ или вѣрою, есть истерическій неврозъ, а не органическое разстройство. Весь ихъ діагнозъ можетъ быть сведенъ къ слѣдующему разсужденію, лежащему въ его основѣ: такая-то и такая-то болѣзнь есть органическая и не излѣчивается внушеніемъ или психическимъ вліяніемъ, а если излѣчивается психическимъ вліяніемъ—то она истерическая... Однимъ словомъ и въ школѣ Шарко границы гипнотерапіи чрезвычайно удобоподвижныя и, пожалуй, мнимыя, и дѣленіе болѣзней на исцѣлимыя и неисцѣлимыя вѣрою или внушеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ также является мнимымъ.

Таковы показанія медицинской практики, какъ видимъ не вполнѣ ясныя и безспорныя, касательно границъ той области, въ которой „вѣра совершаетъ (надъ больными) чудеса“... Во всякомъ случаѣ область эта здѣсь изображается или представляется чрезвычайно обширною, если не безграничною.

Теоретическія понятія и идеи, господствующія въ современной медицинѣ, нисколько не менѣе, если не болѣе фактовъ, способствуютъ разширенію границъ психотерапіи; теорія подтверждаетъ здѣсь практику. Это именно тѣ теоріи, въ которыхъ, обыкновенно, разъясняется психо-физіологическій механизмъ цѣлебной вѣры или внушенія и разсматриваются психо-біологическія основы психическаго вліянія вообще, а также даются объясненія гипнотизма. Наиболѣе раздвигаются границы этого вліянія въ наиболѣе разработанныхъ воззрѣніяхъ Бернгейма и Либо, которыя мы и разсмотримъ.

---

[1] „Какимъ образомъ, спрашиваетъ *Хэкъ Тьюкъ*, обозначить границы (въ организмѣ) между элементами органическимъ и функціональнымъ? Какимъ образомъ утверждать, что въ тѣлѣ есть ткань, находящаяся внѣ вліянія нервной системы“? (Стр. 84—86).

Бернгеймъ отводитъ душѣ или, по терминологіи физіологической психологіи, головному мозгу центральное мѣсто въ общей экономіи организма. Обращая на великую роль мозга въ организмѣ вниманіе врачей, привыкшихъ обращаться съ больнымъ тѣломъ, какъ какою-нибудь разстроенною машиною, повинующеюся физическимъ и химическимъ законамъ, онъ говоритъ, что „душа имѣетъ не презрѣнную долю въ нашей физіологической и патологической жизни. Существуетъ психобіологія; существуетъ также психотерапія. Духъ человѣческій великій рычагъ, и врачъ долженъ пользоваться этимъ рычагомъ“ [1]. Въ самомъ дѣлѣ, „всѣ органы, всѣ функціи управляются нервными центрами. Всякая составная часть организма имѣетъ, такъ сказать, свой центръ дѣятельности, оканчивающійся въ головномъ мозгу. Чувствительность, движеніе, секреція, экскреція, образованіе тепла подчинены дѣйствію этого центральнаго органа, занимающаго господственное мѣсто въ сложномъ механизмѣ животной физіологіи въ качествѣ его „primum movens“. Но головной мозгъ дѣйствуетъ на чувствительные и двигательные нервы не прямо, а черезъ посредство *идей*. Чтобы понять здѣсь Бернгейма, необходимо имѣть въ виду, что онъ стоитъ на почвѣ ученія о такъ наз. *идеодинамизмѣ*, развитаго особенно у Карпентера. По этому ученію всякія идеи имѣютъ неудержимое стремленіе превращаться, входя въ мозгъ, въ чувствованія, ощущенія и движенія, смотря по своему содержанію, такъ что всякая идея отражается чувствительными или двигательными центрами или какъ ощущеніе и чувство, или какъ движеніе (*идеосенситивные и идеомоторные* мозговые рефлексы). Если-бы входящія въ мозгъ и содержимыя въ немъ памятью идеи не встрѣчали себѣ задержки и препятствія въ *центрахъ задерживающихъ*, т. е., по просту говоря, въ контролѣ воли и разсудка, которые дѣйствуютъ всегда въ нор-

[1] Теорія Бернгейма съ большою полнотою излагается въ его соч. L'Hypnotisme, Suggestion, Psychotherapie. Paris. 1891, p.p. 45—48, и не такъ полно въ др. соч. О внушеніи etc. (cit.); см. у проф. А. Н. Гилярова, стр. 369—371; ср. Skepto (Bérillon) p.p. 83—86.

мальномъ состоянiи, то человѣкъ былъ-бы совершеннымъ автоматомъ, и психическая жизнь была-бы сложнымъ комплексомъ идеомоторныхъ и идеосенситивныхъ рефлексовъ. Отсюда легко понять, что состоянiя, въ которыхъ психологическiй автоматизмъ освобождается отъ контроля воли и разума, особенно благопрiятны для успѣшнаго введенiя въ мозгъ субъекта идей, т. е. для внушенiя, а вмѣстѣ съ тѣмъ для дѣйствiя цѣлебнаго мозговаго динамизма на организмъ [1]. Такимъ благопрiятнымъ для внушенiя состоянiемъ можетъ быть только сонъ или-же гипнозъ, а не бодрствованiе. „Способность къ внушенiю существуетъ и въ состоянiи бодрствованiя [2], но она въ данномъ случаѣ ослабляется или обуздывается способностями разума, вниманiемъ, сужденiемъ. Въ самопроизвольномъ или вызванномъ снѣ способности эти оцѣпенѣлы, ослаблены, властвуетъ только одно воображенiе, впечатлѣнiе, достигающiя до чувствилища, принимаются безъ контроля и превращаются мозгомъ въ акты, ощущенiя, движенiя, образы. Такимъ образомъ измѣненная психическая способность, установившееся новое состоянiе сознанiя дѣлаютъ мозгъ болѣе послушнымъ, болѣе податливымъ, болѣе склоннымъ къ внушенiю съ одной стороны, а съ другой—болѣе способнымъ вліять на функцiи и органы путемъ зедержки (inhibition) или динамогенiи; вотъ этой, внушенiемъ повышенной способностью, мы и пользуемся самымъ благотворнымъ образомъ съ терапевтической цѣлью [3]. Какъ это дѣлается, понять изъ вышесказаннаго нетрудно. Если у больнаго, напр., анэстезiя членовъ, то въ его мозгъ вводятъ идею, что они чувствуютъ—и чувствительность является, т. е. идея превращается въ ощущенiе въ чувствительномъ центрѣ мозговой коры. Если у больнаго параличъ, то въ мозгъ его вводятъ идею, что способность движенiя къ нему возвращается,—и эта идея отражается какъ движенiе двигательнымъ центромъ коры, возбужденнымъ идеею. Больной испытываетъ боль, и мозгъ въ чувствитель-

[1] По Бернгейму самое внушенiе-то и есть „дѣйствiе, посредствомъ котораго идея вводится въ мозгъ и имъ усвояется“.

[2] Что принимаетъ и Либо, ср. Le Sommeil etc. p. 479.

[3] Бернгеймъ, стр. VIII, ср. 16 и 26 (О внушенiи); ср. Skepto p. 91.

ныхъ клѣткахъ коры, центрахъ этой болевой функціи, перестаетъ воспринимать боль, успокоенный идеею, что боли нѣтъ. (Въ этомъ случаѣ происходитъ *ингибиція*, какъ въ предшествующихъ примѣрахъ—*динамогенія*, т. е. задержка и возбужденіе функціи).

Таковъ механизмъ цѣлебнаго внушенія или вѣры! На естественно возбуждающійся при этомъ вопросъ, какимъ образомъ объяснить указаннымъ путемъ чудесныя исцѣленія (напр. евангельскія), если механизмъ этотъ дѣйствуетъ въ состояніи гипноза, а исцѣленія совершались надъ бодрствующими, — даются предусмотрительные отвѣты. Способность субъектовъ къ внушенію или внушаемость, какъ сказали, не отрицается и въ бодрственномъ состояніи; но при этомъ для повышенія внушаемости до степени гипнотической требуются добавочныя условія,—такое благопріятное „стеченіе обстоятельствъ, при которомъ могло-бы быть сильно поражено воображеніе субъекта, импрессіонированъ его мозгъ настолько, чтобы пріобрѣсти на него достаточное давленіе“ [1]... И такое благопріятное соединеніе условій, дѣлающихъ возможнымъ внушеніе въ бодрственномъ состояніи не менѣе, если не болѣе, чѣмъ въ гипнозѣ, существуетъ и дается вѣрою религіозною. Съ этою властью вѣры надъ мозгомъ, ея могуществомъ, не можетъ конкуррировать, пожалуй, даже власть гипнотическаго внушенія, особенно если „мозгъ получилъ религіозное воспитаніе...“ Здѣсь-то и лежитъ объясненіе многочисленныхъ исцѣленій вѣрою [2]. „Между всѣми моральными причинами, говоритъ Бернгеймъ, которыя съ помощью воображенія приводятъ въ дѣйствіе мозговой механизмъ возможныхъ исцѣленій, ни одна не является столь дѣятельной, какъ религіозная вѣра“ [3].

[1] Skepto, 91—92. [2] Skepto p. p. 103, 105.

[3] Бернгеймъ, стр. 10 (О внушеніи).—Школа Шарко рѣшаетъ вопросъ указаніемъ на то сомнительное обстоятельство, что исцѣленія совершались надъ больными истеріею, а истерія въ этой школѣ считается единственно благопріятнымъ для внушенія состояніемъ (здѣсь и самый гипнозъ разсматривается какъ одинъ изъ феноменовъ истеріи). Но, помимо всего, объясненіе это встрѣчаетъ себѣ основательное опроверженіе въ указаніяхъ на факты внушаемости въ бодрственномъ состояніи и особенно на тотъ фактъ, что истеріи принадлежитъ даже наименьшая внушаемость: см. Бернгейма, стр. 30, 31; Dr. Baierlacher Die Suggestion—Therapie und ihre Technik. Stuttgart 1889, p. 10; Cullerre pp. 37—42.

Либо сущность психическаго вліянія сводитъ къ дѣйствію *сосредоточеннаго вниманія* (l'attention accumulée) на функціи органическія, управляемыя большимъ симпатическимъ нервомъ, и объясняетъ возможность психическаго воздѣйствія самымъ анатомическимъ устройствомъ нервной системы [1]. Еще *Чарльзъ Дарвинъ* указывалъ на огромныя физіологическія дѣйствія, производимыя въ организмѣ сосредоточеніемъ вниманія на той или иной его части. „Вниманіе или сознаніе", говоритъ онъ, „сосредоточенное на какой-либо части тѣла, производитъ въ ней неизмѣнно какое-либо физическое дѣйствіе" [2]... „Мы не только начинаемъ сознавать присутствіе части тѣла, на которой сосредоточено наше вниманіе, но чувствуемъ въ ней различныя странныя ощущенія, какъ напр. тяжесть, жаръ, холодъ, боль или зудъ" [3]. Особенно вниманіе обладаетъ способностью вліять на кровообращеніе въ волосныхъ сосудахъ: „когда вниманіе обращено на какую-нибудь часть тѣла, то въ иннерваціи и кровообращеніи происходитъ мѣстное возбужденіе и функціональная дѣятельность этой части усиливается" [4]. Также „извѣстно, что непроизвольныя движенія претерпѣваютъ измѣненія, если обращать на нихъ особенное вниманіе" [5]. „Обыкновенно принимаютъ, что перистальтическія движенія кишекъ возбуждаются вниманіемъ, обращеннымъ на нихъ въ извѣстные періоды времени... Ненормальныя дѣйствія мышцъ, подчиненныхъ волѣ, при падучей болѣзни, виттовой пляскѣ и истерикѣ, находятся, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ ожиданія приступа и вида другихъ больныхъ, подверженныхъ тому же страданію. Нѣкоторыя железы тоже стоятъ въ значительной зависимости отъ обращеннаго на нихъ вниманія и условій, при которыхъ онѣ обыкновенно возбуж-

---

[1] Le sommeil et des états analogues 132 ff.

[2] Ч. Дарвина О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. Пер. проф. А. Ковалевскаго. Спб. 1872, стр. 287.

[3] Тамъ-же, стр. 288.

[4] Тамъ-же, стр. 287, ср. Carpenter'a Principles of Mental Physiology p. p. 682—683.

[5] Стр. 287; извѣстно вліяніе его на происхожденіе нервнаго сердцебіенія, развивающагося у мнительныхъ: см. д-ра Розенбаха О психическомъ леченіи внутреннихъ болѣзней (cit.), стр. 20—21.

дались. Всякому извѣстно, напр., что отдѣленіе слюны усиливается, если подумать объ очень кисломъ плодѣ... Сильное и продолжительное желаніе удерживать или возбуждать отдѣленіе слезныхъ железъ оказывается дѣйствительнымъ... Всякому извѣстно, что боль усиливается, если обращать на нее вниманіе“ и даже „можетъ развиться во всякой части тѣла, на которую обращено сильное вниманіе... Когда все наше вниманіе устремлено на какой-нибудь одинъ изъ органовъ чувствъ, его острота усиливается“... [1]. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что либо отводитъ этой физіологической силѣ вниманія центральную роль въ своей психо-біологической теоріи, которую и изложимъ кратко.

Мозгъ головной есть органъ или очагъ не только сознанія, но и животно-растительной жизни организма. Безчисленными нервными нитями, цѣлою сѣтью ихъ, прямо и посредствомъ спинного мозга и большого симпатическаго нерва связаны съ головнымъ мозгомъ всѣ совершающіеся въ организмѣ процессы. Чувствительными нервами этимъ способомъ доносятся къ нему или доводятся до его сознанія различныя состоянія всѣхъ органовъ тѣла, которыя воспринимаются въ видѣ разнообразныхъ ощущеній въ его чувствительныхъ центрахъ и двигательными его центрами обратно отражаются въ органахъ или передаются органамъ чрезъ посредство двигательныхъ нервовъ въ формѣ разнообразныхъ движеній, образующихъ самую жизнь организма. Первоначально всѣ эти движенія, теперь стоящія внѣ контроля воли и сознанія, были сознательными, такъ—что ребенокъ учится не только ходить, но дышать легкими, управлять движеніями сердца, желудка и т. п.; но отъ повторенія они сдѣлались рефлективными [2]. Равнымъ образомъ, первоначально сознаніемъ воспринимаются всѣ состоянія внутреннихъ органовъ, а теперь только при ихъ болѣзняхъ, ибо привычка, повтореніе притупляетъ сознаніе и чувствительность. Тѣмъ не менѣе и потомъ сознаніе внутреннихъ процессовъ непремѣнно остается въ видѣ скрытомъ и въ формѣ, такъ сказать, безсознательнаго мышленія

[1] Дарвинъ, стр. 287—288 ср. Liébeault'a p. 12.
[2] Le sommeil et des états analogues, p. 136—137.

(celebration inconsciente); это послѣднее теперь и заправляетъ всею животнорастительною жизнью организма, всѣми движеніями въ немъ. Вся жизнь организма есть „дѣйствіе устойчивыхъ и опредѣленныхъ мыслей, почерпаемыхъ во внутреннихъ ощущеніяхъ и вырабатываемыхъ въ мозгу, мыслей, о которыхъ мы, правда, не знаемъ, но цѣль которыхъ есть образованіе, сохраненіе и поддержаніе живого существа". Онѣ суть „образное и реальное отраженіе въ мозгу центробѣжнаго ощущенія". По законамъ тѣсной связи ощущеній и движеній эти, формулируемыя въ мозгу идеи—ощущенія непремѣнно соотвѣтственнымъ образомъ отражаются движеніями въ самыхъ далекихъ отъ мозга частяхъ организма и въ самой глубинѣ его, и чрезъ нихъ-то мозгъ совершаетъ свою созидательную работу въ организмѣ,—образуетъ, сохраняетъ, возстановляетъ, помогаетъ питанію, возстановляетъ ткани, заживляетъ раны, возбуждаетъ выдѣленія и т. д. [1]. Такимъ образомъ, „мозгъ присутствуетъ во всѣхъ частяхъ организма" (il est présent partout), „онъ—вездѣ", всѣ явленія и жизни, и сознанія изъ него исходятъ. Отсюда, что такое организмъ (тѣло) и въ какомъ онъ отношеніи находится къ головному мозгу (душѣ)? „Организмъ есть выраженіе (отпечатлѣніе) идей, образуемыхъ въ мозгу" (l'organisme est l'expression d'idées formulées en cerveau) [2]; „мысль есть образовательница тѣла, а тѣло есть какъ бы ея вещественное обнаруженіе" (la pensée est la formatrice du corps et ce dernier en est comme la manifestation materielle) [3]; „организмъ не есть только орудіе для сношеній мыслящаго существа съ внѣшнимъ міромъ, посредникъ между ними, онъ есть двойникъ души; скажу болѣе—писанное выраженіе мысли, этой безусловной властительницы, способной безъ нашего сознанія образовывать тѣло по своему образу и въ извѣстныхъ условіяхъ, поэтому также и видоизмѣнять его по произволу" [4].

---

[1] Pag. 137—138. [2] P. 139. [3] P. 142.

[4] 11. Здѣсь само собою напрашивается на сравненіе подобное же воззрѣніе, высказанное В. Вундтомъ. „Не духовная жизнь есть произведеніе физической организаціи", говоритъ онъ, „но эта послѣдняя есть созданіе духа во всѣхъ преимуществахъ ея передъ неорганическою приро-

Головной мозгъ имѣетъ двоякое отправленіе. Сознательная мысль его управляетъ отношеніями организма ко внѣшнему міру (préside à la vie de relation), безсознательная мысль бодрствуетъ надъ внутреннею жизнью организма, т. е. растительными процессами, и обѣ эти дѣятельности стоятъ въ полной предуставленной между ними гармоніи [1]. Однако мысль сознательная вмѣшивается и въ растительную жизнь организма и могущественно вліяетъ на нее именно чрезъ посредство безсознательной мысли. Сознательная мысль можетъ дѣйствовать на безсознательную, возбуждать и уменьшать ея дѣйствіе. Этого она достигаетъ присущею вниманію способностью переноситься не только въ тѣ части организма, гдѣ оно сильнѣе возбуждается перцепціями, но и туда, куда направляетъ его мысль, по ея зову [2]. Тогда совершается въ организмѣ перенесеніе этой силы на одну часть организма въ ущербъ другимъ, и подобное передвиженіе ея есть постоянное обычное явленіе въ организмѣ, оно есть „законъ нашего существованія, а болѣзнь есть лишь его преувеличеніе“. Въ этой-то именно текучести вниманія и заключается объясненіе происхожденія болѣзней и ихъ излѣченіе [3].

Болѣзни возникаютъ двоякимъ путемъ: дѣйствіемъ мысли, ея вліянія на тѣло, или отъ другихъ причинъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, помимо вліянія мысли. Вниманіе, слишкомъ неравномѣрно распредѣляясь въ организмѣ, становится началомъ пертурбацій въ немъ. Въ излишнемъ изобиліи направляясь на какіе-либо органы тѣла, оно способствуетъ чрезмѣрному возбужденію и ненормальному усиленію ихъ дѣятельности,— и такимъ образомъ являются болѣзни, характеризующіяся избыткомъ нервнаго возбужденія (les maladies par excès d'excitation nerveux), какъ напр. головная боль, невралгіи, зубная боль и т. п. Отъ недостатка вниманія въ тѣхъ или иныхъ частяхъ организма являются болѣзни, характеризующіяся

дою, доставляемыхъ ей цѣлесообразно приспособительными функціями самоуправленія и расходованія энергіи“—Logik II, 471 ср. кн. Прижизненные призраки, стр. IX (op. cit.).

[1] Liébeault p 485. [2] Ibid. 486 f. [3] 488, 534—535.

именно недостаткомъ нервнаго возбужденія органовъ (maladies par manque d'excitation nerveux), какъ напр.: глухонѣмота, амбліопія, параличи, геміанэстезія и т. п. [1]. Вниманіе, какъ факторъ, участвуетъ и въ произведеніи, усиленіи внѣшнихъ болѣзней, происходящихъ отъ дѣйствія причинъ физическихъ, механическихъ, химическихъ (простуды, ожоги, отравленія и т. п.) [2]. Оно скопляется изобильно—непропорціонально въ больныхъ органахъ, наиболѣе раздражаемыхъ, въ ущербъ другимъ, усиливая болѣзнь самаго органа и производя другія разстройства.

Если болѣзни берутъ свое начало въ неравномъ распредѣленіи вниманія въ организмѣ, въ нарушеніи равновѣсія въ немъ, въ приливѣ его къ однимъ органамъ и соотвѣтственномъ отливѣ отъ другихъ, то возстановленіе нарушеннаго равновѣсія, обратно, становится причиною устраненія и производимыхъ имъ болѣзней. Возстановить это равновѣсіе можетъ опять только сознательная мысль, удаляя вниманіе изъ тѣхъ частей организма, гдѣ ея слишкомъ много, и направляя ее туда, гдѣ ея слишкомъ мало. Retraite de la force nerveuse là où elle était en trop et afflux de cette force là où elle était en moins [3] вотъ основное правило психотерапіи, устанавливаемое Либо. Въ соблюденіи этого правила или закона и заключаются всѣ условія и способы исцѣленій болѣзней посредствомъ дѣйствія мысли на организмъ; всѣ les modes foncionelles des lois des guérisons par réaction de la pensée sur l'organisme сводятся именно къ возстановленію нарушеннаго равновѣсія вниманія. Такъ объясняются случаи исцѣленій посредствомъ отвлеченія вниманія отъ больного органа или отъ болѣзни къ посторонним идеямъ (р. р. 312—314), случаи исцѣленій, далѣе, посредствомъ сосредоточиванія вниманія на представленіяхъ обратнаго болѣзни порядка явленій,—на мысли о выздоровленіи (р. р. 315, 324 f.f.), наконецъ—излѣченіе отрицаніемъ

---

[1] Liébeault, p. 486. [2] Ibid. 489—490.

[3] L. 330, см. 490 (Удаленіе силы нервной оттуда, гдѣ ея слишкомъ много, и приливъ ея туда, гдѣ ея мало").

ложной идеи, если болѣзнь производится ею, что особенно бываетъ у ипохондриковъ, психически-больныхъ (p. p. 316—319). Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи случаи излѣченія, по способу отвлеченія вниманія (revulsion), тяжелыхъ хроническихъ болѣзней при осложненіи ихъ новыми острыми (какъ нарывы, лишаи и т. п.), отвлекающими вниманіе отъ старыхъ болѣзней (p. p. 490 ff). Исцѣленія дѣйствіемъ на организмъ чувствъ, аффектовъ, какъ экспансивнаго характера (guérisons par sentiments expansifs, p. p. 320—322), такъ угнетающихъ (par explosion des sentiments oppressifs, p. p. 322 ff.) объясняются у Либо точно также возстановленіемъ равновѣсія нервной силы въ организмѣ или вниманія, путемъ отвлеченія его отъ больныхъ органовъ. Либо находитъ, что не только психотерапія, но и обычная матеріальная терапія вся построена на этомъ законѣ возстановленія равновѣсія вниманія. Въ медицинѣ употребляются два рода лѣкарствъ: успокоивающія и возбуждающія. Назначеніе ихъ очевидно: они служатъ равномѣрному распредѣленію вниманія въ организмѣ, отвлекая его оттуда, гдѣ его много (успокоивающими средствами), и привлекая (возбуждающими) туда, гдѣ его слишкомъ мало; онѣ дѣйствуютъ въ порядкѣ обратномъ тому, которымъ производятся болѣзни въ организмѣ [1].

Такова въ существенныхъ чертахъ теорія Либо [2]. Здѣсь еще болѣе, чѣмъ у Бернгейма, сила психическаго вліянія представляется если не безграничною, то по меньшей мѣрѣ крайне растяжимою, неимѣющею точно опредѣленныхъ границъ. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, возможно провести точныя границы власти духа надъ тѣломъ, когда тѣло въ школѣ Нансійской представляется созданіемъ духа, такъ что оно духомъ образуется и сохраняется? И такъ, ни теорія, ни практика, выводы изъ которой пока не могутъ быть окончательными, такъ какъ ею неисчерпана до конца сила психическаго вліянія, не даютъ твердыхъ указаній въ рѣшеніи

---

[1] L. p. 492, см. 493. [2] Сжато она резюмируется у него на стр. 514—517.

весьма важнаго въ спорѣ враговъ и защитниковъ чуда вопроса о предѣлахъ цѣлебной силы вѣры. Но врагамъ чудеснаго и та, и другая, особенно теорія даютъ въ руки орудіе въ борьбѣ съ вѣрящими въ чудо; у Бернгейма и Либо они обрѣтаютъ подходящее для нихъ объясненіе чудесъ, говоря ихъ языкомъ—„физіологическую теорію чудесъ“ (théorie physiologique des miracles) и спѣшатъ уже приложить ее къ дѣлу, т. е къ объясненію чудесныхъ евангельскихъ исцѣленій [1].

Въ виду всего вышесказаннаго о психическомъ вліяніи и примѣненія, какое дѣлаетъ изъ него невѣріе, выясненіе правильнаго отношенія къ дѣлу составляетъ насущную задачу всякаго искренно-вѣрующаго христіанина и долгъ богослова. Нельзя скрыть, что осуществленіе задачи этой сопряжено съ большими трудностями и препятствіями. Нѣкоторыя изъ нихъ можно здѣсь же указать.

1. Прежде всего затрудненіе обусловливается уже самою неопредѣленностью и крайнею растяжимостью границъ психотерапіи какъ въ ученіи Нансійской, такъ и Парижской школы. Первая совсѣмъ отказывается указать точно границы психотерапіи, вторая указываетъ ей границы въ области неврозовъ. Но мы уже видѣли, что эти границы мнимыя. Пользуясь установленною самимъ Шарко невозможностью вѣрнаго діагноза и яснаго разграниченія болѣзней органическихъ и нервныхъ, на дѣлѣ школа эта раздвигаетъ указанныя границы и, когда надо, объявляетъ органическія болѣзни нервными, истерическими. (А эта надобность всегда здѣсь испытывается при объясненіи чудесныхъ исцѣленій). Конечно, это обстоятельство, что уже не ускользнуло отъ вниманія нѣкоторыхъ, можетъ служить и въ пользу поборниковъ чуда: если ученики Шарко находятъ выгоду органическія болѣзни объявлять истерическими, то и вѣрующіе въ чудеса могутъ и имѣютъ полное право на томъ же основаніи истерическія болѣзни выдавать за органическія. Однако выгода эта не представляется мнѣ въ дѣйствительности очень большою. Изъ разсматриваемаго обстоятельства слѣдуетъ тотъ совершенно неизбѣжный выводъ, что медицинская

[1] Skepto, p. 83; pp. 88, 32—33, 35—36, 36 f, 124—125.

наука оказывается некомпетентною тамъ, гдѣ, повидимому, должно было-бы все принадлежать ей и все рѣшаться ею, въ окончательномъ ученомъ судѣ и приговорѣ надъ тѣми или иными чудесными исцѣленіями,—въ удостовѣреніи чуда. *Научно-медицинское удостовѣреніе чудесъ невозможно, оно внѣ научной области*—вотъ выводъ. Но въ такомъ случаѣ не остается-ли самый вопросъ на болѣе или менѣе долгое время или, можетъ быть, навсегда открытымъ?.., Если-бы мы обошли это затрудненіе какъ нибудь, то и тогда трудности въ рѣшеніи задачи были бы значительны.

2. Бросающіяся въ глаза, внѣшнія—по крайней мѣрѣ, сходства чудесныхъ евангельскихъ исцѣленій и излѣченій гипнотическимъ внушеніемъ—второе обстоятельство, съ которымъ слѣдуетъ считаться. Въ Сальпетріерѣ и различныхъ гипнотическихъ амбулаторіяхъ врачей—гипнотизеровъ совершается, говорятъ, нѣчто подобное тому, чему свидѣтелями нѣкогда были жители Палестины, во время земной жизни Спасителя. Здѣсь также „слѣпые прозрѣваютъ и хромые ходятъ и глухіе слышатъ“ (хотя ни прокаженные не очищаются, ни мертвые не воскресаютъ—Мѳ. XI, 5); больные, стекающіеся сюда и получающіе исцѣленіе,—это все главнымъ образомъ слѣпые, глухіе, нѣмые, разслабленные, увѣчные (ср. Мѳ. XV, 30—31; XXI, 14 и пр.); это также тѣ, которымъ врачебное искуство (thérapie des remèdes) отказываетъ въ помощи по своему безсилію (ср. Мр. V, 25—26); и здѣсь, какъ тамъ, говорятъ разслабленному и хромому: „встань и иди“— и они встаютъ и ходятъ!.. [1]. Здѣсь евангельскимъ чудеснымъ исцѣленіямъ болѣе или менѣе явно противопоставляютъ исцѣленія при помощи гипнотерапіи, такъ исцѣленіямъ *разслабленныхъ* (Мѳ. IX, 1—8; Іо. V, 1—15; Мр. III, 1—5; Д. А. I, 1—10; IV, 16—22; IX, 32—35; XIV, 8—10 и др.), *глухонѣмыхъ* (Мр. VII, 31—37), *слѣпыхъ* (Мѳ. IX, 27—32; Мр. X, 46—52; VIII, 22—26; Іо. IX; Д. А. IX, 17—18) *кровотеченія* (menorrhagie) (Мр. V, 25—34) и *контрактуръ* (tetanus parti-

[1] Для примѣра см. Бернгейма, стр. 10 и Begnard'a p. 104.

cularis,—emprostotonus въ Луки XIII, 10—17) [1] противопоставляются многочисленные случаи излѣченія такихъ же болѣзней въ пріемныхъ гипнотизеровъ—врачей, какъ Бернгеймъ, Либо, Веттерштрандъ и др. [2].

3. Значительную трудность, если не препятствіе, для осуществленія задачи составляетъ весьма естественная невозможность точнаго діагноза болѣзней, упоминаемыхъ въ евангеліи лишь въ общихъ бѣглыхъ чертахъ евангелистами, хотя библейская носологія (medicina sacra) и дѣлаетъ нѣчто въ этомъ отношеніи.

Само собою понятно, что указанныя затрудненія говорятъ лишь о невозможности *полнаго* успѣха въ рѣшеніи вопроса; но въ какомъ вопросѣ нѣтъ трудностей и гдѣ они разрѣшаются съ полнымъ успѣхомъ? Что было бы съ наукою и нашимъ знаніемъ, если бы, вопреки ограниченной природѣ ума человѣческаго, мы стали бы избирать вопросы, допускающіе повидимому полный успѣхъ въ ихъ разрѣшеніи, а по отношеніи къ другимъ руководились правиломъ: „ничего, если—не все“? Здѣсь, какъ и вездѣ, приходится говорить только о томъ, о чемъ можно говорить; ибо говорить все даже не всегда въ нашей власти...

Наконецъ, укажемъ менѣе важныя обстоятельства, увеличивающія для богослова трудность борьбы съ психофизіоло-

---

См. Zeller'a Bibl. Worterbuch. Gotha 1866, Hf. VI, p. 849 и Herzog Real-Encyclopädie B. VIII, Arctl. Leyrer'a Die Krankheiten der Israeliten in Palästin (Leipzig 1881, p. 257).

Примѣры излѣченія внушеніемъ разслабленныхъ, т. е. паралитныхъ, см.: Бернгейма (О внушеніи etc.), Observationes I—III, VII, X; Веттерштранда Obs. 32—34, стр. 36 и д.; Cullerre pp. 93—101; глухонѣмыхъ—см. Liébeault'a Obs. I—II (Le sommeil etc.) и pp. 63—71 (Thérap. suggestive); Bernheim'a Obs. I, XXV, XXVIII, XXX, но особенно XXVII; Cullerre pp. 105—111: Regnard pp. 145—153, 165; Sallis, стр. 44; см. объ исцѣленіи Брэдомъ девятилѣтней глухонѣмой отъ рожденія дѣвочки у проф. Гилярова, стр. 243—244; слѣпыхъ—см. Бернгейма Obs. XI, XIV, XXV, XXI, XXIII, XXIV, XIII; Веттерштранда 64, стр. 74 ff. Regnard p. 118 f.; Cullerre pp. 177—178; кровотеченія—см.: Бернгейма CV; Веттерштранда Obs. 86—87, стр. 101—105. Forel pp. 123—124; Cullerre 156—161; контрактуры—см. у Бернгейма obs. I, стр. 11.

гическимъ изъясненіемъ чудесъ и способствующія его популярности.

Прежде всего эти условія заключаются въ общемъ характерѣ психо-физіологической теоріи чудесъ. Она можетъ на первый взглядъ подкупать въ свою пользу даже вѣрующихъ кажущеюся своею правдоподобностью и согласіемъ съ христіанскою вѣрою. Она не отрицаетъ чудесныхъ фактовъ исцѣленій, не прибѣгаетъ къ натяжкамъ, подтасовкѣ, лжи, какъ миѳическая штраусовская теорія чудесъ; она ихъ оставляетъ въ полной неприкосновенности, стараясь только „освободить ихъ во имя науки отъ ихъ чудеснаго характера“ [1]. „Факты существуютъ“, говоритъ Бернгеймъ; „толкованіе ихъ ошибочно. Религіозныя убѣжденія достойны глубокаго уваженія, и истинная религія стоитъ выше человѣческихъ заблужденій“ (тамъ-же). Болѣе того, наука здѣсь беретъ какъ-бы подъ свое покровительство чудо отъ посягательствъ на него миѳической раціоналистической школы и громко заявляетъ, что „чудо“ не обманъ и самообманъ, не дѣло невѣжества и шарлатанства, но фактъ. Она беретъ подъ защиту, въ своихъ собственныхъ интересахъ, кромѣ чуда и самую религіозную вѣру, когда въ полномъ согласіи съ евангеліемъ старается какъ можно рельефнѣе выставить и убѣдительнѣе доказать чудотворную силу и могущество вѣры, для которой *нѣтъ ничего невозможнаго* (Мѳ. XVII, 20, Л. XVII, 6) и *все возможно* (Мр. IX, 23), которая и чудеса творитъ и спасаетъ (Мѳ. IX, 22; Мр. V, 34; X, 52; Л. VII, 50; VIII, 48; XVII, 19; XVIII, 42). Не говоритъ-ли и наука, что въ вѣрѣ и только одной вѣрѣ заключенъ источникъ всѣхъ чудесъ (чудесныхъ исцѣленій) и въ ней одной спасеніе отъ страданій („иди: вѣра твоя спасе тя!“) Не подтверждаетъ-ли отчасти она и того, что „все возможно вѣрующему“, когда въ лицѣ Либо даетъ естественное объясненіе при помощи психическаго вліянія Мр. XVI, 18, ср. Д. Ап. XXVIII, 3—6 [2]?

Наконецъ, если популярность и обаятельность всякому новому ученію сообщаются всегда значительнымъ именемъ,

---

[1] Бернгеймъ, стр. 15.

[2] См. Le sommeil et des élats analogues p. 505, ср. 500 ff.

великимъ авторитетомъ, то психофизіологическому изъясненію чудесъ не недостаетъ и этого: въ наукѣ оно взято открыто подъ защиту *проф. Шарко*, въ беллетристикѣ взялся пропагандировать его *Э. Зола* въ только что вышедшемъ въ свѣтъ новомъ своемъ романѣ „Лурдъ“ [1]. Если голосъ такого ученаго, какъ Шарко, въ настоящемъ случаѣ имѣетъ свою самостоятельную цѣнность и вліятельность, какъ именно голосъ компетентной науки, то романъ *Зола* имѣетъ также своего рода значеніе,—значеніе могущественнаго орудія пропаганды научныхъ и философскихъ ученій и идей вообще и даннаго ученія въ частности, какое принадлежитъ въ настоящее время беллетристикѣ и вліятельнѣйшей формѣ ея—роману. Естественно поэтому сказать нѣсколько словъ какъ о Шарко, такъ и Зола, чтобы автору не сдѣлали упрека въ значительномъ пробѣлѣ, если бы онъ обошелъ молчаніемъ въ лицѣ ихъ заслуживающій полнаго вниманія голосъ науки и литературы.

Вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ на удивленіе образованному міру, подъ бокомъ невѣрующаго Парижа, совершаются безчисленныя исцѣленія въ высокочтимой святынѣ всего католическаго міра, въ городкѣ Лурдѣ, находящемся въ горахъ Пиренейскихъ на югѣ Франціи (въ 18 часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Парижа). Главную святыню Лурда составляетъ гротъ св. Дѣвы съ его чудеснымъ цѣлебнымъ источникомъ, чудесно образовавшимся на мѣстѣ послѣдняго (пятнадцатаго) явленія Богоматери св. Бернадеттѣ въ 1858 г.). Здѣсь теперь устроена великолѣпная часовня, гдѣ служатся безчисленныя мессы и молебны, поставлена бѣломраморная статуя св. Богородицы, выстроены три водоема или купѣли (всего на девять человѣкъ: для трехъ мужчинъ и шести женщинъ), чрезъ погруженіе въ которыя, а также другое употребленіе св. воды,—омовеніе, питье,—получаются исцѣленія, а также сдѣланы и др. приспособленія. Предпріимчивые монахи разныхъ орденовъ, особенно августинцы, въ широкихъ размѣрахъ организовали правильную систему паломничества къ этой святынѣ больныхъ всего свѣта и обратили Лурдъ въ нѣ-

---

1 E. Zola, Lourdes (Les trois villes), Paris 1894.

что въ родѣ религіознаго курорта. Во главѣ организаціи стоитъ Association de Notre-Dame de Salut, основанная августинцами вскорѣ послѣ франко-германской войны. Общество это въ своихъ странноприимныхъ домахъ, отеляхъ, госпиталяхъ не только доставляетъ обычныя удобства (помѣщеніе, столъ и уходъ) больнымъ паломникамъ, но беретъ на себя хлопоты по перевозкѣ и помѣщенію ихъ изъ разныхъ мѣстъ Франціи въ Лурдѣ. Имъ устроено въ колоссальныхъ размѣрахъ всенародное паломничество (le pélerinage national), періодически совершающееся каждый годъ въ концѣ августа. Въ это время изъ Гавра, Ліона, Бордо, Парижа и др. мѣстъ Франціи въ теченіе трехъ дней непрерывно движутся поѣзда, для больныхъ паломниковъ спеціально снаряженные ассоціаціею по соглашенію съ желѣзнодорожными обществами. И не одни больные съ сопровождающими ихъ родными и знакомыми въ это время десятками тысячъ устремляются къ чудесному гроту, но и множество здоровыхъ, какъ вѣрующихъ, такъ и невѣрующихъ, особенно врачей, репортеровъ газетныхъ и т. п., спѣшатъ сюда для развлеченія и изъ любопытства [1]. Но исцѣленія совершаются открыто въ обстановкѣ, исключающей всякія подозрѣнія. Все дѣлается на глазахъ у зрителей... Зарегистрованные монастырскою администраціею больные обязательно являются въ контору (Bureau de constatations), гдѣ производится научно-медицинское удостовѣреніе и освидѣтельствованіе больныхъ не только оффиціальнымъ врачемъ, но и другими по желанію, обыкновенно наполняющими контору, врачами. Констатированныя по тщательномъ діагнозѣ исцѣленія протоколируются, и сообщенія о нихъ немедленно печатаются въ тутъ же устроенной типографіи „Journal de la Grotte“.

Путешествіе въ Лурдъ, совершенное лѣтомъ 1892 г. Э. Зола, для романа, спеціально тогда задуманнаго имъ на сюжетъ изъ этой загадочной области, подало мысль знаменитому ученому Шарко изложить кратко данныя науки по во-

[1] Общее число паломниковъ въ годъ по статист. показ. 300,000—500,000 (больныхъ и здоровыхъ).

просу объ исцѣленіяхъ вѣрою въ отдѣльной статьѣ, которая и была напечатана въ одномъ англійскомъ журналѣ („*Новое Обозрѣніе*“) подъ заглавіемъ: „Исцѣляющая вѣра“ или „Вѣроисцѣленіе“ (The faith—healing) [1]. Самъ онъ говоритъ, что работа эта была поручена ему предпріимчивою редакціею англійскаго журнала, и нельзя не признать выбора ея удачнымъ. Проф. Шарко (уже умершій теперь), помимо всего, располагалъ болѣе другихъ всѣми данными научной практики и опыта для разъясненія вопроса въ знаменитомъ своемъ Сальпетріерѣ, этой „научной лабораторіи чудесъ“, гдѣ по мановенію ученаго мага, Парацельза XIX в., бѣсы изгоняются, глухіе слышатъ, слѣпые прозрѣваютъ, хромые ходятъ и т. д. Располагая такимъ богатымъ матеріаломъ, Шарко не обременилъ себя даже поѣздкою въ Лурдъ, а на мѣстѣ, на основаніи фактовъ изъ своей практики, далъ рѣшеніе вопроса, гдѣ самъ онъ рѣшающее значеніе придаетъ однимъ фактамъ, а самое рѣшеніе вопроса считаетъ исключительно привиллегіею медицинской науки и науки вообще, которой „принадлежитъ послѣднее слово во всякихъ вопросахъ“. Разъясненіе законовъ и условій исцѣляющей вѣры и совершаемыхъ ею „терапевтическихъ чудесъ“ (чудесныхъ исцѣленій) Шарко находитъ интереснымъ и для медицины въ виду особенно важнаго значенія этого терапевтическаго пріема въ болѣзняхъ, не поддающихся инымъ средствамъ, кромѣ вѣры и притомъ вѣры религіозной (самъ Шарко нерѣдко посылалъ своихъ паціентовъ въ Лурдъ, когда не успѣвалъ внушить имъ вѣру въ свое могущество). „Терапевтическія чудеса“, какъ явленія несомнѣнно естественныя, имѣютъ свой „детерминизмъ“, т. е. управляются извѣстными законами. Раскрыть этотъ детерминизмъ или механизмъ исцѣленій вѣрою и есть задача статьи автора.

---

[1] New Review 1892, Дек. 1. Свѣдѣнія о ст. Шарко, за неимѣніемъ подл., здѣсь сообщаются на основаніи ея перев. и рефер. въ Новомъ Времени 1892, №№ 6017—6019, съ восторженною рекомендаціею статьи самимъ издателемъ А. Суворинымъ въ № 6018; Revue des Revues, mars 1893 (Dr. A. de Neuville: La guérison par la foi); Der Irrenfreund 1892, №№ 11—12 (Dr. Lewald: Der heilende Glaube).

Два главныхъ условія лежатъ въ основаніи всякаго чудеснаго исцѣленія: одно — въ самомъ субъектѣ, его душевномъ настроеніи, другое—въ свойствѣ его болѣзни. Въ первомъ отношеніи требуется вѣра въ исцѣленіе, во второмъ—болѣзнь изъ категоріи поддающихся психическому вліянію. Таковы элементы терапевтическаго механизма. Авторъ разсматриваетъ ихъ отдѣльно, и говоритъ сначала о психическомъ настроеніи больныхъ или о вѣрѣ, какъ терапевтическомъ агентѣ, а потомъ—о предѣлахъ его дѣятельности, т. е. рѣшаетъ вопросъ о границахъ психотерапіи вообще.

Наиболѣе дѣйствительною является именно *религіозная* вѣра, какъ показываетъ это исторія и наблюденіе: исцѣленія всегда совершались при святыняхъ. При этомъ сходство въ обстановкѣ исцѣленій въ Лурдѣ и храмѣ Асклепія въ Аѳинахъ, насколько извѣстно о послѣднемъ изъ историческихъ памятниковъ (Шарко ссылается на сочиненіе P. Sirard'a) приводятъ доктора къ смѣлому по широтѣ заключенію или обобщенію, что механизмъ религіозныхъ исцѣленій въ своихъ существенныхъ элементахъ всегда и вездѣ одинаковъ: „исцѣленіе вѣрою начинается одинаково во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ земного шара, какъ у язычниковъ, такъ и у христіанъ... Святилища и очистительныя дѣйствія всегда аналогичны. Различны только статуи бога—цѣлителя“... Вѣра въ исцѣленіе здѣсь всегда слагается,—начинается и крѣпнетъ, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, зарождаясь слухомъ объ исцѣленіяхъ при какой либо святынѣ, питаясь разсказами и чтеніемъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ, при ней происходящихъ; къ этому присоединяется приподнимающія духъ и возбуждающія фантазію и нервы впечатлѣнія и условія путешествія ко святынѣ съ его усиленными молитвами объ исцѣленіи, постомъ, физическимъ утомленіемъ отъ дороги; наконецъ—самая обстановка исцѣленія, всѣми подробностями дѣйствующая на нервное возбужденіе, какъ великолѣпіе культа, религіозная экзальтація, погруженіе въ холодную воду и проч.—все это довершаетъ психическій процессъ въ больномъ, составляющій субъективное условіе исцѣленія. Онъ вѣруетъ и вѣра спасаетъ его...

Но не всѣхъ спасаетъ вѣра, какъ бы ни была она глубока

и горяча; она спасаетъ только больныхъ неврозами, истеричныхъ, особенно—воспріимчивыхъ къ внушенію и самовнушенію. Исторія религіозныхъ исцѣленій, иллюстрируемая наглядно символическими приношеніями больныхъ (изображеніями исцѣленныхъ органовъ) въ Асклепіонѣ и Лурдѣ, стѣнною средневѣковою живописью въ церквахъ съ изображеніемъ чудесныхъ исцѣленій и проч., свидѣтельствуетъ ясно, что всегда въ нихъ дѣло имѣлось съ истерическими конвульсіями и другими многочисленными проявленіями невроза, какъ параличи, даже съ атрофіею мускуловъ, опухолями и язвами. Демонстрируемый авторомъ случай исцѣленія въ XVIII в. дѣвицы Куаренъ, страдавшей параличемъ и опухолью въ лѣвой груди раковаго характера, предназначается спеціально для нагляднаго подтвержденія основаній теоріи автора. Этотъ случай, во первыхъ, показываетъ, что лишь благодаря точности діагноза можетъ держаться вѣра въ существованіе исцѣленій болѣзней органическихъ, какъ напр. ракъ. „Никакое вмѣшательство не можетъ расширить предѣлы исцѣленія вѣрою, ибо мы безсильны противъ естественныхъ законовъ. Никогда, напр., не было случая, какъ видно изъ списковъ такъ называемыхъ чудесныхъ исцѣленій [1], чтобы подъ вліяніемъ вѣры выросъ отрѣзанный членъ тѣла". И дѣйствительно, въ случаѣ съ m-lle Куаренъ опухоль оказывается, по діагнозу Шарко, истерическою, а не органическою, обусловленною весьма частою при нервныхъ параличахъ атрофіею мускуловъ съ послѣдующими за нею разстройствами въ питаніи органовъ [2]. Во вторыхъ, демонстрируемый случай хорошо доказываетъ естественный характеръ „терапевтическихъ чудесъ". Болѣзнь со всѣми ея симптомами исчезаетъ не внезапно и мгновенно, но постепенно, въ полномъ согласіи съ физіологическими законами, хорошо извѣстными врачамъ. Такъ исчезновеніе болѣзненныхъ симптомовъ у Куаренъ идетъ въ порядкѣ, установленномъ естественными законами: сперва исчезаетъ опухоль, грудь засимъ принимаетъ нормальную величину, мѣстныя условія нитанія тканей измѣняются къ лучшему и т.

---

[1] А ухо Малха? А рука св. І. Дамаскина?..

[2] Самый случай сообщается и у Regnard'a p. 139 f.

д.; зарубцованіе раны совершается въ 15 дней, а не сразу, т. е. въ такой срокъ, какой для этого полагается; равно полное возстановленіе двигательной способности въ параличной ногѣ (съ атрофированіемъ мускуловъ) требуетъ 20 дней, т. е. такого срока, какой обыченъ въ этихъ случаяхъ. Вообще, внезапность „терапевтическихъ чудесъ“ есть болѣе кажущаяся для врачей, чѣмъ дѣйствительная,—она существуетъ болѣе для глазъ простого зрителя, но врачъ открываетъ въ исцѣленномъ, какъ это знаетъ Шарко изъ своей практики, еще долго спустя по исцѣленіи существованіе болѣзненныхъ симптомовъ, иногда ускользающихъ даже отъ самихъ исцѣленныхъ, напр. разстройства чувствительности у исцѣленныхъ параличныхъ [1]. „По физіологическому закону (болѣзненныя) явленія не могутъ исчезнуть сразу, а пока онѣ существуютъ, какъ я часто показывалъ это въ моей клиникѣ, всегда можно опасаться возвращенія“ болѣзни. Въ заключеніе Шарко высказываетъ мысль, что хотя наука все болѣе и болѣе своими объясненіями чудесъ будетъ съуживать ихъ область, однако она далека отъ претензій на полное вѣдѣніе въ этой области, и Шарко не удержался отъ обычнаго искушенія заключить свою статью истрепанною цитатою изъ Шекспира о близорукости человѣческихъ мудрецовъ [2].

Какъ сообщаютъ газеты, по распоряженію самого папы Льва XIII новый романъ Э. Зола зачисленъ уже въ index запрещенныхъ книгъ, а католическіе богословы снѣшатъ, поощряемые папою, съ опроверженіями и разборомъ книги. Но ихъ интересуетъ не столько спеціальная сторона романа, сколько та, которою затрогивается исторія св. Бернадетты, исторія самого грота и т. п. предметы, грубаго прикосновенія къ ко-

---

[1] Ср. Бернгейма, стр. 298 (О внушеніи).

[2] Въ нашей печати статья Шарко нашла себѣ рѣзкое осужденіе и только отчасти обсужденіе, напр. см. Церк. Вѣстникъ 1892, № 50, Руков. для сельск. Паст. 1893, №№ 5, 6, 24 (ст.: „Чудо безъ Бога и вѣра безъ вѣры“, „Еще нѣсколько словъ о безбожныхъ чудесахъ Шарко“, „Идутъ ли гипнотическія кудесничанья въ какое либо сравненіе съ религіозными чудесами?“)...

торымъ не выноситъ искреннее религіозное чувство вѣрующихъ католиковъ. Для насъ однако важнѣе первая сторона романа, въ которой онъ является, въ соотвѣтствіи общему направленію литературнаго творчества Э. Зола, художественнымъ воплощеніемъ въ образы и картины послѣдняго слова точной (матеріалистической) науки и такой же философіи, а лучше сказать—статьи Шарко (The fait—healing). Романъ служитъ къ ней иллюстраціею и восполняетъ замѣтный въ ней пробѣлъ, допущенный проф. Шарко, который изобразилъ въ ней механизмъ цѣлебной вѣры, но не показалъ дѣйствія его въ конкретной и живой обстановкѣ,—не достаточно демонстрировалъ свою теорію фактами, изобильно доставляемыми Лурдомъ. Это дѣлаетъ Э. Зола въ своемъ, правда очень растянутомъ, но весьма цѣлесообразно скомпанованномъ романѣ—для той цѣли, которую онъ себѣ поставилъ. Цѣль эта—подтвердить послѣднее слово науки, т. е. статью Шарко, и показать, что всегда въ Лурдѣ „желаніе исцѣленія исцѣляло, жажда чуда творило чудо“ (Le désir de guérir guérissai, la soif de miracle faisait le miracle) [1]. Авторъ стоитъ въ романѣ на современно-научномъ уровнѣ вопроса и хорошо ознакомился съ литературою его, а равно точенъ въ передачѣ фактовъ, какъ есть основанія думать. Статья Шарко даетъ ему планъ и программу романа, и онъ ни въ чемъ не отступаетъ отъ нея. Его прямая задача поэтому изобразить всю обстановку исцѣленій, съ перваго момента ея, такъ, чтобы она представляла изъ себя во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ непрерывный процессъ чего-то въ родѣ гипнотизаціи больныхъ, одного сплошного внушенія вѣры въ исцѣленіе. По теоріи Шарко сила внушенія пропорціональна слабости нервной системы и потому воспріимчивѣе къ нему истеричные. Но здѣсь, въ Лурдѣ, отъ начала до конца все разсчитано на разслабленіе и возбужденіе нервной системы, и безъ того слабой у больныхъ... Поэтому съ утомительною подробностью и однообразіемъ романъ изображаетъ всѣ элементы этого сложнаго процесса гип-

[1] Lourdes p. 229.

нотизаціи больныхъ въ Лурдѣ, которые и Шарко намѣчаетъ въ своей статьѣ. Таковы: путешествіе къ святынѣ, дѣйствіе сосредоточенія вниманія на одной идеѣ исцѣленія, поддерживаемаго постоянными молитвами, пѣніемъ однихъ и тѣхъ же священныхъ гимновъ, разговорами объ исцѣленіяхъ и т. п. Зола вышиваетъ свой романъ именно по этой канвѣ. Онъ даетъ растянутое описаніе утомительнаго, и физически и нравственно, путешествія въ Лурдъ съ 18 часовымъ пребываніемъ въ душныхъ вагонахъ среди стоновъ больныхъ и зрѣлища всѣхъ ужасовъ болѣзней этихъ moribonds, изъ которыхъ нѣкоторые умираютъ въ вагонахъ. Съ особенною любовью авторъ живописуетъ всюду это угнетающее нервы зрѣлище больныхъ даже на здоровыхъ. Не оставляетъ онъ безъ иллюстрацій и остальныхъ элементовъ, сводящихся къ дѣйствію на нервы религіознаго католическаго культа, по обычаю всегда дѣйствующаго на нервы и фантазію болѣе, чѣмъ на религіозное чувство. Здѣсь, въ чудесномъ Лурдскомъ гротѣ, если вѣрить роману, католицизмъ превзошелъ себя искуснымъ сочетаніемъ всего, чѣмъ можно потрясти сильнѣе всего нервную систему и воображеніе: обстановкою грота, молебствіями, мессами, грандіозными процессіями, напр., ночью съ факелами изъ толпы въ 30,000 человѣкъ и т. п. Здѣсь—не молитва, а экстазъ, религіозная экзальтація, столь выгодная для гипноза. Довольно искусно романъ подчеркиваетъ и другіе элементы колоссальнаго, массоваго гипноза, разшатывающіе нервы, какъ безсонныя ночи у грота и въ душныхъ больницахъ среди ужасовъ предсмертныхъ агоній и стоновъ больныхъ, и особенно дѣйствіе толпы, массы, по законамъ психологическимъ развивающихъ въ себѣ явленія и силы въ необычайныхъ пропорціяхъ и размѣрахъ, и въ томъ числѣ — самовнушеніе, сила котораго въ толпѣ поддерживается примѣромъ и удесятеряется [1]... Не безъ намѣренія дается извѣстное освѣщеніе и нравственной, такъ сказать, атмосферѣ или обстановкѣ, въ которой совершается чрезъ посредство св. Дѣвы непрерывное чудо милосердія Божія къ страждущему человѣчеству въ исцѣленіяхъ физи-

[1] См. стр. 199, 374 f., 396, 398.

ческихъ страданій его; если бы эти исцѣленія были дѣломъ Бога, то чудо здѣсь заключалось бы уже въ томъ, что Богъ изливаетъ Свою милость вмѣсто ярости на мѣсто, подобное Содому и Гомморѣ, если вѣрить Э. Зола [1]. Нѣтъ, здѣсь не небо дѣйствуетъ, но „детерминизмъ“ Шарко: небо дѣйствовало бы разумно и милосердно, давая исцѣленіе достойнымъ чуда, наиболѣе нуждающимся въ немъ, а здѣсь не видно ни разумнаго выбора, ни милосердія. Небо не позволило бы умереть невинному младенцу на рукахъ безумно его любящей и горячо вѣрующей матери (m-me Vincent...); оно, конечно, услышало бы вопль людей, свою жизнь и здоровье принесшихъ въ жертву ему, какъ миссіонеръ братъ Исидоръ... Конечно, младенцы не могутъ быть въ числѣ этихъ les miraculés: и Шарко требуетъ вѣры; не получаютъ исцѣленія въ романѣ и тѣ изъ взрослыхъ, которые по свойству своей болѣзни могли бы исцѣлиться, но не съумѣли поддаться гипнозу, укоренить въ себя вѣру въ исцѣленіе... Романъ иллюстрируетъ улучшенія органическихъ страданій, напр., lupus у Elise Rouquet [2]; мнимыя улучшенія, принимаемыя за исцѣленія (m-me Grivotte); наконецъ полныя исцѣленія параличныхъ, глухихъ, истеричныхъ и т. п. Съ этою цѣлью вводится особенно подробно обставленный эпизодъ исцѣленія одного изъ главныхъ персонажей романа m-lle Marie de Guersaint истеричной (avarienne hysterique) съ истерическимъ параличемъ, принятымъ ошибочно двумя медицинскими свѣтилами Парижа за органическій... Однимъ словомъ, романъ Зола мнѣ кажется растянутою статьею Шарко съ иллюстраціями, и я думаю, сказанное достаточно знакомитъ съ нимъ. Сила и значеніе его не въ немъ самомъ, а въ имени автора, въ томъ послѣднемъ словѣ науки, которому онъ служитъ, и въ склонности массы преклоняться предъ послѣдними словами и именами. Не забудемъ также интересной формы, въ которой предлагается это слово массѣ...

Все, до сихъ поръ изложенное, кажется достаточно выясняетъ важность и необходимость знакомства богослововъ съ

---

[1] См. напр., стр. 347. [2] Стр. 408 и др.

различными группами такъ называемаго оккультизма, особенно гипнотизмомъ, и здѣсь въ частности съ гипнотерапіею. Но въ этихъ же цѣляхъ нахожу неизлишнимъ заключить свой очеркъ переводомъ прекрасно иллюстрирующей эту мысль статьи французскаго журнала „Revue des Revues“ по вопросу объ исцѣленіяхъ вѣрою, подъ заглавіемъ: „Чудеса и гипнотизмъ“ [1].

Чудеса вообще и библейскія чудеса въ частности, такъ долго отрицаемыя наукой, вступаютъ въ болѣе благопріятную фазу. Благодаря прогрессу наукъ психологіи и физіологіи, чудеса признаны наконецъ за факты неоспоримые. Статья Шарко „Исцѣляющая вѣра“, между прочимъ, въ сильной мѣрѣ содѣйствовала повороту мнѣнія о чудесахъ. Знаменитѣйшій медикъ вѣка за одно съ Гербертомъ Спенсеромъ, знаменитѣйшимъ соціологомъ, который признаетъ одинаково реальность извѣстныхъ фактовъ, такъ называемыхъ, сверхъестественныхъ, вызвали, говоря вообще, нѣчто въ родѣ маленькой революціи въ этой области. Теперь у насъ предъ глазами любопытнѣйшее зрѣлище конца вѣка. Медики и не менѣе знаменитые отваживаются посылать своихъ больныхъ въ святыя мѣста въ Лурдъ и т. п., гдѣ калѣки начинаютъ ходить, слѣпые видѣть, больные при смерти получаютъ возстановленіе здоровья.

Торжественное вступленіе Лурда въ новѣйшую терапевтику кажется уже фактомъ свершившимся. Тѣмъ лучше и для больныхъ, и для Лурда, и для всякихъ другихъ мѣстъ, конкуррирующихъ съ послѣднимъ. Наука, однако, допускаетъ кое-какія оговорки, которыя, само собою разумѣется, неспособны приводить въ восторгъ людей простого ума. „Да“, говоритъ намъ Гербертъ Спенсеръ, „Лурдъ и ему подобныя мѣста исцѣляютъ, но лишь въ случаяхъ, очень многочисленныхъ, „dedoublement“, т. е. въ такихъ болѣзняхъ, когда достаточно

---

[1] Revue des Revues 1894, № 8 (avril) par Dr. A de Neuville Le miracles et l'hypnotisme.

повѣрить въ свое здоровье, чтобы исцѣлиться". Да, утверждаетъ д-ръ Шарко и съ нимъ представители Нансійской школы Либо, Бернгеймъ, Берилльонъ, Дюмонпалье и мн. др., чудесныя воды исцѣляютъ, но не иначе, какъ черезъ внушеніе. Только религіозное внушеніе сильнѣе гипнотическаго, — вотъ и все. Какое дѣло, впрочемъ, до имени: лишь былъ бы произведенъ благопріятный эффектъ? Не есть ли религіозное внушеніе простая разновидность вообще внушеній, которыя пріобрѣли право гражданства въ современной наукѣ? Важно лишь, что медицина не отступаетъ предъ извѣстными средствами, которыя нашими предками были бы отвергнуты съ презрѣніемъ. Она пользуется религіознымъ внушеніемъ такъ же, какъ и многими другими средствами болѣе или менѣе дѣйствительными; ибо, не смотря на благородство своего происхожденія, новый медикаментъ оказывается не всегда дѣйствительнымъ. Лишь отъ 20 до 30 случаевъ исцѣленія приходится на тысячу больныхъ—вотъ балансъ Лурда, говорятъ намъ его недоброжелатели. Я нахожу, что если эта цифра дѣйствительна, то она уже кое-что доказываетъ. Даже если признать, что только 5 или 10 случаевъ исцѣленій приходится на тысячу, то и тогда религіозное внушеніе достойно было бы занять приличное мѣсто среди новѣйшихъ медикаментовъ. Но какъ нужно примѣнять его? при какихъ условіяхъ оно дѣйствительно? вотъ рядъ вопросовъ, коими очень недавно занимался д-ръ Феликсъ Реньо, который, совершивши нѣсколько путешествій, сдѣлалъ сообщеніе по поводу ихъ въ засѣданіяхъ Гипнологическаго Парижскаго Общества.

Мой собратъ былъ въ наилучшихъ условіяхъ для разрѣшенія этого вопроса, такъ какъ д-ръ Реньо посѣтилъ нѣсколько мѣстъ, прославившихся болѣе или менѣе своими чудесами. Онъ былъ съ пилигримами въ Калькуттѣ по случаю столѣтняго юбилея Marie Alacoque и въ Лурдѣ. Но кажется, что Лурдъ служитъ лучшей обстановкой для чудесъ. Здѣсь все содѣйствуетъ исполненію внушеній. Представители святыхъ мѣстъ въ Индіи не понимаютъ, повидимому, ничего въ искусствѣ внушенія. Больные тамъ скучены безпорядочно. Мѣста паломничества представляютъ не что иное, какъ сборище вся-

кихъ прокаженныхъ, элефантіазиковъ, паралитиковъ и т. п. Больной при видѣ всѣхъ этихъ несчастныхъ теряетъ вѣру, а съ ней и шансы на исцѣленіе. Въ Лурдѣ же все принаровлено къ тому, чтобы укрѣпить воображеніе посѣтителей и сдѣлать внушеніе дѣйствительнымъ. Самое паломничество совершается тамъ цѣлыми провинціями. Сотни вѣрующихъ прибываютъ въ сопровожденіи своихъ священниковъ, они распѣваютъ церковные гимны на своемъ національномъ нарѣчіи, упражняются въ религіозномъ рвеніи, ободряютъ другъ друга и пріѣзжаютъ въ Лурдъ въ состояніи экзальтаціи, дѣлающей ихъ весьма доступными для впечатлѣній. Вотъ господствующіе въ Лурдѣ порядки, какъ о нихъ докладывалъ въ рефератѣ д-ръ Реньо.

Каждую партію сопровождаетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ больничный служитель-добровольцъ изъ чудесно исцѣленныхъ (les miraculés). Не трудно подмѣтить властное вліяніе на нихъ этихъ убѣжденныхъ прислужниковъ, которые подкрѣпляютъ паціента разсказомъ о своемъ исцѣленіи. Самое гипнотическое дѣйствіе производится двумя различными способами. Во-первыхъ, передъ гротомъ больные, доставляемые въ своихъ коляскахъ прислужниками, проводятъ въ молитвахъ нѣсколько часовъ, иногда цѣлый день. Гротъ бываетъ ослѣпительно освѣщенъ, статуя Дѣвы рѣзко выдѣляется при этомъ освѣщеніи, священникъ играетъ на органѣ, а толпа, нерѣдко въ нѣсколько тысячъ, распѣваетъ гимны. Какой врачъ-гипнотизеръ можетъ располагать подобными средствами? Не мало бываетъ и экстатиковъ. Можно видѣть фигуры, оцѣпенѣвшія въ молитвѣ съ блуждающимъ взглядомъ точь-вточь, какъ факиры въ Индіи, которые въ обнаженномъ видѣ неподвижно смотрятъ на солнце по цѣлымъ часамъ. Въ случаѣ, когда гротъ не помогаетъ, можно пить святую воду, но за всѣмъ тѣмъ остаются еще, какъ послѣдніе рессурсы, холодныя ванны температурой въ 6° въ трехъ водоемахъ или купѣляхъ. Водой пользуются по очереди нѣсколько больныхъ, и возобновляютъ ее лишь тогда, когда она загрязнится. Увѣренность и религіозная экзальтація достигаетъ здѣсь еще большаго размѣра, чѣмъ у грота. Наконецъ, однимъ изъ самыхъ цѣлесообразныхъ способовъ дѣй-

ствій является система удостовѣренія исцѣленій, констатируемыхъ докторомъ медицины. Послѣдній видитъ паціента лишь послѣ совершившагося исцѣленія и удостовѣряется въ его дѣйствительности. Но обыкновенно состояніе больного до его доставки въ святое мѣсто показываютъ свидѣтельства, выдаваемыя провинціальными врачами и скрѣпленныя лурдской администраціей. Иногда попадаются свидѣтельства о болѣзни, выдаваемыя, быть можетъ, немного необдуманно врачами, которые, поступая такъ, совсѣмъ не подозрѣвали, что они размножаютъ паломничество. Такимъ именно образомъ показывали въ свидѣтельствахъ съуженіе пищеводнаго канала тамъ, гдѣ дѣло шло о простыхъ истерическихъ спазмахъ, такъ что больные защищены отъ возраженій невѣрующихъ. Споръ становится возможнымъ. Ссылаются на мнѣнія медиковъ иногда авторитетныхъ въ медицинѣ. Увѣренность паціентовъ больше не поддается колебанію.

Что всего могущественнѣе способствуетъ успѣху лѣченія въ Лурдѣ, такъ это то, что внушеніе встрѣчаетъ здѣсь два фактора, самые необходимые для успѣха: вѣру со стороны больныхъ и вѣру со стороны врачей. Что было справедливо во времена ев. Матѳея (гл. XIII), который говоритъ намъ въ своемъ евангеліи, что Іисусъ Христосъ въ такомъ-то мѣстѣ не совершилъ многихъ чудесъ „вслѣдствіе невѣрія его жителей“, это одинаково справедливо и относительно нашего времени. Всѣ гипнотизеры хорошо усвоили себѣ это правило евангелія! Развѣ трудно подмѣтить, что они стараются искусственно внушить вѣру въ гипнозъ своимъ паціентамъ въ случаѣ недостатка у послѣднихъ? Точно также поступаютъ операторы, гипнотизеры. Имъ необходимо имѣть полную вѣру въ свои пріемы и внушенія. Вѣра, которая двигаетъ горами (ев. Матѳей), именно эта вѣра и встрѣчается на всякомъ шагу въ Лурдѣ. Она является тамъ настолько всепоглощающей, настолько убѣдительной, что согласно факту, сообщенному д-ромъ Берильономъ, одинъ врачъ скептикъ, отправившійся въ Лурдъ для изслѣдованія на мѣстѣ чудесныхъ водъ, видя предъ собою многочисленную толпу паломниковъ, стремительно бросавшихся на колѣни съ молитвами и причитаніями, не

устоялъ и былъ увлеченъ общимъ энтузіазмомъ! Но довольно этихъ отступленій, которыя, впрочемъ, еще больше подкрѣпляютъ тезисъ д-ра Реньо. Займемся лучше случаями исцѣленія въ томъ видѣ, какъ они изучены имъ на мѣстѣ. Замѣтимъ прежде всего, что болѣзни, съ которыми обращались въ Лурдъ, весьма разнообразны.

Самый главный контингентъ больныхъ доставляютъ истеричные, какъ-то: страдающіе параплегіей, нѣмотой, дрожаніемъ, морфинизмомъ и т. п.; далѣе идутъ чахоточные и больные одышкой. Между многочисленными больными, которыми кишитъ Лурдъ, есть много мнимо исцѣленныхъ. Есть напр. чахоточные, которые мнятъ себя исцѣленными, между тѣмъ какъ они всего на два шага отъ смерти. Такимъ образомъ одинъ бѣдняга больной, служащій теперь въ Лурдѣ добровольцемъ-больничнымъ служителемъ въ качествѣ чудесно исцѣленнаго отъ чахотки, вѣритъ этому съ такимъ простодушіемъ, что совершенно не замѣчаетъ искривленія позвоночника, голову, ушедшую въ плечи, и изможденную фигуру, хотя висящая одежда и само лицо выдаютъ тѣмъ не менѣе упорную чахотку. Въ общемъ у него наблюдается лишь простое улучшеніе болѣзни, явившееся благодаря тѣмъ причудамъ природы, которыя дѣйствуютъ иногда наперекоръ всякимъ медицинскимъ предсказаніямъ. Но больной такъ убѣжденъ въ исцѣленіи, что онъ чувствуетъ себя почти хорошо, благодаря только своей вѣрѣ.

Но рядомъ съ этими воображаемыми исцѣленіями существуютъ и дѣйствительныя: д-ръ Реньо разсказываетъ случай относительно чахоточнаго священника, который въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не могъ уже болѣе служить мессу и который послѣ трехъ холодныхъ ваннъ въ купѣли замѣтилъ, что силы его возстановляются. Есть ли это дѣйствіе холодной воды, или вѣра съ ея благотворными послѣдствіями, или то и другое вмѣстѣ—фактъ неоспоримъ: больной чувствуетъ себя лучше. Но съ другой стороны: есть ли это временное состояніе или радикальное исцѣленіе? Подождемъ, прежде чѣмъ высказаться объ этомъ послѣднемъ случаѣ, разсказанномъ д-ромъ Реньо.

Но что нужно особенно отмѣтить, такъ это совершеннѣй-

шее чистосердечіе медиковъ, изслѣдующихъ этотъ лурдскій случай серьезно и безпристрастно: добрая сторона такого отношенія къ дѣлу заключается въ усиленіи вѣры у тѣхъ, которые ѣдутъ сюда, чтобы найти себѣ въ вѣрѣ успокоеніе, а также всѣхъ тѣхъ больныхъ, которые здѣсь служатъ для нихъ живыми доказательствами дѣйствительности чудесъ.

Людямъ набожнымъ не слѣдовало бы, впрочемъ, довѣряться той моральной поддержкѣ, которую, какъ это можно было-бы думать, медики, сторонники системы внушенія, даютъ вѣрѣ. Развѣ не замѣчается уже, что они разрушаютъ шутливыми разсужденіями все то благо, которое Лурдъ и ему подобныя мѣста могли бы извлечь изъ этого поворота мнѣнія въ свою пользу? Напомнимъ по этому поводу одинъ фактъ, происшедшій совсѣмъ недавно.

Не дошелъ ли извѣстный бельгійскій докторъ проф. Роммелеръ въ своей смѣлости до того, что осмѣялъ Лурдъ довольно неожиданнымъ образомъ? Онъ лѣчилъ больную нервнымъ параличемъ. Больная однако потеряла въ концѣ концевъ вѣру въ своего врача, сохранивши во всей цѣлости вѣру въ чудеса. Что же сдѣлалъ врачъ? Онъ посовѣтывалъ почтеннѣйшей дамѣ отправиться въ Лурдъ, старательно внушая ей мысль, что она уже въ Марсели почувствуетъ себя лучше и почти исцѣленной. И дѣйствительно, больная по прибытіи въ этотъ городъ, вдругъ почувствовала себя исцѣленной и увѣдомила объ этомъ своего врача. Не трудно вывести отсюда заключеніе! И такъ, въ дѣлѣ пропаганды чудесъ у Лурда въ запасѣ есть и врачи, на поддержку коихъ онъ можетъ разсчитывать (D-r. A. Neuville).

Библиотека ООН
Академии Наук СССР